

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ 7 НОВАЯ

1996

американская фантастика

Джерри Олсен

Каролин Из Гилман

Рэй Бредбери

**СЕЛЬСКАЯ
МОЛОДЕЖЬ**

"Жив, курилка!" говаривали в пушкинские времена. Так и мы скажем про замечательный журнал "Сельская молодежь": жив, курилка, вопреки всем невзгодам!

Чего только не случается в наше беспокойное время: кто-то ловит миг удачи, кто-то теряет даже надежду; выборы и разборки, взрывы и пожары... Одним голодно и холодно, другим — сытно и тепло. Порядочность и подлость, добро и зло, великое и смешное бок о бок. И все-таки мы уверены в лучшем.

А потому напоминаем, что "Сельская молодежь" — это журнал, который обращен к тем, кто, несмотря ни на что, не потерял любознательность, интерес к изящной словесности, чувство юмора, к тем, кто хочет жить. Жить честно и интересно.

Мы пишем и о хорошем, и о плохом. Больше о хорошем. Много помним и напоминаем нашим читателям. Открываем новые имена — писателей и поэтов, художников и политиков; рассказываем о трудах фермеров и молодежном досуге. Фотографируем и рисуем. Публикуем ваши письма, помогая кому-то найти работу, а кому-то — мужа или жену.

Потом — через годы — вы будете вспоминать "Сельскую молодежь", перелистывая подшивку: и спокойную мудрую публицистику, и архивные изыскания по истории России, и невиданные ранее рассказы Гайто Газданова, Аркадия Аверченко, Саши Черного, и приметы времени, замеченные нашими журналистами во всех уголках России. Пригодятся вам и новости музыкальной жизни, и неожиданные парадоксы молодых умов, и занятные повествования о собачках разных пород, и советы, как огороδικ подправить да с болезнями справиться. И просто хорошие, добрые, умные слова, которые "СМ" всегда умеет найти.

Подвиг

Ну а любители приключений, детективов и фантастики, конечно, знают, что вместе с "СМ" надо подписаться на популярнейшее приложение к журналу — "Подвиг"! Это значит, что за полгода вы получите добрый десяток остросюжетных романов и повестей известных зарубежных и российских писателей.

Наши индексы в каталоге "Роспечати":

"Сельская молодежь" — 70813,

"Подвиг" — 70814.

Наш адрес: 125015, Москва. Новодмитровская ул., д.5а.

Наши телефоны: 285-8004, 285-8073.

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ / 1996
НОВАЯ
американская фантастика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Выходит с июля 1994 г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Лариса Михайлова

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

ПРОЗА

Джерри Олтиен

ПРОЕКТ ЗАКРЫТ

Перевёл Андрей Колобанов

Кэролин Ив Гилмэн

ВОЛЬНЫЕ КОРАБЛИ

Перевёл Андрей Колобанов

ФЭРНИ

Рэй Брэдбери

«ЛАФАЙЕТ», ПРОЩАЙ!

Перевёл Владимир Артамонов

ИНВАРИАНТ

Алексис де Токвиль

ДЕМОКРАТИЯ В АМЕРИКЕ

Перевела Ирина Малахова

ГОЛОСА ПРОСТРАНСТВА

Пол Андерсон — Ивану Ефремову

Перевела Лариса Михайлова

ОБЪЯВЛЕНИЯ. АНКЕТА. ПОДПИСНОЙ АБОНЕМЕНТ

© Mercury Press, Inc. All rights, including translations into other languages reserved
© «Сверхновая. F&SF», 1996.

Издание осуществляется по договору с «Mercury Press, Inc.»

Главный редактор — Лариса Михайлова

Редакция: Ольга Спицына, Татьяна Добрушина, Татьяна Коваленко

Научный консультант: Владимир Герасименко

Обложка: Брин Барнард

Иллюстрации: Владимир Подколзин, Вера Новосельцева, Саша Федорова и
другие молодые художники студии «Старт»

Верстка, цветоделение, вывод фотоформ: Издательский центр «Техника-молодёжи»

Телефоны: 285-88-79, 285-56-25. Факс: 285-16-87.

Обратите внимание — координаты «Сверхновой» изменились!!!

Адрес редакции: 119899: Москва, Ленгоры, Научный парк МГУ, к.512

Телефон: 932-90-69 Факс: 932-90-46 e-mail: supernova@netclub.ru

Ранее вышедшие номера журнала Вы можете приобрести в редакции или заказать по
почте наложенным платежом. Открытки высылайте в адрес редакции.

*Несанкционированная перепечатка
не допускается и преследуется по закону*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ

Рег. № 012254 от 23.12 1993 г.,

Изменение названия перерегистрировано Комитетом РФ по печати 29.08.96 г.

ЛР № 063160 от 14.12 1993 г. Подписано в печать 31.08.96.

Формат 60х84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Объем 9 п. л.

Усл. п. л. 8,37 Тираж 10 000 экз. (первый завод 3000 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии «ЭРА»
г. Москва, 7-я Парковая, 21 А.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР

«Люди идут по свету, людям немного надо...» Кто не пел этих слов у костра в походе — тому, вероятно, не удастся ощутить заключенного в них дуновения ветра дальних странствий. Но для тысяч наших читателей достаточно будет уже первых нот песни ветра, чтобы угадать его мелодию.

Русское слово «вольный» оказалось очень созвучно английскому «wild»: «Wild Ships of Fairny» — новая повесть Кэролин Ив Гилмэн никак не могла обрести истинного названия по-русски, пока вдруг не явилось вместо неподходящего (пусть и более распространенного) значения слова «wild» — «дикие» это общее, раскрепощающее — «рожденные свободными», «вольные». И сразу ветер наполнил паруса на обложке...

Вот уже два года «Сверхновая» знакомит читателей с новинками американской (и не только) фантастики. Думаю, еще не время отчитываться о проделанной работе, для журнала это младенческий возраст. И пока мы только представляли вам наиболее интересных авторов «F&SF», лишь у некоторых отобрали две или три вещи для публикации. Сольные выступления у них еще впереди. Выполнив обещание, мы опубликовали новые вещи Урсулы Ле Гуин и Рэя Брэдбери (N 3-4, 1996). Простились с Роджером Желязны, напечатав его последний рассказ «Три нисхождения Джереми Бейкера» (N 5-6, 1996). И в том же номере вновь встретились с Айзеком Азимовым — его 400-й очерк для «F&SF» все-таки состоялся благодаря усилиям жены, подобравшей высказывания «старейшины» нф о науке и ученых за последние полвека.

Каждый из тематических номеров был примечателен по-своему и мы их перечислим в небольшой анкете в конце номера, которую просим вас заполнить. Но мне особенно запомнился тот, где объединились рассказы отечественных и заокеанских фантастов, когда больше всего приходилось задумываться о корнях наших культур и перспективах их развития (N 1-2, 1996).

Российские экономические недоразумения затмевают подчас силой своих конвульсий сложности и напряженные моменты в социальной жизни других стран. Однако, когда за американской астронавткой на орбиту никак не может месяц за месяцем подняться корабль (наш корабль, это в реальной жизни, летом 1996 года, а не за рубежом третьего тысячелетия), тут поневоле фантастическую повесть Джерри Олтиена «Проект закрыт» начинаешь воспринимать как пророческую. Для духа исследования, питающего жизнестойкость рода человеческого, Духа Надежды остается катастрофически мало места. И все же он невыразимо силен. Мы помещаем свидетельство Пола Андерсона, известного фантаста, который в одном из писем к И.А.Ефремову пишет о реакции американского борца за равноправие Ральфа Абернати: он привел своих сподвижников на мыс Канаверал протестовать против расточительности космической программы, но позабыл «зачем пришел», став очевидцем грандиозного запуска ракеты «Сатурн-V». Еще в древности сказано: не хлебом единым жив человек. Путеводная звезда человечества все так же сияет над головой, а сила человеческого духа — как компас земной. Снова песня права.

С этого номера начинаем в рубрике «Голоса пространства» публикацию писем американских и английских писателей-фантастов Ивану Антоновичу Ефремову, великодушно переданных нам Т.И.Ефремовой. Надеемся, многие смогут с новой для себя стороны увидеть творчество знакомых авторов.

Ностальгией по загубленному проникнут рассказ Рэя Брэдбери «Лафайет, прощай!» В старости грохот минувших сражений тревожит покой бывших бойцов. Ради чего тратили свой юный задор и небывалое искусство пилотажа все те, кто не вернулся из вылетов на аэродром? Бывшему кинооператору (один из излюбленных образов у Брэдбери, часто пишущего о людях Голливуда) теперь не дают спать вой моторов и глухие удары падающих с неба тел всех тех, кто пал от его руки. И вопрос не в праведности или неправед-

ности целей сражающихся. Пацифизм Брэдбери находит неотразимый аргумент: гибнут прежде всего молодость и красота, гибнут будущее и радость жизни. Поэтому возвращенный смех в финале звучит как награда нашедшему в себе силы выйти навстречу Эриниям памяти герою.

Эх, кабы всем воякам опамятоваться!

В рубрике «Инвариант», где мы на протяжении двенадцати номеров публикуем главы удивительно современной книги французского исследователя XIX века Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», в этом и 1997 году вас ждут встречи и с другими мастерами вести споры и излагать весомые аргументы в поддержку тех вариантов будущего, которые могут состояться. С вашей помощью.

В качестве заставок и мини-иллюстраций использованы работы учащихся московской детской архитектурно-художественной школы «Старт» — неистощимого кладезя талантов.

Лариса Михайлова

Джерри Олтиен

ПРОЕКТ ЗАКРЫТ

Дик Слэйтон, астронавт, умер от рака, а спустя шесть часов после этого его спортивный самолет взлетел с одного из калифорнийских аэродромов, и так и не вернулся. Пилот не отвечал на запросы диспетчера, сам самолет исчез с экрана радара вскоре после взлета, но очевидцы в один голос утверждали — это была машина Слэйтона. Что было невозможно, так как этот самый самолет никуда не исчезал из музея в Неваде.

Это происшествие бурно обсуждалось у нас на Мысе. В центре управления полетами все инженеры, астронавты и прочие сотрудники пересказывали его друг другу, словно мальчишки ночью у костра страшные истории, не принимая однако всерьез. В небе нетрудно перепутать самолеты, а запустить слух и того легче. За долгие годы таких слухов немало ходило, начиная с истории того парня, который утверждал, что его машину спихнул с дороги «Корветт» Гриссома сразу после пожара на «Аполлоне-1», и кончая рассказом некоего австралийца, который якобы нашел часть ггаринского скафандра среди космического мусора, вместе с остатками «Скайлэба», свалившегося где-то у черта на рогах. Просто еще один эпизод из богатого фольклора эры проекта «Аполлон», который и сам-то постепенно уходил в едва различимое прошлое, в легенду.

А когда умер Нейл Армстронг, с площадки 34 сам собой запустился «Сатурн V».

Рик Спэнсер стал тому свидетелем. Он прилетел на Мыс на своем Т-38 прямо с похорон на Арлингтонском кладбище, успел ур-

вать пару часов сна и еще до рассвета поехал понаблюдать за загрузкой в «Атлантис» спутника связи. Неказистый союз самолета и ракеты на площадке 39А доставит его на орбиту через неделю, если только эту чертову штуковину смогут наконец оторвать от земли — опять какой-то техник забыл сделать отметку в своем отчете и вся процедура застопорилась, пока начальник решал, перестраховаться ли ему и проверить работу, или поверить технику на слово.

Рик устал ждать, пока кто-нибудь примет решение, поэтому он вышел из шлюза душного грузового отсека, чтобы глотнуть свежего воздуха. Солнце едва показалось над горизонтом. Подвесной мостик под ногами, стальные конструкции вокруг отливали красноватым золотом в рассветных лучах солнца.

Кран с короткой стрелой высоко вверх был похож на драконью длинную, стройную шею и голову, с любопытством принимающуюся к огромному крылатому орбитальному кораблю, который покрывался под его взглядом испариной утренней росы. Двумястами футами ниже, под ногами, земля была все еще чернильно темна. Солнечные лучи не успели достичь ее, им понадобится еще несколько минут. Океан тоже темен, за исключением серповидной полоски у самого горизонта, где сияние солнца отражалось от воды. Со своей высоты Рик глядел вниз на уходящий к югу длинный ряд стартовых площадок, верхушки их пусковых мачт уже освещало солнце. За исключением площадок 34 и 37. Они были законсервированы после окончания программы «Аполлон», и теперь от них остались лишь бетонные бункеры и отражатели реактивной струи, которые нельзя было разобрать, — низкие серые формы, томящиеся в тени предрассветных сумерек. «Прямо, как вся чертова космическая программа», — подумал Рик. Нейла хоронили, как героя, а речь президента была полна обещаний новых финансовых вливаний в освоение человеком космоса, но это были лишь слова, и всем это было ясно. У Америки остался только стареющий флот из нескольких шаттлов, и вряд ли в обозримом будущем у нее появится что-нибудь еще. Даже, если НАСА выйдет из бюрократического ступора, в котором она увязла, и предложит новую программу, Конгресс никогда не утвердит ассигнования на оборудование.

Рик уже смотрел в другую сторону, но какое-то движение при-

влекло его внимание обратно к площадке 34, где прожекторные лучи залили светом сияющую белую ракету и ее оранжевую опорную мачту. Рик моргнул, но видение не исчезло. Он подошел ближе к перилам и прищурился. Откуда *это-то* взялось? Большая половина ракеты была освещена рассветными лучами. Бросив взгляд на мачту «Атлантика», Рик быстро прикинул, основываясь на собственной высоте над землей. Эта ракета должна была быть выше трехсот футов.

Триста шестьдесят три, если быть точным. Рик не мог, конечно, измерить с такой точностью, но — к чему. Он сразу узнал по черным полосам «Сатурн V», а его характеристики он помнил наизусть. Еще с тех пор, как мальчишкой сидел перед черно-белым телевизором родителей и наблюдал запуски космических кораблей. Трехсот шестидесяти трех футов высотой, полностью заправленный, он весил более трех тысяч тонн, сотни тысяч лошадиных сил тяги создавали пять двигателей Ф-1 первой ступени — это была самая гигантская ракета из когда-либо построенных.

С тех пор, как последняя из них была запущена, прошло уже более тридцати лет. Рик поднес левую руку к глазам и с силой потер их. Очевидно, смерть Нейла подействовала на него глубже, чем он предполагал. Однако, когда Рик открыл глаза снова, на площадке тридцать четыре все так же возвышался сверкающий белый шпиль, в блеске лучей прожекторов вдоль бортов ракеты струился парок — жидкий кислород в ее баках охлаждал и окружающий воздух.

Рик был один на платформе. Все оставались внутри, продолжая спор о процедуре загрузки. Будущий астронавт хотел было попросить кого-нибудь выйти наружу, чтобы тот сказал, не сошел ли Рик с ума, но эту мысль сразу пришлось оставить. За неделю до полета ни к чему признаваться, что у тебя галлюцинации.

А ракета и впрямь выглядела настоящей. Рик смотрел, как граница ночной тьмы сползает вниз по борту «Сатурна», скользя по утолщающимся ступеням к длинному цилиндру главного топливного отсека. Все происходило в полной тишине. Только потрескивала и постанывала стартовая мачта шаттла, нагревающаяся под солнцем.

Вдруг, без предупреждения, клубы отливающего красным белого дыма вырвались из-под ракеты. Слепящий блеск пламени от со-

единения РП-1 с кислородом зажег облако изнутри, и из-под дюз, отразившись от пламягасителей, во все стороны устремилось еще больше огненного газа.

Рик почувствовал, как под ним затрясся помост, но по-прежнему ничего не было слышно. Плюмаж выхлопов достиг уже высоты самой ракеты, загибаясь по краям, словно гриб атомного взрыва, и тут ракета медленно начала подниматься. Сияющее белое пламя залило всю площадку, а циклопический ракетоноситель, сжигая тысячи галлонов топлива ежесекундно, поднимался в небо. Лишь, когда пять похожих на колокольчики сопл поднялись над пусковой мачтой — почти через десять секунд после старта — плотная струя пламени залохматилась у краев. Несколько последних язычков лизнули землю, и ракета полностью оторвалась от нее.

Мачта шаттла под ногами Рика затряслась сильнее. Он за что-то ухватился, как раз когда звук достиг его ушей: громopodobный, перекатывающийся удар, отбросивший его на внутренние ограждения помоста и заставивший заткнуть уши руками. Вся мачта дрожала, как небоскреб во время землетрясения, сбитый с ног Рик стоял на коленях на покрытом специальным антискользящим слоем решетчатом полу. Он даже не пробовал подняться, со страхом и восторгом глядя вверх на быстро уменьшающийся в размерах «Сатурн», грохот двигателей которого понемногу стихал.

Когда Рик моргал, в глазах по-прежнему плясали негативные отпечатки слепящих языков пламени. Ну и что. Он продолжал наблюдать, как ракета, пройдя плотный слой атмосферы, пошла по дуге вниз, чтобы набрать орбитальную скорость.

Дверь позади распахнулась и толпа техников в белых комбинезонах высыпала наружу. Первые несколько человек застыли, увидев поднимающийся в небо гигантский столб выхлопа, а задние продолжали напирать до тех пор пока все не оказались у перил. Молли, бригадир команды техников на погрузке, помогла Рiku подняться, и нагнулась прямо к его уху, чтобы перекричать гомон и все еще не затихший грохот:

— Что тут, черт возьми, происходит?

Рик покачал головой.

— Будь я проклят, если знаю.

— Сегодня не должно было быть никакого запуска, — недоумевала Молли.

Рик посмотрел на ракету, превратившуюся теперь в маленькую искорку, летящую к солнцу и ответил:

— Я думаю, в центре удивлены не меньше нашего.

И он показал на основание газового столба, где облако уже достаточно рассеялось, чтобы вновь можно было разглядеть пусковые мачты.

— Что? — переспросила Молли, прищурившись вглядываясь в клубы дыма.

Наконец, она поняла, куда показывал Рик.

— Так это же тридцать четвертая площадка!

#

Молли и ее люди нехотя втянулись обратно в шлюз, чтобы посмотреть, не повредила ли вибрация спутник, но Рик был свободен и поэтому спустился вниз на лифте, забрался в свой пикап и влился в череду машин, стремглав несшихся к пусковой площадке.

Молодые дубки и пальмочки скрывали из виду площадку до самого подъезда к ней. Рик думал, что сможет увидеть, по крайней мере, хоть четырехсотфутовую пусковую мачту, но, когда подъехал, понял, почему не увидел даже ее. Она исчезла, так же таинственно, как появилась, не оставив и следа.

Рик ехал по огромной бетонной площадке к основанию старого пускового пьедестала. Он был похож на гигантскую скамейку для ног: на четырех толстых ножках, высотой по сорок футов, лежала платформа толщиной в десять футов, посередине которой зияла дыра радиусом в тридцать футов для реактивной струи. Чуть поодаль виднелся фундамент и защитная бетонная стенка: все, что осталось от здания, в котором когда-то находились топливные насосы и оборудование для обслуживания пускового комплекса. Да и эти два сооружения выглядели старыми и побитыми непогодой. По их серым бокам стекали ручейки ржавчины, а на изъеденном бетоне трафаретом были нанесены слова: «ПРОЕКТ ЗАКРЫТ». Краска уже почти совсем стерлась

Из трещин в бетоне пробивался бурьян, зеленый и живой даже у самого пьедестала. Рик начал сомневаться в реальности того, что видел, так как, без сомнения, с этой площадки уже по крайней мере лет десять ничего не взлетало.

Но дуга реактивного следа все еще висела над головой в стратосфере, ветер еще не успел ее развеять, а когда Рик вышел из своего пикапа, в ноздри ему ударил запах, который нельзя перепутать ни с чем, — чуть влажный запах дыма РП-1 и обожженного при запуске бетона.

Беспрестанно хлопали автомобильные двери, и все больше народу скапливалось на площадке. Там и так уже собралось человек тридцать или сорок, а каждую минуту подъезжали все новые, но сутолоки не было.

Никто не хотел заговорить первым, признаться, что стал свидетелем чего-то странного, особенно перед лицом столь противоречивых обстоятельств.

Подкатил белый грузовичок техников-сборщиков, откуда среди прочих выбралась Тесса Макклеин, опытная астронавтка, с которой он близко сошелся за последние несколько месяцев. Заметив Рика, она подбежала к нему. Лицо Тессы пылало от возбуждения.

— Ты видел?

— Ага, — ответил Рик. — Я был на тридцать девятой пусковой.

Тесса посмотрела вверх на след от ракеты, прямые светлые волосы рассыпались по плечам девушки.

— Вот это да. Верно, было на что посмотреть. Я чувствовала, как дрожит земля, но выбралась наружу уже когда ракета была довольно высоко. — Тесса снова перевела взгляд на Рика. — Это ведь был «Сатурн V»?

— Похоже на то.

— Боже мой, это невероятно. — Она снова огляделась вокруг, обведя взглядом всю стартовую площадку. — Лунная ракета! Никогда не думала, что доведется увидеть такое снова.

— Я тоже, — сказал Рик. Он пытался подыскать слова поточнее. — Неужели мы действительно это видели? Тут же — ни мачты, ни топливных баков — ничего. А стартовый пьедестал слишком маленький для полностью заправленного «Сатурна V». Весь этот комплекс строился для «S-1B».

Тесса так и расплылась в улыбке, словно ребенок, увидевший рождественский подарок.

— Я уверена — кто или что бы ни стояло за этим небольшим представлением, оно могло обеспечить необходимое для такой цели оборудование. И забрать его обратно, когда все кончилось.

— Но это невозможно, — покачал головой Рик.

— Мы все свидетели, — Тесса засмеялась и показала рукой наверх. — Да и этот след еще виден.

Вдруг ее глаза сделались еще больше.

— Что такое? — спросил Рик.

Тесса смотрела на пятидесятиэтажный ангар, где собирали космические корабли, и прилепившийся к самому его основанию центр управления запусками.

— Интересно, посылает ли она телеметрию?

#

Потребовалось какое-то время, чтобы выяснить. Никто не помнил, на какой частоте транслировали «Аполлоны» или какие программы использовали обработчики данных, поэтому ребятам из центра управления пришлось повозиться в архивах. Еще больше времени заняла настройка приемников на соответствующую частоту, но когда техники наконец-то настроились на нужную волну, устойчиво пошел поток информации. Большую часть ее расшифровать было невозможно, так как программы были написаны для старых компьютерных систем Ар-Си-Эй, но, по крайней мере, стало ясно, что ракета не исчезла вместе с наземными сооружениями.

Рик и Тесса пришли в центр управления запусками, где наблюдали на верхних мониторах как программисты в главном операционном центре упорно пытались подогнать старые программы к новым машинам. На экранах появлялись в основном непонятные цифры, но каждые несколько минут один из программистов добавлял еще пару строк расшифрованного кода, и очередная колонка таблицы занимала свое место на экране. Уже стало ясно, где показатели температуры и давления в кабине, уровня топлива в баках первой и второй ступени и еще несколько простых показателей.

При нормальном ходе событий к этому времени проект переходил в ведение ЦУПа в Хьюстоне, но в данном случае запуск вряд ли можно было считать нормальным. Когда хьюстонский руководитель полетов узнал, что творит команда на космодроме Кеннеди, то не захотел иметь с этим ничего общего. Лучше держать свою голову подальше, когда прочие полетят по окончании этого безобразия.

Но космический корабль упорно не желал исчезать. Судя по показаниям радара, «Аполлон» завершил один полный оборот вокруг Земли и зашел на второй, когда возросла скорость и начал увеличиваться радиус орбиты. Одновременно уровень топлива в баках третьей ступени стал падать. Это могло означать только одно: двигатели снова заработали.

— Переход на окололунную орбиту, — прошептала Тесса. — Они летят на Луну.

— Кто, «они»? — спросил Рик. Пока еще телеметрия не подтвердила присутствия кого-либо в командном модуле: ни живого человека, ни призрака.

— Нейл, конечно, — сказала Тесса. — И бог знает, кто там еще с ним.

— Нейл лежит в гробу на Арлингтонском кладбище, — возразил Рик. — Я видел, как его хоронили.

— А еще ты видел сегодняшний старт, — напомнила Тесса. — И Нейл на борту не большее чудо, чем сама ракета.

— Логично, — слегка пожав плечами, согласился Рик. Прочем ему знать, какой из умерших космонавтов, начиная с Гагарина, мог находиться в модуле «Аполлона»-призрака. Это странное явление не имело пока аналогов; никто еще не знал правил этой игры.

#

Конечно, многие утверждали, что им они были известны. Физики на протяжении следующих дней плотно работали, в результате каждый выдвинул свое объяснение. НАСА было вынуждено закрыть для въезда все ворота и контрольные посты по периметру космического центра, чтобы не дать толпе сгорающих от любопытства мистиков наводнить его, но это лишь дало новую почву для слухов о якобы ведущейся на деньги налогоплательщиков разработке нового сверхсекретного космического корабля.

Поначалу руководство решило отмолчаться, но, когда против него было выдвинуто именно обвинение в утаивании правды, пришлось признать, что на этот раз построители бредовых гипотез оказались ближе к истине, чем представители научных кругов. В осторожном пресс-релизе начальник отдела НАСА по связям с общественностью выразил следующее мнение: «По некоторым

сведениям, с законсервированного комплекса тридцать четыре был запущен летательный аппарат, напоминающий по внешнему виду лунную ракету «Сатурн V». Данный запуск не был согласован с НАСА, а также не входит ни в одну из программ других государств, известных НАСА. По факту этого происшествия ведется полномасштабное расследование, и его результаты будут опубликованы, как только мы достоверно установим, что же произошло».

В переводе с бюрократического это значило: «Мы тоже ни черта не понимаем». Рик несколько дней провел в комиссии по расследованию, вновь и вновь повторяя свой рассказ, — не забывая говорить «казалось» и «походило на» в нужных местах, — так что, разбуди его посреди ночи, Рик рассказал бы все наизусть, только никому от этого не становилось легче. Тщательному осмотру подвергли стартовую площадку, на которой не было и следа взлета. Оставалось только читать телеметрию, шедшую с космического корабля, и строить предположения.

Через три дня после запуска призрачный «Аполлон» вышел на лунную орбиту. Еще через несколько часов, спускаемый аппарат отделился от командного модуля и, включив двигатели, начал снижение. Он направлялся к Морю Спокойствия. Похоже, лунный модуль намеревался сесть у кратера Коперника, на одной из трех площадок, выбранных для посадки так и не отправленных на Луну «Аполлонов». Но на высоте пятисот футов поток телеметрии внезапно прекратился.

— Что за черт? — Дэйл Джексон, импровизированный руководитель полета, требовал объяснений. Он стоял за одним из пультов в нижнем ряду и взирал на суету сотни техников, отчаянно пытавшихся восстановить сигнал.

Тесса и Рик смотрели сверху, сидя рядом за одним из неподключенных пультов и держась за руки, словно влюбленные подростки на свидании, попавшие на самый потрясающий фильм всех времен. Когда остановилась телеметрия, Тесса вздрогнула, будто на нее из шкафа выпрыгнуло чудовище.

— Что случилось? — спросил Рик. — Он взорвался?

Тесса покачала головой.

— Все сигналы прекратились. С командного модуля тоже, а он был еще на орбите.

— Высота пятьсот футов, — сказал Рик. Что-то было в этой цифре. Что должно было произойти на высоте пятисот футов при нормальной посадке на Луну?

— Есть! — громко воскликнул он, все в зале посмотрели на свои мониторы, но, не увидев там никакой информации, повернулись к Рiku.

— На пятистах футов был «нижний предел», когда командир должен был взять управление спуском на себя и прилунить модуль, — объяснил им Рик. — Компьютер не мог вести его до поверхности. Он не был рассчитан на поиск посадочной площадки.

— Так, ты думаешь, модуль разбился? — спросил Джексон. — Высота была пятьсот футов.

Рик был в нерешительности. Он сдерживался уже несколько дней, опасаясь, что вылетит из команды «Атлантика» из-за недуманной фразы, но все же не утерпел. Прокашлявшись, Рик ответил:

— Я думаю, когда наступил момент, чтобы управление перешло к человеку, ракета вернулась туда, откуда и появилась.

— Ну, конечно, — Джексон обернулся к техникам. — Поймай-те мне этот сигнал.

Но, несмотря на все их попытки, вскоре стало ясно, что больше никакого сигнала просто нет. И даже радар не фиксировал наличие корабля. Загадочный «Аполлон» исчез без следа.

#

НАСА задержало полет «Атлантика» с участием Рика еще на неделю, пока команда наземного обеспечения проверяла, не пострадал ли корабль от встряски, но наконец его признали готовым к полету. Рано утром Рик и еще четыре астронавта поднялись на лифте на верхушку пусковой мачты, забрались через люк в корабль и сели в противоперегрузочные кресла, пристегнувшись ремнями. После отсчета, который прерывался всего два раза из-за дефекта в измерителе уровня в топливной системе, они запустили три главных и два твердотопливных ракетных двигателя, — американский космический грузовик отправился на орбиту.

Это был первый полет Рика в космос. Однако, того восторга,

что ожидал новоявленный астронавт, как-то не чувствовалось. Большую часть своего свободного времени Рик смотрел не на проплывавшую внизу Землю, а на Луну, почти полную, только начавшую убывать. В момент старта «Аполлонов» с Земли на месте посадки только начинался лунный рассвет, как и в тех, настоящих, полетах больше четверти века назад. Так было рассчитано, чтобы освещение при посадке оказалось оптимальным, а исследовательский день вышел длинней. При возможной аварии ремонтировать тоже было бы удобней.

«То были суровые времена,» — думал Рик, пролетая между креслами первого и второго пилотов, наблюдая в носовых иллюминаторах висящий в четверти миллиона миль от челнока белый диск, — «Летишь черти на чем, жизнь на волоске, и весь мир заглядывает через плечо — хватит ли тебе мозгов, чтобы не расстаться с ней. Олдрин нечаянно сломал своим скафандром рычажок включения стартовых двигателей, и, чтобы запустить их и выбраться вместе с Армстронгом с Луны, ему пришлось засунуть в пазик свой фломастер. Фломастер! Случись что-нибудь подобное на шаттле, ЦУП, наверное, приказал бы команде экономить энергию и ждать помощи — только вот второй челнок все равно не смогут запустить раньше, чем через месяц после первого. Может, попросят русских подняться и запустить шаттл их фломастером.»

Он был несправедлив. Ремонт телескопа «Хаббл» потребовал недюжинной сноровки, а ученые на борту всегда чинили какое-нибудь оборудование. Но, конечно, ничто не шло в сравнение с ярким подвигом полета на Луну. В наши дни астронавты на шаттлах больше походят на ремонтников, чем на бесстрашных исследователей. Рик убедил себя, что на челноках ведутся важные научные исследования, но теперь, став свидетелем старта «Сатурна V» две недели назад, он вдруг понял, что не сама по себе наука завораживала его мальчишкой, и не за этим летел он в космос. Рик хотел проникнуть в тайны его глубин, а получалось, что взлететь выше двухсот миль над Землей никто ему и не собирался позволить.

Как бы он хотел, чтобы Тесса была с ним сейчас. Она бы поняла его чувства. Молодые люди часто делились воспоминаниями о том, что привело их в отряд астронавтов, и поражались сов-

падениям. Но полет Тессы на «Дискавери» должен был состояться лишь через полтора месяца.

Рик услышал возглас из среднего отсека.

— Дерьмо!

Секунду спустя в шлюзе командного отсека появился Пьер Рено, канадский инженер-исследователь, билет которого оплатила его компания, чья аппаратура составляла львиную долю груза челнока.

— Что случилось? — спросил Рик, увидев гримасу на лице Пьера.

— Туалет сломался.

#

Рик находился в послеполетном отпуске на Ки-Уэсте, когда произошел следующий запуск. Телефон пробудил его от крепкого сна на рассвете, и поднеся трубку к уху, Рик услышал бурчание Дейла Джексона.

— Взлетел еще один «Сатурн». Быстро давай сюда, чтобы сравнить данные.

Рик сразу сбросил с себя остатки сна. Меньше, чем через полчаса он был уже в воздухе, направляясь на север. Пересекая озеро Окичоби, Рик видел в небе остатки шлейфа ракеты, а на Мысе застал свежеразвороченный муравейник. Машины сновали туда-сюда по служебным дорогам, а шоссе за воротами были забиты во всех направлениях на многие километры.

Два курсанта ВВС, с вытаращенными глазами, проводили Рика из аэропорта в конференц-зал ЦУПа, где уже собрались и горячо обсуждали случившееся глава НАСА, руководитель полетов, офицер безопасности и по крайней мере дюжина других высокопоставленных чиновников. Рик удивился, заметив среди присутствующих и полетного врача, который к тому же делал какие-то заметки. Джексон, руководитель полетов, как раз говорил о сложностях, связанных с остановкой запуска полностью запрограммированного «Сатурна V» прямо на пусковой площадке, появившись еще один.

— Там даже нет емкостей для хранения топлива, не то что насосов для его откачки, — говорил он. — К тому же за пятнадцать

минут, или сколько они там стоят, времени едва хватит, чтобы закрепить шланги.

Тесса тоже была среди вызванных, она улыбнулась и помахала рукой Рикку. Обогнув весь большой стол, Рик придвинул свой стул к девушке.

— Что ты делаешь здесь? — прошептал он.

— Допрос с пристрастием, — ответила Тесса. — Я была на площадке при взлете.

— На какой площадке?

— Тридцать четвертой.

— Ты шутишь. Ты бы изжарилась, окажись так близко к месту старта.

— Я была в блиндаже.

Это и в самом деле могло послужить неплохой защитой. К тому же, и она могла не понадобиться. Трава при прошлом запуске не пострадала.

— Как ты там оказалась? — спросил Рик. — Откуда ты знала, что это случится вновь?

Тесса расплылась в улыбке, очевидно гордясь собой.

— Потому что привидения обычно возвращаются до тех пор, пока не получают то, за чем пришли, а сегодня как раз день возможного запуска.

Джексон все еще выступал.

— ... Потом у нас нет возможности передвинуть ракету, даже если мы и выкачаем все топливо. Придется восстанавливать подъездной путь, а эта тридцатипятиэтажная обуза так и будет торчать на месте.

Рик вдруг понял смысл этого собрания. НАСА рассматривало ракеты-призраки как угрозу и хотело ее устранить.

— Почему бы вместо этого не посадить в нее астронавта? — спросил он. — Времени достаточно, чтобы подняться по мачте к шлюзу и забраться внутрь до пуска.

Джексон глянул на него сверху вниз.

— В абсолютно неизвестную и непроверенную машину? Ни за что.

— Она известна и проверена, — вступилась Тесса. — Это «Сатурн V».

— Это черт знает что, а не ракета — ответил Джексон. — И

нет никакого смысла рисковать чьей-либо жизнью, ни на земле, ни в космосе.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил офицер безопасности. — Сбивать их?

Все нервно засмеялись, но быстро затихли. Джексон покачал головой.

— Я предлагаю не мешать им. Они ничему не вредят, кроме нашего престижа.

Уоррен Олтмен, пятый глава НАСА за последние два года, сказал:

— Вот именно. Нашему престижу. У нас и так достаточно проблем, не хватало только, чтобы Конгресс решил, что здесь все вышло из-под контроля.

Он приостановился, чтобы снять очки, и направил одну из дужек на Джексона.

— Нет, Дейл, мы не можем себе позволить бездействовать. Сколь неординарной бы ни была ситуация, мы должны поставить ее под контроль, показать Конгрессу, что мы управляем ею, иначе лишимся остатков доверия. Значит, надо остановить эти чертовы штуковины, а если нельзя сделать это на земле, то придется на орбите.

— Каким образом? — поинтересовался Джексон.

— Так, как предлагает Рик. Посадить туда астронавта, чтобы он прервал миссию на околоземной орбите. Через месяц у нас там уже будет шаттл, он встретит «Аполлон» и астронавт вернется на челноке.

— Оставив третью ступень и все остальное на орбите, — заметил Джексон.

— Все же лучше, чем на площадке, — ответил Олтмен. — К тому же, может удастся найти им применение. Ведь «Скайлэб» был просто пустой третьей ступенью «Сатурна», — он рассмеялся. — Черт, если это продлится еще пару месяцев, у нас на орбите будет достаточно модулей, чтобы соорудить настоящую станцию.

— А что, если они все будут исчезать, как и первый?

Глаза Олтмена сузились. Об этом он не подумал. Но пожав плечами, ответил:

— Побеспокоимся об этом после. Вполне возможно, что чер-

товы штуковины испарятся сразу, едва мы попробуем вмешаться. Как обычно и случается с призраками, — Уоррен дужкой очков оказал на Рика. — Твоя идея, согласен быть добровольцем?

— Конечно, согласен!

— Счастливчик, — прошептала Тесса.

#

Он тоже так думал, пока не началась предполетная подготовка. Весь следующий месяц Джексон по шестнадцать часов в день заставлял его тренироваться на имитаторах, отрабатывая миссию, о которой вот уже два десятилетия никто и не вспоминал. Рик заучивал расположение каждого рычажка и кнопки в командном модуле «Аполлона», пока не стал способен управлять кораблем даже с закрытыми глазами; он прошел через все непредвиденные ситуации, которые только могли вообразить полетные инженеры, включая облет Луны, чтобы разогнаться для возвращения на Землю, в случае, если ракета не позволила бы ему прервать полет до схода с околоземной орбиты. О такого рода выходе из миссии было известно достаточно после того, как на «Аполлоне-13» по пути на Луну взорвался бак с кислородом.

Рик даже упросил разрешить ему потренироваться в макете лунного модуля, чтобы он смог его использовать как спасательную капсулу в подобной экстренной ситуации. Рiku позволили попрактиковаться и с двигателями подъема и спуска на случай аварии, а потом он умолил разрешить ему отработать посадку.

— Только чтобы ты лучше почувствовал управление, — говорил Рiku Джексон. — Ты не сможешь на самом деле прилуниться, даже если захочешь — стоит тебе отделить спускаемый аппарат от командного модуля, и ты, считай, покойник.стыковка и швартовка управляются из корабля, а у тебя не будет второго пилота.

Рик задумался над этим. Неизвестно же, кто или что находилось в капсуле на самом верху огромной ракеты. Все, что угодно — от нетленного тела Армстронга до Духа Будущего Рождества. Известно только, что НАСА не собирается рисковать более, чем одной жизнью в этом полете.

И вот Рик уже стоял в полном одиночестве у основания бетонного пьедестала, за час до рассвета дня очередного ожидаемого

старта. На нем был современный скафандр, тот самый, в котором он летал на шаттле, но модифицированный, чтобы уместиться в кресле пилота «Аполлона» — большего за месяц не смогли изобрести, поскольку несколькими оставшимися в смитсоновском и других музеях историческим скафандрам программы «Аполлон» было уже по тридцать с лишним лет и они требовали серьезного ремонта. У Рика за спиной был еще и парашют. Идея Джексона, на случай, если весь «Сатурн V» вместе с мачтой исчез бы, стоило Рiku зайти в капсулу, находившуюся на высоте трехсот футов над землей.

В преддвухсветных сумерках площадка номер 34 выглядела зачарованной. Резкие порывы ветра налетали на кусты, пробивавшиеся из трещин в бетоне, громко шурша листвою. Рик чувствовал, что за ним наблюдают десятки глаз. В основном то были глаза служащих НАСА, сидевших в блиндаже, примерно в тысяче футов от него, но непроходивший холодок в спине наводил на мысль, что за Риком оценивающе следили еще чьи-то глаза. Что они могли в нем найти? Рiku едва сравнялось десять, когда прилунился «Игл»; никогда он не был военным, в отличие от первых астронавтов, вообще не служил в армии, просто с детства мечтал стать астронавтом. И вот он здесь, стоит в скафандре, держит в руке переносной вентилятор, размером с дипломат, будто служащий банка со своим кейсом на станции подземки, а пустая площадка словно насмехается над ним.

Даже площадки к северу были пустынные. «Дискавери» с космической лабораторией на борту поднялся на орбиту три дня назад, там Тесса с пятью другими астронавтами должна была исследовать влияние невесомости на процесс спаривания фруктовых мушек — и еще ждать прибытия Рика. Челнок занял ту орбиту, на которую скорее всего вышел бы «Аполлон», хотя тут, конечно, точно ничего предсказать нельзя. В противном случае Рик переходил к плану «Б»: возврату на Землю в капсуле «Аполлона».

Если это не получится, гибель неминуема. Ни один другой шаттл даже близко не был готов к запуску; «Атлантиc» все еще находился на авиабазе «Эдвардс», ожидая, когда грузовой Боинг 747 доставит его на Мыс, но, вероятно, напрасно, потому что у самолета в распорках крыльев образовались трещины; «Коламбия» и «Индевер» оба стояли в ангаре, пока их так называемые многоразовые

двигатели были разложены по всему служебному доку, а техники пытались соорудить из них хотя бы один работающий.

Рик же стоял, полностью собравшись. Его сердце учащенно билось, но он был готов к полету. Расправив плечи, он глянул на часы. В любой момент все могло начаться.

Внезапно и бесшумно появилась ракета. Свет прожекторов ослепил Рика, и он опустил солнцезащитный экран шлема, затем оглянулся вокруг, чтобы сориентироваться. Пусковая мачта возникла там, где он и ожидал, а «Сатурн V»... Рик поднял голову и сердце у него ёкнуло. Колоссально. От основания могло показаться, что ракета и так достаёт до Луны.

Но времени глазеть не было. Рик неуклюже побежал к лифту, его ботинки гулко стучали по бетону. Забравшись в кабину подъемника, он поехал наверх, с тревогой наблюдая, как удаляется земля под ногами. Когда лифт поднялся больше, чем наполовину, его залило солнечным светом.

Металлические конструкции вокруг Рика трещали и постанывали, как и мачта шаттла. Под ботинками шершавое покрытие навесного мостика к белой комнате и капсуле вполне вещественное. Шлюз был открыт, словно в ожидании Рика. Внутри в обычной ситуации Рика должна была встретить и помочь устроиться в кресле команда техников, но сейчас он был совсем один. Никто не ждал его и в капсуле. Быстро, чтобы не остаться на мачте в момент старта, Рик забрался внутрь, выключил свой вентилятор, отсоединил его от скафандра и выбросил из люка, подсоединив на его место один из шлангов корабля. Потом несколько раз подпрыгнул в кресле. Постучал по люку рукой. Твердо. Удовлетворенный, он выкинул парашют вслед за вентилятором, закрыл шлюз, задраил его и устроился в центральном кресле.

Приборная панель перед Риком, в неприятной близости от его лица, была сложной мозаикой переключателей и кнопок. Он просмотрел все показатели в поисках неисправностей, потом глубоко вдохнув, ощутил металлический запах сжатого воздуха. Система жизнеобеспечения скафандра работала. Нужно было выходить на радиосвязь.

— Центр, это «Аполлон», как слышите меня? — сказал Рик в микрофон своего шлема

— Слышу тебя хорошо, — ответил Джексон.

— К взлету готов.

— Хорошо. Примерное время взлета... ну, скажем две минуты.

— Вас понял, — пульс Рика бился как сумасшедший. Он пытался успокоиться, но отсутствие настоящего обратного отсчета усугубляло безумность всей этой затеи. Он сидел на макушке громадного привидения.

Рик заставил себя сосредоточиться на приборах. Основной силовой генератор: зеленый. Температура кабины: нормальная. Давление топлива —

Желтая лампочка замигала, и по стенам пробежал глухой шум.

— Зажигание, — сказал Джексон.

— Понял. Я почувствовал.

— Все двигатели включены.

В иллюминаторе шлюза Рик видел, как отсоединяется стыковочный рукав, а кабина, казалось, подалась немного вправо.

— Отрыв. Видим отрыв.

Шум усиливался, Рик почувствовал рост ускорения. Пусковая вышка медленно уплывала из вида, и вскоре перед Риком уже растялось одно только голубое утреннее небо. Он ожидал, что растущие «же» womнут его в кресло, но они увеличивались постепенно, — по мере того, как ракетоноситель жег свое топливо, он становился легче. При включении двигателей второй ступени почувствовался резкий толчок и перегрузки увеличились, но это все же было выносимо.

На этот раз Хьюстон подключился к действию. Центр управления принял руководство полетом, и Лаура Тернер, ответственная за связь, вышла в эфир:

— Выглядишь хорошо, «Аполлон». Отстрел первой ступени через двадцать секунд.

Рик почувствовал толчок точно по графику, и теперь, когда отстрел лась ступень вместе с жаростойкими щитками, астронавт мог выглянуть в иллюминатор. Флорида была уже далеко внизу и быстро уменьшалась в размерах.

Третья ступень включилась несколькими минутами позже, выводя корабль на орбиту.

— Точно в яблочко, — прокомментировала Лаура. — Мы видим тебя на радаре в сотне миль от «Дискавери», и вы сближаетесь.

— Вас понял.

Пришло время Рик у приниматься за работу. Хотя дел было немного; НАСА не позволило ему самому идти на сближение с шаттлов. Его задача была отключить двигатели, после чего Тесса подружила бы к нему на челноке. Затаив дыхание, Рик протянул к слишком близко расположенной приборной панели указательный палец руки в неуклюжей перчатке скафандра. Позволят ли ему корабль взять управление сейчас или оставит в плену до самой Луны? Или исчезнет легкой дымкой, едва Рик прикоснется к управлению?

Узнать можно только так. Переключатели защелкнулись с успокаивающим стуком, и лампочки индикаторов показали, что эти цепи отключились. Остальные приборы и сама капсула никак не изменились. Рик вздохнул свободно и доложил.

— Двигатели отключены. «Аполлон» готов к встрече.

— Вас понял, «Аполлон». Сиди и наслаждайся поездкой, Рик.

Он отстегнул ремни и выплыл из кресла. Капсула «Аполлона», может быть, и потеснее кабины челнока, но для одного человека там вполне хватало места, чтобы перемещаться от одного иллюминатора к другому и смотреть на бело-голубую Землю внизу.

И на полумесяц Луны. Она манила его теперь сильнее, чем когда-либо, ведь именно на этом корабле он мог туда долететь. Долететь и прилуниться, если бы только с ним было еще два астронавта.

Понемногу приближалась яркая на фоне непроницаемой тьмы космоса точка шаттла. Рик следил за челноком, пока тот не вырос в привычный куцекрылый самолетик.

— «Аполлон», это «Дискавери». Как слышишь меня? — В голосе Тессы заметно вполне понятное возбуждение. Не каждый день выпадает свидание с привидением.

Рик улыбнулся ее голосу. Ему всегда хотелось полетать вместе с Тессой. Но представлялось, по совести говоря, что ему выпадет подчищать крысиный помёт в лаборатории или что-нибудь вроде того, но вот он — командир своего собственного корабля, вершащий историю.

— «Дискавери», это «Аполлон». Слышу тебя хорошо. Рад видеть тебя, Тесса.

— Готов к выходу?

Выход в открытый космос. «Аполлон» нельзя состыковать с

шаттлом; Рик придется переправляться самому, оставив «Аполлон» дрейфовать в одиночестве, с заглушенными двигателями, так и не выполнившего — каким бы оно ни было — своего предназначения.

Но если НАСА действительно намерено превратить ракету в новый «Скайлэб», может это хоть немного успокоит тех, кто устраивает эти полеты. И она не станет космическим мусором.

Рик покачал головой. Кого он пытается обмануть? НАСА никогда не станет использовать этот корабль ни для чего. Это он понял по выражению лица Олтмена, когда Джексон поинтересовался, а что если корабль снова исчезнет. Олтмен просто хотел показать Конгрессу — и той силе, что вызвала к жизни новый «Аполлон», — что НАСА все еще чего-то значит. Расчет на то, что после включения двигателей этот корабль-призрак станет последним.

— Прием, «Аполлон», — послышался из наушников голос Тессы.

Рик сглотнул. Нарушь он сейчас план полета, его больше в космос не выпустят. Хуже того, корабль мог в любую минуту обратиться в ничто, оставив Рика в его скафандре медленно задыхаться в околорунном пространстве. Или ракета могла растаять над самой Луной, так же, как две первые, одна над кратером Коперник, вторая — над плато Аристарх. Но если не отважиться, как дальше жить с памятью о том, что упустил такую возможность слетать на Луну?

Ему всегда хотелось исследовать неведомое; что ж — это был вполне подходящий шанс. Рик понятия не имел, чей это был призрак и к чему он стремится, но корабль перешел теперь именно к нему, хотя бы по праву первооткрывателя. Так что же с ним делать?

— Прием, «Аполлон», ты готов к выходу? — снова спросила Тесса.

Рик глубоко вздохнул.

— Нет, — сказал он. — Нет. Вообще-то мне тут кое-какая помощь нужна.

— Какого рода, «Аполлон»?

— Ищу напарника для полета на Луну. Лучше двоих. Может, посоветуешь, кто бы согласился? — сказал Рик, глядя на сверкающий белый серп.

Возглас Тессы разобрать не удалось — то ли удивление, то ли радость звучали в нем, но вмешалась Лаура, из Хьюстона:

— Забудь даже думать об этом, Рик. Никто тебе не давал разрешения на продление полета. Ясно?

Рик вздохнул. Но мосты, полыхая, уже трещали у него за спиной.

— Ясно, как космос, Лаура, но я все равно лечу. И если смогу набрать полный экипаж, собираюсь совершить посадку, когда доберусь до Луны. И вы никак не сможете меня остановить.

— Вот уж нет, Рик. Тебе без центра управления не обойтись. Сейчас, когда ты уже отключил двигатели, нельзя быть уверенным, что дальнейший полет пойдет нормально. Тебе придется включать подачу топлива и зажигание самому, но без нас ты не будешь знать, когда. И даже в пути тебе будет нужен наш радар для ориентирования, и наши компьютеры для расчета корректировки курса, и —

— Я все понял, Центр, — судя по незамедлительности ответа и полноте аргументов, Лаура предвидела такую ситуацию, но это было неважно. — Вы блефуете, — продолжил он. — Вы не позволите нам умереть здесь, если сможете это предотвратить.

Лаура не ответила. Рiku этого было достаточно. Тессе, очевидно, тоже.

— Мы выходим, — сказала она.

Вмешался новый голос, Дейла Джексона.

— Вы остаетесь на месте. Рик, Тесса, мы не предоставим обеспечение для полета на Луну. Мне плевать, если вас вынесет из Солнечной системы, мы не собираемся ставить под угрозу выполнение всей космической программы для удовлетворения вашего любопытства.

— Какой программы? — укоризненно спросила Тесса. — Мы тут фруктовых мушек разводим.

Хотя это было и не совсем верно: в загрузку шаттла на этот раз входила астроном, которая проводила эксперименты с аппаратурой на платформе, выведенной в открытый космос, — но астроном действовала по программе Японии.

— Не собираюсь вступать с тобой в дискуссию. Тесса, если ты покинешь «Дискавери», тебя обвинят в пренебрежении обязанностями и неоправданном подвержении опасности остальных членов

экипажа. И я не блефую: попытаетесь покинуть околоземную орбиту на этом «Аполлоне» — останетесь одни.

Рик окинул взглядом пустые ложементы по обеим сторонам. В тесной нише за ними располагалось навигационное оборудование: телескоп, секстант и примитивный курсовой компьютер, который теоретически должен был производить расчеты, необходимые для сохранения курса корабля. Но Рик не умел пользоваться ими, и можно было ручаться, что ни Тесса, ни ее спутник не смогут вычислить с их помощью траекторию полета.

— Как думаешь, Тесса? — спросил Рик. — Справимся без помощи центра?

— Я не...

— Это не нужно, — в разговор вмешался еще чей-то голос, заглушая слова Тессы. Слышался сильный акцент, но Рик не смог сразу определить какой. Радиоловитель на частоте слежения и передачи данных?

— Кто это? — спросил он.

— Я Григорий Иванов, из русского космического агентства в Калининграде. Я слышал ваши переговоры и готов предложить помощь.

В Хьюстоне, очевидно, тоже слышали его.

— Вы не имеете права! — заорал Джексон.

— Еще как имею, — рассмеялся русский. — На самом деле, я обязан. Международные соглашения официально предусматривают, что Россия должна предложить помощь любому судну, потерявшему управление или покинутому в море или в космосе.

— Не лезь не в свое дело! — снова проорал Джексон. — Это судно не теряло управление и его никто не покидал.

— Правда? Может быть, я плохо расслышал? Вы собираетесь вести корабль к Луне? — Григорий снова засмеялся, явно наслаждаясь своим положением.

Джексону было не до смеха.

— Прочь с нашей частоты, русский, — прорычал он. — Ты создаешь международный инцидент.

— Искренне на это надеюсь, — ответил Григорий. — «Аполлон», повторяю свое предложение. Калининград обеспечит вам наземное обеспечение для посадки на Луну и возврата обратно. Вы принимаете нашу помощь?

Рик едва не разразился смехом. Может ли он доверить русским довести «Аполлон» до Луны? Неужто они на самом деле помогут американскому экипажу вновь выполнить полет, тридцать лет назад оконфузивший их страну? Почему бы и нет. Холодная война закончилась и была погребена под развалинами берлинской стены. Вопрос заключался в том, смогут ли они реально справиться. Их компьютерное оборудование было едва ли не таким же древним, как навигационный пульт на борту ракеты с его 36 килобайтами памяти, облеченными в килограммы проводов.

Но, по правде, у Рика не было большого выбора. Хьюстон бы сопротивлялся каждому его шагу. Кроме того будет весьма неплохо, если миссия станет международной. Рiku по возвращении не помешает поддержка. Если, конечно, он вернется. Тряхнув головой, Рик ответил:

— В бурю любой порт хорош, Калининград. Принимаю ваше предложение.

— Это измена! — заорал Джексон, но Рик пропустил этот крик мимо ушей.

— «Аполлон», мы выходим, — сказала Тесса.

— Вы что, уже готовы?

Прежде чем покинуть корабль, астронавтам было необходимо два часа дышать чистым кислородом, чтобы вытеснить из крови азот; Тесса и тот, кто решил идти с ней, должны были начать еще до взлета Рика.

— Все предусмотрено, — с удовольствием ответила Тесса. — Вдруг пришлось бы тебя спасать.

— Ну да, конечно, — ответил Рик.

— Тесса, подумай хорошенько, — снова попытался урезонить ее Джексон. — Ты рубишь всю свою карьеру под корень.

— Полет на Луну того стоит.

— Но это же вовсе лишь призрак, черт возьми! Хуже, чем пустое место. Ты можешь погибнуть.

— Неужели? Мы все можем погибнуть. Хотя, конечно, можно и отказаться от мечты и продолжать выводить наши шаттлы на околоземную орбиту, пока они не обветшают окончательно, и Конгресс не вынесет решения, что полеты человека в космос — пустая трата времени. Я не хочу окончить свои дни в доме престарелых,

мучаясь мыслью, что упустила единственный шанс совершить настоящий космический полет.

Тут, видимо от напряжения, Тесса с шумом выдохнула и Рик увидел, как открылся люк на корпусе шаттла. Из него сначала выплыла одна фигура в белом скафандре, затем другая. Кто бы это мог быть? Член штатной команды челнока? Вряд ли. Кто-то, способный довести этот гибрид самолета с ракетой до Земли, должен был остаться на борту. Значит, один из ученых. Рик прокрутил в уме список, выбор очевиден: Йосико Сугано, японка-астроном. Ее платформа с аппаратурой была спроектирована для полета вне шаттла, без его сбивающих точность измерений вибрации и свечения поверхности. Йосико разбиралась в стыковочных маневрах лучше, чем кто-либо из остальных астронавтов на борту; из нее вышел бы прекрасный пилот командного модуля при посадке на Луну. Кроме того, ее участие придало бы полету настоящую международную окраску, что Тесса, без сомнения, продумала еще задолго до подключения Калининграда.

Так оно и было: когда две фигуры в скафандрах добрались до «Аполлона» и подползли, цепляясь за обшивку, к открытому люку, Рик увидел улыбающееся лицо Тессы за прозрачным забралом шлема, а следом двигалась, чуть смещаясь то вверх, то вниз, как поплавок внутри своего стандартного скафандра, Йосико. Лицо ее вовсе не светилось радостью, как у Тессы, но она все же последовала за командиром.

— Прошу разрешения подняться на борт, — сказала она немного запыхавшись.

— Да, да, конечно! — ответил Рик, помогая ей и Тессе забраться сквозь узкий прямоугольный проем. Они прошли впритирку; модифицированный скафандр Рика проходил спокойно, но обычные шаттловские скафандры не были приспособлены под шлюз «Аполлона». Рик немного запаниковал при мысли о том, пройдут ли они сквозь люк спускаемого аппарата. Стоило проделать весь путь до Луны, только чтобы застрять в дверях.

Хотя об этом уже поздно беспокоиться. Как Олдрину и Армстронгу с рычажком включения двигателей, им придется придумывать что-нибудь прямо на месте.

Пока все трое пытались устроиться в ложементах, Джексон сде-

лал последнюю попытку удержать их, пригрозив обвинить заодно с Российской Федерацией в пиратстве, но Рик ответил:

— Этот корабль не принадлежит НАСА. Он никому не принадлежит. Или, может быть, всем. В любом случае, если не собираетесь помогать, выметайтесь с этой частоты, она нужна нам для связи с центром управления.

— Центр управления здесь, черт побери! — опять заорал Джексон. — И я приказываю вам вернуться к выполнению плана полета.

— Извини, — сказал Рик. — Теперь этим кораблем управляет Калининград. Пожалуйста, покинь эфир.

Джексон что-то еще сказал, но одновременно заговорил и русский, поэтому ничего нельзя было разобрать.

— Повторите, Калининград, повторите, — попросил Рик, и на сей раз Джексон сохранил молчание.

— Еще есть возможность вписаться в первоначальный график, если у вас получится подготовить двигатели к пуску за пятьдесят минут. Как вы оцениваете эту возможность? — спросил Григорий.

Рик посмотрел на Тессу, она согласно кивнула и подняла вверх оба больших пальца. Иосико, глядя широко открытыми глазами, только пожала плечами. Это был ее первый космический полет, однако проходил он вовсе не так, как она ожидала.

— Надо нам снять эти чертовы скафандры, — сказала Тесса. — Они не приспособлены к ложеаментам «Аполлона», и ускорение при выходе на лунную орбиту просто сломает нам шею.

— Тогда, снимайте свои скафандры, — ответил Григорий. — И приготовьтесь к включению двигателей через пятьдесят три минуты.

— Понял. — Рик удостоверился, что люк шлюза задраен, и восстановил давление в кабине. Указатель достиг отметки нормального давления, и Рик начал поворачивать свой гермошлем, пока не расщелкнулись крепления. Тесса и Иосико тоже сняли шлемы.

Три шлема заполняли собой почти все пространство между астронавтами и приборной панелью. Снятие же скафандров превратилось в комедию положений из-за того, что все трое постоянно толкали друг друга локтями, ударялись плечами и головами. На тумблерах управления были скобы наподобие металлических крышек на старинных жестяных банках, торчавшие по обе стороны каждого тумблера, чтобы предотвратить случайное переключение,

но Рик все же постоянно вздрагивал, когда ктонибудь задевал панель то рукой, то ногой.

— Это смешно, — сказала Тесса, хихикая. — Давайте раздемся по очереди, а потом поможем друг другу.

— Точно, — ответил Рик. — Ты первая.

Он и Йосико расстегнули металлический пояс скафандра Тессы и сняли верхнюю часть, а потом, пока Йосико держала Тессу за плечи, Рик снимал нижнюю. Тесса осталась в своем «спэндексе», охлаждающем и вентилирующем костюме, менее удобном, чем обычная одежда, со всеми вшитыми в него пластиковыми трубками и воздухопроводящими шлангами, бежавшими по всему телу, но все же более удобном, чем скафандр. Она не сняла и свой подшлемник с передатчиком, чтобы сохранить связь с Землей. Рик запихал скафандр в ящик для оборудования за ложементами, потом они с Тессой помогли раздеться Йосико, и наконец девушки сняли скафандр с него. Хотя, это все же было довольно сложно, и один раз Рик даже уткнулся лицом в грудь Йосико, но едва он отпрянул, извиняясь, как тут же стукнулся головой о контрольную панель.

Йосико рассмеялась и сказала:

— Не переживай. Я думаю, мы тут все очень сплотимся до конца полета.

Рик украдкой взглянул на Тессу, с которой они уже довольно сплотились на Земле, девушка укоризненно улыбнулась в ответ.

— И не мечтай, Рик, — сказала она. — Здесь места не хватит даже высморгаться.

Йосико покраснела и Рик тоже. Он попытался возразить:

— Я не об этом подумал.

— Конечно не об этом. Будь осторожна Йо. Он неуправляем. К счастью, приборы будут занимать у него слишком много времени, чтобы приставать к нам.

Йосико рассмеялась немного нервно, и Рик понял, что его протянули. Что бы он ни возразил, не спасет.

Тесса была, однако, права насчет приборов. Кроме того, убрав скафандры, им надо было приниматься за отвод «Аполлона» от шаттла, который уже и сам начинал удаляться, а затем сориентировать корабль так, чтобы толчок двигателей вывел его с орбиты, не забывая проверять состояние электронного и механического оборудования на борту.

Через пол-орбиты на панели загорелись зеленые индикаторы, означавшие приближение момента истины, астронавты нервно ожидали истечения последних минут. Топливо закачено в двигатели, навигационный компьютер включен, в Калининграде рассчитали время и продолжительность включения на случай перехода к ручному управлению. И Рик, расположившийся в левом ложементе, уже поднес руку к кнопке ручного зажигания, когда Тесса вдруг вспомнила:

— Эй, мы ведь еще не дали имя этому кораблю. Не можем же мы лететь на Луну без имени.

— Да, так нам удачи не видать, — согласилась Йосико.

Они обе посмотрели на Рика, который пожал плечами и сказал:

— Да я не знаю. Я даже не думал об этом. Как насчет «Призрака» или «Привидения»?

Тесса покачала головой.

— Нет, это несет не тот смысл. Нам нужно что-нибудь положительное, обнадеживающее. Например «Второй Шанс», или, или -

— Да, ты сама сказала, «Надежда», — перебила Йосико и, посмотрев на Рика, добавила, — или «Дух Надежды», если хочешь сохранить упоминание о призраке.

— Ага. Мне нравится, — кивнул головой Рик.

— Мне тоже, — Тесса послунявила большой палец и приложила к люку стыковочного отсека над собой — это была самая ближняя к носу точка, до которой можно было дотянуться — и произнесла:

— Сим крещу тебя именем «Дух Надежды».

— Отлично, «Дух Надежды», — раздался по радио голос Григория. — Будьте готовы к включению двигателей для выхода на окололунную орбиту через тридцать секунд.

На ДСКЛ, примитивном дисплее-клавиатуре, замигала надпись: «Продолжать: Да/Нет» Это был последний их шанс остановиться. Но Рик не колеблясь нажал кнопку продолжения программы. Он уже окончательно решился.

Все три астронавта, не отрывая глаз, следили за приборной панелью, пока Григорий вел отсчет времени. Секунды тянулись бесконечно долго, но наконец Григорий сказал: «Пошел!», и точно по команде двигатели третьей ступени «Сатурна» автоматически включились в последний раз, придавив астронавтов небольшой перегрузкой. Рик

убрал палец с кнопки ручного включения и положил руку на подлокотник кресла.

В кабине стоял негромкий шум вибрации, ускорение действовало гораздо мягче, чем при прохождении атмосферы. Рик наблюдал в боковой иллюминатор за проплывавшей внизу землей, пока перегрузки не превратили ее у него в глазах в бело-голубое пятно.

Сопла все изрыгали и изрыгали пламя, на протяжении более пяти минут, увеличивая скорость ракеты с 17000 миль в час до 25000 — величины, достаточной для преодоления притяжения Земли. Ближе к концу времени работы двигателей Рик с трудом поднес руку кнопке их выключения на случай, если компьютер не произведет его в нужный момент, но сигнал Григория «Конец!» и внезапная тишина наступили одновременно. Рик дернулся вперед с прекращением перегрузок и все-таки нажал кнопку, хотя это было и не нужно. Теперь они перешли в свободный инерционный полет по направлению к Луне.

#

Отстегнувшись от ложементов, астронавты сразу принялись разбираться с бортовым оборудованием. Им предстояло еще три дня полета до Луны. Достаточно времени, чтобы исследовать каждый уголок и щелочку в крохотной капсуле. Казалось, каждый ее кубический сантиметр был чем-нибудь занят, и единственный способ понять, чем — был развернуть, осмотреть и положить на место. Места, чтобы разбрасывать предметы, не было: на самом деле, там едва хватало пространства им троим для передвижения.

Иосико оказалась права: через полчаса все перестали волноваться из-за постоянных столкновений. Вообще, попытки избежать их ни к чему не приводили, поэтому пришлось просто смириться с вынужденными неудобствами и продолжать работу, аккуратно отводя в сторону попадавшие на пути локти, колени и другие части тела. Их спэндексовые костюмы создавали хоть какую-то иллюзию приличий, большего и просить в таком тесном пространстве нечего.

Рик был не против сталкиваться с Тессой, да и она тоже. Оба широко улыбались, словно новобрачные, и воздушное пространство между ними заряжалось тысячами вольт. Один раз они даже поцеловались, пока Иосико была занята в отсеке оборудования, произошло быстрое касание губ, но все же по спине у Рика пробежала при-

ятная дрожь. Этот полет с Тессой был в сто раз лучше любого полета на шаттле.

По крайней мере, по большому счету. Его уверенность немного пошатнулась, когда Йосико нашла еду, упакованную в пластиковые герметичные тюбики с гибкими гофрированными трубочками для добавления воды, после чего на язык выдавливалась липкая масса. Рик и Тесса дружно засмеялись, увидев изумленное выражение лица Йосико.

— Вроде зубной пасты? — спросила она.

— И на вкус тоже, — ответил Рик, всю осень 69-го потреблявший в школе космические обеды.

— Паста эта спасет нас от голодной смерти, — заметила Тесса — Это самое главное. Не до разносолов сейчас.

Она что-то нашла в одном из ящиков, внезапно повернулась и со смехом сказала: «Улыбочку!». Подняв головы, Рик и Йосико увидели направленную на них телекамеру.

— Эй, Григорий, видите картинку? — спросила Тесса, снимая поочередно Рика и Йосико.

— Да, подтверждаю прием. Очень четкий сигнал, — ответил Григорий.

— Здорово! — Тесса медленно обвела камерой всю кабину, затем подплыв к иллюминатору, направила объектив на Землю, уже значительно уменьшившуюся в размерах.

— Прекрасно! — ответил Григорий — Превосходно. Мы ведем запись, но если вы подождете пять минут, я думаю, мы сможем организовать трансляцию по российскому телевидению.

— Ну да! — сказала Тесса, вновь переведя объектив на кабину.

— Я не шучу. Мы как раз этим занимаемся. Сейчас почти надо всей Россией ночь, разве что прервем парочку старых американских фильмов. Это же будет гораздо интереснее.

— Ух ты! Слышали, Хьюстон? Русские нас в прямом эфире по телевизору показывают.

Хьюстонский центр молчал с самого момента включения двигателей, но теперь Лаура Тернер, все еще на связи, откликнулась:

— Слышим вас, м-м... «Надежда». Мы тоже видим картинку. Привет Рик, Йосико.

— Привет, — Рик и Йосико помахали в камеру. Им был слышен какой-то фоновый шум — то ли в Хьюстоне, то ли в Калининграде.

— Интересно, принимают ли сигнал в Японии? — подумала вслух Йосико.

Через несколько секунд вмешался новый голос:

— Да, принимают. Это Томиичи Амакава из Космического Центра Танигасима, прошу разрешения присоединиться к связи.

— Разрешение дано, — ответил Григорий. — И добро пожаловать на вечеринку.

— Благодарю вас. Мы тоже организуем трансляцию вашего сигнала. И, Йосико, у меня тут послание от твоих коллег по университету. Они очень сердиты за то, что ты покинула вашу обсерваторию, но желают тебе удачи.

— Передайте им мои извинения и благодарность, — широко улыбнувшись, сказала Йосико. — И еще скажите, любой, кто поступил бы по-другому на моем месте, имеет камень вместо сердца.

— Ха! Они завидуют тебе. Мы все завидуем.

— Неудивительно. Это неопишемое ощущение.

— Мы готовы, — сообщил Григорий. — Наверное вам следует для начала представиться, чтобы люди знали, почему мы начали вести этот репортаж из космоса.

— Ладно, — согласилась Тесса, и навела камеру на Рика. — Давай Рик, ты знаешь не меньше нашего.

Рик внезапно разволновался. Вся Россия и Япония — у экранов телевизоров. И Бог знает, кто еще... Любой обладатель спутниковой тарелки и подходящего приемника мог получать этот сигнал. Рик пригладил волосы, нервно облизал губы и начал:

— Ну, что ж. Хорошо, тут есть, привет, я — Рик Спенсер, американский астронавт, это Йосико Сугано из Японии, а снимает Тесса Макклейн, тоже из Америки

Тесса развернула камеру, пустила ее плыть свободно, и немного подалась назад, чтобы попасть в кадр. Девушка помахала рукой, отчего ее повело в сторону, а голова стукнулась о спинку кресла. Все трое засмеялись, и Рик немного расслабился. Когда Тесса снова взяла камеру и направила на Рика, тот продолжил:

— Как вы уже наверное слышали, НАСА в последнее три ме-

сяца осаждали призраки. То есть, я имею в виду, призраки ракет «Аполлон». Вот мы и решили посмотреть, сможет ли кто-нибудь вывести один из них на орбиту. Так я и попал сюда, после чего ко мне присоединились Тесса и Йосико с «Дискавери», теперь мы здесь вместе.

Ни к чему было упоминать, что все они нарушали приказ, — это пусть НАСА. В такой ситуации оно будет выглядеть не лучшим образом.

— Несмотря на свое потустороннее происхождение, — продолжил Рик, — ракета ведет себя, как обычный «Аполлон». Корпус вполне вещественный, — для убедительности он постучал по стене там, где почти не было приборов, костяшками пальцев. — И, как вы видите, в кабине так же тесно. Но в этом конусе тринадцати футов шириной полно всякой всячины. Сейчас мы покажем вам кое-что. — После этого введения Рик начал телеэкскурсию по командному модулю, задерживаясь на всех приборах управления и некоторых удобствах, включая мешки для отходов, о которых он заметил, — Примитивно, но зато точно не выйдет из строя в самый ответственный момент, в отличие от шаттловского туалета, — Рик снова показал на приборную панель, с сотнями тумблеров, кнопок и циферблатов и заключил, — Здесь — вся суть «Аполлона»: ничего лишнего, но все функционирует как надо. И с божьей помощью — или при попустительстве неведомых сил — эта скорлупка снова выполнит свою задачу.

Тесса сканировала камерой приборную панель, пока Григорий не сказал:

— Спасибо, Рик. Мы тут просматривали инструкцию и, похоже, вам сейчас самое время пристыковывать лунный отсек — ЛО. Готовы приступать?

Интересно, какую такую инструкцию они там просматривали? Наверно, книгу Олдрина «Люди с Земли», или одну из более поздних брошюр, выпущенных к четвертьвековому юбилею первой посадки на Луну. Хотя, не исключено, что русские располагали копиями настоящих маршрутных листов с «Аполлонов». У советских в шестидесятые была отличная разведывательная сеть.

Впрочем, неважно. Нужно присоединять ЛО, и это гораздо существенней. Рик глянул на Йосико.

— Ну, что? — спросил он. — Я немного работал с этими движ-

ками на симуляторе, но ведь ты же у нас специалист по стыковочным маневрам. Хочешь взять это на себя?

Иосико сглотнула. Настал момент отличиться или завалить все дело. Кивнув, она ответила:

— Да, конечно, — и устроилась в центральном кресле первого пилота.

Рик и Тесса пристегнулись по обе стороны от нее и по команде Григория расстыковали командно-служебный отсек с соплами «Сатурна-IV-Би», освободив тем самым отсек лунный, все это время ехавший внизу под ними. Иосико пару минут поупражнялась с ручкой управления, привыкая к особенностям работы рулевых двигателей, а Тесса все снимала, позволяя зрителям дома, на Земле, наблюдать за неуклюжим, угловатым ЛО, взгромоздившимся на пустом двигателе третьей ступени, и Иосико, которая поглядывала в иллюминаторы, сосредоточившись на подводе стыковочного шлюза капсулы к люку на макушке лунного отсека. Мягкий толчок передних рулевых двигателей послал их навстречу ЛО со скоростью нескольких футов в секунду, немного сбив КСО с направления, но Иосико точно скорректировала ошибку при помощи другого рулевого двигателя, и последние пару футов сближение шло по прямой. Стыковочные кольца встретились со сдвигом на несколько дюймов, но изогнутые направляющие на шлюзе КСО сработали как надо, и металлически лязгнув, два корабля соединились.

— Есть фиксация, — доложил Рик, когда зажглись индикаторы. Он потянулся и пожал руку Иосико. — Это было здорово, — сказал он. — Калининград, у нас все, как по маслу!

Иосико вздохнула и впервые за несколько минут закрыла глаза, а из наушников донеслись поздравления Григория:

— Молодцы. И спасибо за телесопровождение. К вашему сведению, миллионы людей в России и почти по всей Европе наблюдали за стыковкой.

— И в Японии тоже, — сказал Томиичи Амакава.

Тесса слегка присвистнула.

— Ух ты. Неужели людей вновь привлекают космические полеты? Кто бы мог подумать. Прямо как прежде?

— Прошло много времени, — ответила Иосико. — Целое поколение родилось с тех пор, как был совершен последний полет на Луну. Людям снова интересно.

Рик посмотрел в иллюминатор; одна из посадочных стоек ЛО немного перекрывала вид на Землю. Людям снова интересно? С трудом верится в такое после долгих лет полетов на челноках, когда астронавты вели исключительно научные съемки, демонстрировавшиеся только по образовательным каналам, и то за недостатком свежих программ о кулинарии и живописи. Хотя, видно, теперь что-то изменилось. По крайней мере, сейчас взоры людей всей планеты вновь прикованы к небу.

Земля, казалось, становилась ярче, четче пока Рик смотрел на нее. Он зажмурился и в следующий момент вздрогнул от вопля Тессы.

Рик обернулся — Тесса показывала на контрольную панель.

— Она исчезает!

И действительно, весь корабль претерпевал странные изменения. Земля просматривалась прямо сквозь борт. Вначале, как через толстое матовое стекло, но с каждой секундой «стекло» становилось все прозрачней.

— Матерь божья, — прошептал Рик. Его сердце бешено забилося. Разгерметизации еще не произошло, но если ракета будет продолжать исчезать...

— Скафандры! — вскрикнула Йосико, потянувшись за ними в отсек позади ложементов.

— Что с вами, «Надежда»? — с тревогой в голосе спросил Григорий.

— У нас, — начал Рик, но голос его сорвался. Он сглотнул и начал сначала. — Калининград, у нас проблема.

Рик помогал Йосико надеть скафандр, хотя и понимал, что, если корабль совсем исчезнет, они все равно погибнут. Запаса кислорода в скафандрах хватит максимум на семь часов.

— Что за проблема? — спросил Григорий.

— Ракета тает, — ответил Рик, придерживая нижнюю часть скафандра Йосико, пока та продевала ногу вовнутрь.

— А вы видите? — спросила Тесса, наведя камеру на стену, через которую ярко светила Земля. После того, первого, крика девушка взяла себя в руки, но все еще тяжело дышала.

— Да, видим, — ответил Григорий.

— Черт. Значит, это и вправду происходит.

Рику стоило большего труда, чем Тессе, не поддаться страху, но неожиданная мысль внезапно заставила его забыть о себе.

— Прекрати снимать, — сказал он Тессе.

— Почему?

— Ты хочешь получить еще один «Челленджер»?

— О! — Тесса выключила камеру. Она прекрасно поняла Рика. Когда «Челленджер» взорвался, самым страшным стало, что миллионы людей видели взрыв, и это нанесло тяжелейший удар по всей космической программе. НАСА так никогда и не оправилось от него. Если весь мир увидит, как «Дух Надежды» погубит свой экипаж, погибнет и едва возобновившийся интерес к космосу.

— Слишком поздно, — тем не менее, сказала Тесса. — Они уже знают, что убило нас.

Но прежде, чем она договорила фразу, всё снова обрело прочность. Иосико прекратила попытки забраться в скафандр, а Рик устоялся на металлические стены, вновь обступившие их.

— «Надежда», доложите ваше состояние, — спросил Григорий.

— Все вернулось, — ответил Рик. — Корабль снова сконденсировался.

— Что случилось? Известны ли вам причины?

— Нет, нет. Он просто начал исчезать, и вдруг снова стал прежним.

— Вы сделали что-нибудь такое, что могло повлиять на него?

Рик посмотрел сперва на Тессу, затем на Иосико. Они обе покачали головой.

— Трудно сказать, — ответил Рик. — Мы вопили. Пытались натянуть скафандры. Тесса выключила камеру.

— Мы все осознали, что стоим на пороге смерти, — сказала Тесса, а заметив, что Рик нахмурился, добавила, — мы же имеем дело с призраком. Может, это важно.

— Может и так, — согласился Рик.

— Сейчас у вас все показатели в норме? — спросил Григорий.

Рик проверил приборы в поисках каких-нибудь следов произошедшего, но ничего не нашел. Давление не упало, потери мощности нет, ничего.

— Так точно, Калининград, — сказал он. — Судя по панели, наша птишка в полном порядке.

Григорий нервно хохотнул.

— Я уже начинаю сожалеть о своем поспешном решении взять на себя контроль за этим полетом. Но не дрейфьте! Я вас не бро-

шу. Хотя есть над чем задуматься. Может, мне обратиться к вашим конструкторам или к медиуму?

— Почему бы не попробовать и то, и другое? — предложил Рик.

Григорий помолчал немного, затем сказал:

— Да, конечно. Ты абсолютно прав. Мы прямо сейчас возьмем-ся за дело.

Некоторое время астронавты сидели не двигаясь, пока не успокоилось сердце и не восстановился ритм дыхания. Рик оглянулся на своих спутниц: Йосико наполовину в скафандре, Тесса держит телекамеру, будто это бомба с часовым механизмом, Йосико протянула руку и потрогала приборную панель, желая удостовериться, что та снова стала твердой, затем подняла температуру в кабине.

— Я замерзла, — сказала она.

— Неудивительно, — усмехнулся Рик. — Привидения должны холодить кровь в жилах.

Тесса прищурилась.

— В чем дело?

— Я вот что подумала. Привидения нагоняют холод. Они любят возвращаться. Что еще? Если нам удастся выяснить правила, может, получится удержать и наш корабль до возвращения домой.

Возможно, в напряженном взгляде Тессы отражалась пережитая смертельная опасность, — было в нем что-то странное. Тем не менее Рик решил прислушаться к ее словам. Ведь надо было все-таки разобраться в правилах игры.

— Ну, — сказал он, — еще иногда они издают ужасные стоны.

Тесса кивнула.

— И оставляют повсюду слизи.

Рик потрогал подлокотник своего кресла. Голый металл и жесткая нейлоновая сетка. Никакой слизи.

— Думаю, наш призрак не из их числа.

— Разве привидения не должны быть воплощением незавершенного предназначения? — спросила Йосико.

— Да, — согласился Рик. — Во всяком случае, с этим все в порядке.

— Ты Нейла Армстронга имеешь ввиду, верно?

— Кого же еще?

— Не знаю. Армстронг, вроде, не при чем. Он уже побывал на

Луне. Будь это его неисполнившаяся мечта, это скорее был бы корабль на Марс, или космическая станция, или что-нибудь еще.

— Точно подмечено, — сказала Тесса. — Но если это не армстронгов призрак, то чей?

Рик усмехнулся.

— В НАСА думают, что их. Может агентство давно уже умерло, а мы просто не знаем об этом.

— Что, Конгресс снова урезал им бюджет? — насмешливо спросила Тесса.

Рик рассмеялся, но Йосико помотала головой.

— Нет, нет, думаю ты нашел ответ.

— То есть это призрак НАСА?

— В каком-то смысле, да. Что если это призрак всей вашей космической программы? Со смертью Нейла Армстронга испарились мечты энтузиастов освоения космоса по всей Америке. Может, и по всему свету. Эта смерть напомнила о том, что вы когда-то побывали на Луне, но больше уже не в силах туда подняться. Что если неосуществившиеся мечты всех этих людей и создали нашу ракету?

Рик снова взглянул на Змлю в маленький треугольный иллюминатор. Возможно ли, что он сейчас пилотирует само воплощение мечты человечества?

— Нет, — сказал он. — Этого не может быть. Привидения принадлежат отдельным людям. Погибшим от рук убийц. Заблудившимся в бурю.

— Жертвам кораблекрушений, — сказала Тесса. — Призраки могут быть и общими.

— Ладно, — признал Рик, — но они нуждаются в фокусе внимания. Наблюдателя. Они так просто не появляются.

Волосы Тессы выплыли из-за плеч, одна прядь легла на лицо, девушка заложила ее за ухо и сказала:

— Почему ты знаешь? Если привидение завывает в лесу...

— Конечно, но корабль чуть было не исчез только сейчас, и что-то вернуло его через минуту. Мне это кажется вполне индивидуальным феноменом, а не неким туманным воплощением.

Йосико закивала.

— Что такое? — спросил ее Рик.

— Я думаю, ты прав. И если так, я знаю, чей это дух.

— Чей же?

— Твой.

Рик, ожидавший услышать чье угодно имя, кроме своего, рассмеялся.

— Мой?

— Да, твой. Ты — командир; вполне естественно, что ты должен управлять и более, м-м, духовными аспектами полета.

Девушки оценивающе посмотрели на Рика. И до того глаза Тессы не отпускали Рика ни на минуту, а теперь те же самые глаза смотрели на него почти осуждающе.

— Просто смешно, — сказал он. — Я вовсе не управляю этим кораблем. Хотя и осуществляю управление, — поспешил поправиться он, прежде, чем кто-либо успел оспорить его слова. — Кроме того, на борту первых двух ракет никого не было, а я даже не присутствовал при втором запуске.

— Нет, — признала Тесса, — зато при первом ты присутствовал, сразу после похорон Нейла. И стоило тебе вернуться из полета на шаттле, подавленному бедственным состоянием дел на орбите, как стартовала вторая ракета. Если кто и был убежден в смерти космической программы, так это ты.

Рик ухватился за скобу в верхней части приборной панели.

— Что же, ты думаешь, я являюсь проводником совокупных устремлений всех фанатов «Звездного пути» и четырнадцати-летних ребят, которые мечтают стать астронавтами?

— Возможно. О чем ты сейчас думал?

— Когда корабль начал исчезать? Я думал... — Рик наморщил лоб, пытаясь вспомнить, — думал, как здорово, что люди снова заинтересовались космосом.

— Вот, видишь.

— Ничего я не вижу, — раздраженно ответил Рик. — Какое отношение имеют мои мысли ко всему случившемуся?

— Самое прямое. Когда ты думал, что угасание космических исследований никого не волнует, то получил свой персональный «Аполлон», но едва ты решил, что людям может вновь захотеться полететь за пределы Земли, корабль исчез.

— И вернулся, когда ты подумал, что наша гибель погасит возобновившийся интерес, — добавила Йосико.

В голове у Рика даже загудело от мысли, что за все происхо-

дующее несет ответственность именно он. В том, как Тесса и Йосико все представили, был некий смысл, но поверить до конца в их объяснение Рик не мог.

— Ладно, брось, — сказал он. — Это все же космический корабль, а не какая-то вам неясная тень в тумане. Тут все в полном комплекте: и заклепки, и переключатели, и... и... ну, оборудование, — он обвел рукой выступающие углы стен.

— Ну и что? — сказала Тесса. — Мы уже знаем, что это призрак. Вопрос не в этом. Вопрос в том, ты или не ты его породил.

— Не я, — сказал Рик.

— Правда? А я думаю, что — ты. Будет достаточно легко про- верить. Давайте выясним на опыте.

Сердце у Рика ёкнуло. Все чувства, которые он испытывал к Тессе еще минуту назад поглотила беспричинная паника. Призрачная оснастка — это одно, Рик способен был принять это, даже не понимая причин существования призрака, но мысль о том, что он может каким-то образом воздействовать на корабль на подсознательном уровне, пугала Рика до смерти.

— Давайте не будем, — сказал он.

Тесса подтянулась ближе к нему.

— Ты согласился выяснить правила, чтобы не позволить кораблю вновь исчезнуть. Теперь у нас есть теория, так что давай проверим, верна ли она.

Рик снова посмотрел в иллюминатор. Лишь черный космос вокруг. Никаких звезд. Земля ощутимо уменьшается. Рик поёжился. В первый раз с момента запуска он по-настоящему понял, как далеко они улетели: здесь никто не придет им на выручку. Он или не он породил этот призрак, но теперь Рик отвечал за три человеческих жизни. И может быть — допустим на минуту — за чьи-то мечты на Земле. Рик обернулся и сказал:

— У нас полно работы и без сумасшедших экспериментов. Надо заставить ракету вращаться, иначе перегреется солнечная сторона, надо произвести навигационные поправки, проверить лунный отсек и так далее. Верно, Калининград?

— Да, — ответил Григорий. — Температура обшивки правого борта поднимается. И... — какие-то едва слышные голоса отвлекли его, затем он продолжил, — наши инженеры согласны с вашей гипотезой, но предлагают пока воздержаться от экспериментов.

— Ваши инженеры согласны? — переспросила Тесса.

— Вы правильно поняли.

— Шутишь, что ли?

— Нет. Я... — вновь голоса на заднем плане, и опять Григорий, — ...я пока ничего не могу вам объяснить. Но дайте нам еще немного времени для изучения этой проблемы, прежде, чем попытайтесь предпринять что-нибудь, ну... необычное.

Рик кивнул и снова устроился в своем кресле. Григорий, очевидно, что-то утаивал, но информацию ли он скрывал или ее отсутствие, Рик определить не мог. В любом случае он был рад отложить эту проблему.

— Согласен на сто процентов, — сказал Рик. — Значит, давайте приниматься за работу. Сперва займемся маневром вращения, так что — пристегнитесь.

Тесса, похоже, готова была запротестовать, но все же убрала камеру и пристегнулась. Иосико улыбнулась и покачала головой.

— Ну ладно, потом поговорим, — сказала она и тоже защелкнула ремни.

#

Пытаясь заставить корабль вращаться, Рик размышлял над словами Тессы и Иосико. По логике вещей, если предположить, что за появление призрака «Аполлона» отвечает кто-то один, Рик вполне мог им оказаться, но, несмотря на свою боязнь любительского экспериментирования, у него никак не получалось заставить себя поверить в это. Он не ощущал связи, и уж тем более ответственности за то, что корабль чуть было не исчез. Да ведь он сам едва не погиб, не испытывая при этом ни малейшего желания умирать.

Все это проносилось у него в голове, пока они занимались штатной проверкой. Оказался ли бы он здесь, если бы его не влекла опасность? Столько всего могло выйти из под контроля, и в результате — смертельный исход. Даже самые обычные действия в космосе небезопасны. К примеру, когда отстрелили болты, державшие отработавшую третью ступень под лунным отсеком, то, разбрызгивая несгоревшее топливо, эта длинная труба закувыркалась в космосе в неприятной близости от корабля. Пришлось два раза использовать рулевые ракетные двигатели, чтобы отодвигать-

ся от нее, прежде чем она наконец не исчезла в космосе. Маневр «бочка» прошел без сучка и задоринки, и температура обшивки стала падать, но когда Рик отстегнулся и подплыл к приборному отсеку, то обнаружил, что все эти манипуляции сбили корабль с курса.

— Похоже, мы ближе к полярной траектории, чем к экваториальной, — доложил Рик Калининграду, заложив в компьютер положение звезд и Луны, чтобы рассчитать положение корабля.

Полярный курс был совсем ни к чему; садиться и стыковаться гораздо проще, если командный отсек останется на экваториальной орбите вокруг Луны. В таком случае он будет проходить над местом посадки на каждом обороте, и стартовое окно будет образовываться каждые два часа, что избавит от необходимости тратить лишнее топливо.

— Да, — ответил Григорий. — Наши радары подтверждают ваши измерения. Подождите немного, мы подсчитаем необходимую корректировку.

— Вас понял.

Рик снова пристегнулся, коротким включением двигателя служебной системы астронавты вернули корабль к экваториальному курсу.

Это, по крайней мере, устранило еще одну заботу; двигатель служебной системы (ДСС) был последним звеном в длинной цепи ступеней, выведших корабль так далеко от Земли, и не сработай он, не только выход на лунную орбиту, но и «возврат облетом» на Землю будет невозможен.

После включения двигателя очередь проверить лунный отсек. Пока Йосико держала ее ноги, Тесса открыла люк между двумя кораблями, затем отсоединила стыковочный щуп, чтобы расширить проход. Рик положил щуп в отсек оборудования и попытался протиснуться вслед за девушками в посадочную капсулу, но в ней было еще тесней, чем в командном модуле, так что Рик пришлось остаться в проходе, причем вид сверху угловатой приборной панели немного его дезориентировал. Взлетный двигатель оказался большим цилиндром между стоячими местами первого и второго пилотов, вроде мотора в старых грузовиках, торчавшего между водителем и пассажиром.

— На этом сидят во время спуска? — спросила Йосико.

— Нет, — рассмеялась Тесса, — лететь приходится стоя, а резиновые ремни удерживают ноги на полу.

— Ты шутишь.

— Не-а.

Йосико окинула взглядом эту спартанскую обстановку. Чтобы уменьшить вес, было оставлено лишь самое необходимое, не было даже крышек на тумблерах и держателей для проводов. Пучки были просто связаны вместе, топливо- и воздухопроводящие трубки бежали прямо на виду по стенам, а крохотные отсеки для оборудования закрыты даже не металлической крышкой, а нейлоновой сеткой. Вся эта конструкция выглядела очень хрупкой, да и была таковой на самом деле. Ее можно было спокойно продырявить насквозь обычной отверткой.

— Я рада, что именно вы двое полетите на этом суденышке, — сказала Йосико.

Прежде они как-то не обсуждали, кому оставаться в командном модуле. Поручить координацию полета Йосико с ее знанием стыковочного маневрирования наиболее логично, но Рик все же спросил:

— Ты уверена? Если хочешь, можем тянуть жребий.

Она помотала головой.

— Нет. Хватит с меня приключений. И, кто знает, если мы вселим в души людей надежду, у меня может еще появится возможность совершить посадку, когда моя страна осуществит свой собственный полет.

Рик подумал, как будет выглядеть японская посадочная капсула. Наверно, гораздо удобней, чем эта, хотя, надо признать, чья угодно капсула будет удобней, если построить ее из современных материалов. Большая часть необходимого оборудования — двигатели, компьютеры и так далее — сегодня можно купить хоть в магазине. Сейчас соорудить лунный отсек гораздо проще, чем было в первый раз, если только люди пожелают.

Что ж, может, у них и появится такое желание. Кто знает?

— У тебя и вправду будет больше шансов, чем у нас с Риком, — сказала Тесса. — Нам еще повезет, если не загребим в тюрьму, когда — а-а-а!

На мгновение Луна проглянула прямо сквозь панель управления. Всего лишь на мгновение, но, корабль-то снова чуть не исчез.

— Это все же ты виноват, — сказала Тесса, обвиняюще ткнув в Рика пальцем. — Признайся, снова подумал о хорошем?

У Рика бешено заколотилось сердце, холодный пот прошиб с головы до ног.

— Вообще-то, тюрьма — вовсе не голубая мечта моего детства, — сказал он.

— Нет, но я готова спорить, что ты думал о чем-то приятном непосредственно перед моими словами.

— Ну, да, но...

— Никаких «но». Каждый раз, когда ты решаешь, что мы сможем возродить космическую программу нашим трюкачеством на борту этого суденышка, корабль начинает исчезать, а когда ты думаешь наоборот — он возвращается. Так?

Рик внезапно почувствовал приступ клаустрофобии в узком проходе шлюза.

— Ну уж нет! — сказал он. — Миллион других факторов могут оказывать влияние на корабль. Мой оптимизм или пессимизм тут ни при чем.

— А я думаю, так оно и есть.

Они пристально смотрели друг на друга еще несколько секунд, затем вмешался Григорий:

— Гипотеза Тессы может быть верна. Результаты наших исследований говорят о том, что привидения тесно связаны с эмоциональными состояниями.

— Ваших исследований чего? — спросил Рик. — Разве призрак можно поместить в лабораторию?

— Нет, — рассмеялся Григорий. — Но иногда можно лабораторию доставить к призраку. Не забывай, Россия изучает паранормальные феномены со времен холодной войны. Может, мы и не все знаем о привидениях, но кое-что нам известно.

Рик и Тесса, крайне удивленные, снова посмотрели друг на друга. Русские и вправду добились результатов? Невозможно.

— Не могу поверить, — сказал Рик.

Японского управляющего полетами, Томиичи, уже некоторое время не было слышно, но сейчас он заговорил.

— Уж поверь. Не только русские занимаются этим вопросом.

Японцы тоже? Рик взглянул на Иосико, но та лишь пожала плечами и ответила:

— Я — астроном, а не парапсихолог.

— Это точно, — пробормотал Рик, недоумевая, почему она не вспомнила об этом прежде, чем начала на пару с Тессой доказывать свою безумную гипотезу. Но, очевидно, в России — а, может, и в Японии тоже — считали, что знают, как взяться за это дело.

— Предположим, вы правы, Калининград. Что же вы нам посоветуете делать?

— Помнить, что вы можете запросто погибнуть, — ответил Григорий. — И, если Тесса права, ты должен время от времени напоминать себе, что ваша гибель уничтожит и надежду на возрождение интереса к полетам человека в космос.

— Вот я и заставил ее выключить камеру, — напомнил ему Рик. Тессе же он сказал:

— Я прекрасно понимаю, какой опасности мы все здесь подвергаемся.

— Ты должен это *чувствовать*, — сказала Тесса. — Именно это важно для призрака. Ты должен постоянно помнить, что это тебе не пикник.

Рик поежился при мысли о новом исчезновении корабля, уже навсегда, и о том, как они трое разлетаются в разные стороны от последнего облачка живительного воздуха.

— Это не сложно, — сказал он Тессе.

#

Но все оказалось труднее, чем думал Рик. В течение следующих двух дней, пока корабль приближался к Луне, он исчезал еще пару раз, причем на полпути — едва не до конца, однако что-то вернуло его в последний момент. «Может, это и вправду я», — подумал Рик, когда Йосико растолкала его, и пришлось признать, что ему снилась колония на Луне.

К тому же, исчезновения корабля не были единственной их проблемой. На второй день, снимая навигационные показания, они поняли, что снова очутились на полярной траектории. Судя по всему, автоматическая система управления курсом стабилизировала корабль по своему собственному вектору, что привело корабль к сходу с курса на экватор. Чтобы вернуться на него, пришлось вновь использовать двигатель ДСС, но позже, тем же днем — через час

после второго исчезновения — Калининград сообщил, что они в очередной раз вернулись к полярному курсу.

— Кто-то все время возвращает нас обратно, — сказала Тесса. Девушка строго взглянула на Рика, потягивавшего апельсиновый сок из пакетика.

— Ну, не я же, — запротестовал Рик. — С полярной орбиты сесть гораздо сложнее, командный отсек будет проходить над местом посадки только один раз за лунные сутки.

Что составляло двадцать восемь земных — так долго ждать экипаж не сможет. Чтобы встретиться с КО придется менять направление полета прямо во время старта — очень сложный и требующий уйму горючего маневр. Однако в противном случае КО придется сходить с орбиты, что не менее трудно.

Лицо Йосико озарилось догадкой:

— Если только не прилуниться прямо на полюсе. Командный отсек будет проходить над обоими полюсами на каждом витке.

— Но, нельзя же... или как?

— Категорически нет, — отрезал Григорий. — Даже я не позволю идти на такой риск. Плохое освещение, перепады температур, отсутствие запасного варианта при посадке, возможно даже туман на финальной стадии.

— Туман? — переспросила Тесса.

— Вполне вероятно. Мы предполагаем, что вблизи полюсов, в самых глубоких кратерах, которых не достигает солнечный свет, существует лед.

— Вот это да, — прошептал Рик. — Лед на Луне. Это сильно облегчит поддержку колонии.

— Рик, — Тесса впиалась взглядом в стены, но они стояли неколебимо.

— Послушай, это же факт, — ответил Рик, немного раздраженный ее материнским тоном. — Лед упростит существование колонии. Не придется возить всю воду с Земли. Это вовсе не означает, что мы обязательно построим такую колонию, — такой ход мыслей тебя устраивает?

— Ладно, — ответила Тесса. — Я просто хочу, чтобы ты соблюдал осторожность.

Она посмотрела в иллюминатор на Землю, превратившуюся уже в маленький бело-голубой кружочек на фоне бесконечной тьмы.

— Итак, Калининград, что же вы предлагаете?

— Минутку, — попросил Григорий, и хотя ему потребовалось чуть больше времени, вернувшись, он сказал:

— Мы хотим, чтобы вы проверили программу навигационного компьютера. Возможно, удастся узнать, куда он намерен вас доставить.

Рик перебрался в приборный отсек и под диктовку Калининграда выполнил все операции — и конечно же, оказалось, что в программе планировалась полярная траектория. А проверив компьютер спускаемого аппарата, астронавты обнаружили, что спуск был запланирован на краю Бассейна Иткина — кратера шести миль в глубину прямо на южном полюсе Луны.

— Просто смешно, — сказал Рик, услышав новость. — Как же мы сядем на южном полюсе? По словам Григория, свет будет падать под очень острым углом. Все тени растянутся на мили и каждое углубление будет казаться черной дырой.

Тесса, работавшая с компьютером спускового аппарата, заметила:

— Что ж, может, этот выключатель с надписью «Инжектор На» чем-нибудь поможет. Если он впрыскивает натрий в струю пламени спускового двигателя — та, очевидно, вспыхнет, как факел и осветит все вокруг.

— Ну да, — Рик протиснулся через кольцо стыковочного узла в лунный отсек, чтобы лично убедиться, и там на самом деле был этот переключатель, прямо рядом с тумблером «Высоко интенс. освещ.».

— Что это, как не освещение для посадки? — сказала Тесса. — Две дублирующих системы.

— Их не было на моем тренажере, — сказал Рик.

— Конечно, нет. НАСА никогда бы не решилось сажать корабль на полюс. Слишком опасно.

Астронавты знали, что в НАСА не прекращали слушать их переговоры, и тут как тут, Лаура Тернер из Хьюстона вступилась за свое ведомство:

— А может и решилось бы, Тесса. Мы тут просматривали архивы, и действительно один из полетов был спланирован для посадки на полюсе. Ты права, против этого было очень много возражений, но такой полет сочли возможным в перспективе, после накопления большего опыта. Конечно, и этот вариант зарубили вместе со всем

остальным, когда нам урезали бюджет, но не случись такого, мы бы со временем воплотили его в жизнь.

По спине Рика пробежала дрожь.

— Два предыдущих призрака направлялись к Копернику и Аристарху. Эти площадки тоже были запланированы?

— Да.

— Значит, мы проделываем то, что Америка должна была выполнить много раньше.

— Можно и так сказать.

— Хьюстон, — спросил Григорий. — Можно ли перепрограммировать бортовые компьютеры на более простую посадочную площадку?

— Нет, — ответила Лаура. — Программы жестко установлены в основной памяти. Там только два килобайта свободных, да и те задействуются для текущей информации.

— Значит, либо полюс, либо труба, — констатировал Рик, у которого вдруг перехватило дыхание. Он бросил быстрый взгляд на приборную панель. Та была тверда как скала.

— Похоже на то, — сказала Тесса и широко улыбнулась. Как ни велика опасность, сомнений в выборе не оставалось.

Рик сглотнул. Ее широкая улыбка и напряженный, почти вызывающий взгляд так и тянули согласиться, но в то же время он не мог не думать и о том, какой глубины яму они роют себе, углубляясь в это предприятие. Очевидно, большей, чем он поначалу предполагал. Хотя, зайдя так далеко, отступить уже поздно.

— Ладно, — сказал он. — Садимся на полюс. Остается надеяться, там мы найдем что-нибудь достойное такого риска.

Тесса рассмеялась и наклонилась вперед, чтобы поцеловать его.

— Сам наш полет стоит свеч. Собственно, дух поиска нового в этом и воплощается.

#

И в Хьюстоне и в Калининграде были недовольны сложившимся выбором, но у Хьюстона уже больше не было права голоса в этом вопросе, а Калининград встал перед дилеммой, порожденной им же самим, потому что отказ от предоставления помощи на данном этапе приравнивался бы к выходу из международной спаса-

тельной операции на полпути. Поэтому там все же пришлось перенастроить компьютеры согласно показаниям бортового, и на восемьдесят третьем часу полета Рик, Тесса и Йосико пристегнули ремни, готовясь к продолжительному включению ракетных двигателей, которое должно было замедлить корабль перед заходом на окололунную орбиту. «Аполлон» на все время пуска двигателей окажется вне пределов видимости с Земли, по ту сторону Луны. Бортовой компьютер должен рассчитать время и автоматически включить двигатели, но на всякий случай астронавты сверили часы, приготовившись вести отсчет вручную.

Последние минуты текли невыносимо медленно. Луны в иллюминаторы видно не было; корабль развернулся к ней хвостом — он должен будет пролететь в ста милях над Луной. Рик все поглядывал то на часы, то на экран монитора компьютера, то на выотомер, удостовераясь, что корабль движется верно.

Йосико вела подробные записи. Если Рик и Тесса разобьются или не смогут вернуться с поверхности, Йосико должна будет сама направить корабль к Земле и лететь домой в одиночестве.

Перед самым включением компьютер снова спросил «Да/Нет?», и Рик нажал кнопку выполнения команды. Трое астронавтов следили за отсчетом до самого нуля, но так и не почувствовали рывок двигателя. Рик надавил на кнопку включения двигателей так сильно, что чуть ноготь не сломал, и тогда ощутил их вибрацию.

Тесса обернулась на него с открытым в удивлении ртом

— Что, компьютер вовремя не включил их?

— Я не почувствовал, — ответил Рик, — пока не...

— Да включил он все, — сказала Йосико. — Прежде, чем ты. Компьютер в порядке.

— Ты уверена? — у самого Рика на секунду закралось сомнение, ведь в крови его было так много адреналина, что он мог и не почувствовать рывок сразу, но астронавт готов был поклясться, что двигатели включились, только когда он нажал кнопку.

— Уверена, — ответила Йосико.

Рик немного нервно рассмеялся.

— Ну и черт с ним, — сказал он. — Мы зажгли их, это главное. А на Луну садиться собираемся?

— Я, да, — кивнула Тесса.

— Ты все еще согласна провести тут одна целый день? — спросил Рик Йосико.

— Да.

— Хорошо, тогда приступим.

Обогнув Луну и вновь выйдя на связь с Землей, о возможном сбое компьютера Григорию они не стали говорить. Доложили только, что вышли на расчетную орбиту и готовы продолжать. Еще один небольшой доворот по указанию Григория прошел автоматически, что позволило Рiku расслабиться на этот счет. У него и так было полно забот. Сам полет — просто прогулка по сравнению с напряженным графиком, которому надо следовать перед началом спуска, когда в компьютер до расстыковки требуется ввести множество данных. Даже на Луну посмотреть некогда, ее серая, испещренная кратерами поверхность молчаливо проплывает под кораблем. Но наконец, после двух витков — каждый по два часа при более слабом лунном притяжении, вместо полутора часов к которым они привыкли на шаттлах — все готово.

Спускаемый аппарат они назвали «Вера», по аналогии с «Надеждой», и чтобы подчеркнуть уверенность в том, что тот вернет их обратно без проблем. Когда Григорий был удовлетворен готовностью, он передал астронавтам:

— Даю добро на расстыковку, «Вера».

— Понял, — ответил Рик. Они с Тессой снова надели скафандры и стояли, прижавшись, друг к другу локтями перед узкой панелью управления.

Йосико доложила из командного отсека:

— Начинаю расстыковку.

И освободила крепления, удерживавшие корабли вместе. Дрожь пробежала по отсеку, раздался глухой удар, и спускаемый аппарат вышел в свободный полет.

Компьютер «Веры», развернул ее на нужный угол, а когда подошло время, двигатель включился ровно на тридцать секунд, чтобы уменьшить высоту полета лунного отсека до восьми миль. Они спустились по длинной дуге, глядя на всё приближавшиеся кратеры, пока их радар не начал принимать отраженные от поверхности сигналы, и Григорий наконец сказал:

— Добро на силовой спуск.

Рик нажал «Выполнить» на клавиатуре, и компьютер снова

включил движки, сбрасывая орбитальную скорость. Теперь они во власти Луны.

Тесса ободряюще ткнула Рика в плечо.

— Ни пуха, — пожелала она. — Настал твой час.

Вот уж точно — настал. Рик наскоро обнял Тессу (хоть в скафандре это получилось неуклюже, но тем не менее, очень сердечно), а затем обратился к приборам. Теперь отсек спускался очень быстро, по широкой дуге приближаясь к поверхности, которая так близко от полюса представляла собой резкий контраст: белые окружности кратеров заключали в себе лужицы абсолютной тьмы. Рик поднес палец к тумблеру впрыска натрия, но пока медлил. Неизвестно, каков запас, и Рик хотел сохранить его до самого ответственного момента.

Тесса постоянно проговаривала вслух высоту, которая поначалу падала очень быстро, а потом все медленнее и медленнее. Через пять секунд Тесса прошептала:

— Нижний вход, — и Рик сжал штурвал в своей руке, отключив компьютер.

Рик задержал дыхание. В этот момент исчезли предыдущие два лунных отсека, тот самый момент, когда управление должен взять на себя пилот. Рик ждал, что это случится вновь, но посадочный аппарат опустился на пятьдесят футов, потом еще на семьдесят пять и нигде не исчез.

— Уф, — сказала Рик, — проскочили.

— Что значит, проскочили? — переспросила Тесса. — Под нами же еще четыре сотни футов!

— Раз плюнуть, — ответил Рик, поглядывая в иллюминатор на медленно плывущий ландшафт. Невозможно было определить, возле какой же из бесчисленных дуг кратеров им суждено было приземлиться, а крохотные треугольные оконца не позволяли охватить большую картину, так что Рик просто выбрал самую широкую площадку и направил аппарат к ней. Хотя она и была усыпана валунами, Рик вполне мог выбрать между ними ровное место и сесть.

— Горючее на последней отметке, — сказала Тесса. Оставалось топлива только на одну минуту, это меньше, чем Рик рассчитывал иметь на этой высоте, хотя, вполне достаточно при их скорости снижения.

Рик замедлил спуск до десяти футов в секунду и сделал небольшой разворот. Возле одного большого валуна, прямо у края кратера, была подходящая площадка, и Рик нацелился на нее. Полет на настоящем спускаемом аппарате мало чем отличался от тренировочного, только иным ощущением силы тяжести, что даже помогало лучше чувствовать управление.

— Двести футов, скорость одиннадцать, — сказала Тесса.

Слишком быстро. Рик немного замедлил ход.

— Сто восемьдесят, скорость шесть. Сто семьдесят, скорость три. Сто шестьдесят пять, скорость ноль — мы поднимаемся обратно!

— Пардон, — сказал Рик, уменьшая мощность двигателя, и одновременно включая подачу натрия: ландшафт действительно озарился ярким желтым светом. Видно было даже дно кратеров, хотя и немного расплывчато.

Но не время любоваться видами. Тесса продолжает читать показания, все быстрее и быстрее.

— Сорок пять секунд. Сто шестьдесят футов, скорость четыре. Сто пятьдесят, скорость пять; сто сорок, скорость шесть... ты идешь слишком быстро!

— Понял, — сказал Рик, немного увеличивая мощность.

— Сто, скорость пять. Тридцать секунд.

Рик прикинул в уме. При такой скорости спуска, ему оставался запас в десять секунд. Гораздо меньше положенного, но все же достаточно, если не расходовать лишнего.

— Раз плюнуть, — снова сказал он, удерживая мощность на выбранной отметке.

Еще пятьдесят футов спуск проходил плавно, но когда до поверхности Луны оставалось ровно столько же, очертания вдруг расплылись.

— Мы что, поднимаем пыль? — спросил Рик.

— Не знаю, — ответила Тесса. — По мне, это больше похоже на туман.

— Туман? Черт, Григорий оказался прав, — Рик держал штурвал крепко, корабль же погружался в белую пелену. Большой валун, который Рик использовал в качестве ориентира, исчез в облаке, поднимавшемся со дна кратера. Рик не мог определить: удастся ли им проскочить; в таком тумане немудрено и промахнуться.

Тесса приблизила руку к кнопке экстренного сброса. Та включила взлетные двигатели, сбрасывая нижнюю часть аппарата на поверхность и освобождая верхнюю для выхода на орбиту.

— Мы слишком низко, — сказал Рик, — Разобьемся. Просто держись и читай показания.

— Ясно. Двадцать, скорость пять.

Это довольно быстро, но Рик не шелохнулся. Стоит чуть податься в сторону, и они врежутся в валун.

— Пятьдесят... десять... есть контакт!

Щупы на концах посадочных опор коснулись поверхности. Рик дал двигателю поработать еще полсекунды и отключил. Корабль чуть качнулся и дернулся, когда всем весом сел на опоры.

— Двигатель отключен, — сказал Рик, неотрывно глядя на датчик топлива подъемного двигателя. Уровень не падал. Значит, тряска не вызвала утечки, показатели остальных приборов в норме. Взглянув на счетчик топлива спускового двигателя, Рик увидел, что запаса осталось на шесть секунд.

Тесса гневно спросила:

— Раз плюнуть? Это ты называешь «раз плюнуть»?

Рик за недостатком слов пожал плечами.

По радию послышался голос Иосико:

— «Вера», как вы там, сели?

— Да уж, — рассмеялась Тесса. — Сели. Ни зги не видно, кругом туман и шесть секунд топлива в запасе.

Туман. Значит, на Луне все-таки есть вода. Рик посмотрел в иллюминатор и показал:

— Погляди, он улетучивается.

Когда погасло пламя двигателя и ослепительный свет горящего натрия, лед на дне кратера перестал испаряться, пелена тумана быстро рассеялась, обнажив усыянный камушками край кратера, на который приземлился спускаемый аппарат. Рик поискал глазами свой приметный валун — тот оказался справа, всего в нескольких футах от борта ЛО. Едва-едва. На самом деле, две опоры практически оседлали его. Если бы хоть одна попала прямо на валун, корабль бы перевернулся.

Пронесло и ладно. Они на Луне, и перед ними масса требующих решения проблем.

Время тянулось бесконечно долго, пока приходилось прогонять

очередную проверку, чтобы полностью удостовериться в готовности систем к экстренному взлету. Затем, разгерметизировав аппарат, астронавты открыли люк. Рик пошел первым, но не потому что это был его «Аполлон» или что он больше этого заслуживал, а по той же причине, по которой в своё время первым оказался Нейл Армстронг: в «Аполлоне-11» так тесно, что с правого места перебраться через того, кто находится слева и дойти до люка в громоздком скафандре практически невозможно.

С большим трудом он протиснулся наружу. Платформа у входа и лестница были в тени, так что Рiku пришлось спускаться на ощупь. Он потянул за скобочку, откинув от корпуса наружную камеру, и Григорий передал, что на Земле сигнал принимается. Рик подумал, что там его, верно, видят как силуэт на фоне освещенного сбоку пейзажа, хотя качество изображения вряд ли сильно отличается от крупнозернистого фото Нейла, совершающего первый шаг.

Уже на последней ступеньке он вспомнил, что не придумал еще фразу для истории. Задержавшись на мгновение, Рик лихорадочно соображал, затем ступил на подножку и с нее — на промерзший лунный грунт. Тот захрустел под давлением, это чувствовалось, хотя в вакууме звуков не слышно.

Тут и Тесса оказалась в люке, и смотрела на Рика с платформы, очевидно, ожидая его слов, поэтому он простер к ней — и символически к Земле тоже — руку и сказал:

— Присоединяйся. Водичка — высший класс!

#

Вода и в самом деле была чудесная. Словно сахарная пудра или мука самого тонкого помола. Принесенная на Луну тысячами комет за многие века, она собиралась молекула за молекулой, по мере того, как пары воды, метана и других газов замерзали на дне вечно погруженных во тьму кратеров на полюсах. Тут было слишком холодно, а притяжение Луны слишком мало, чтобы газовая смесь смерзлась в твердый лед, поэтому она оставалась нежной и пушистой, как снежная пыль. Тесса и Рик утонули в ней почти по пояс, хотя и весили здесь всего по пятьдесят фунтов, а если бы двинулись дальше, погрузились бы еще глубже. Но они уже ощущали, как холод проникал к ногам, и поэтому поспешили отобрать образцы в

специальные термостаты и вернуться к кораблю. Оборудование для сбора образцов в ЛО было предназначено для посадки на полюс, но скафандр был рассчитан на сохранение тепла человеческого тела в условиях вакуума, а не при контакте с теплопроводящим льдом.

Астронавты пошли вокруг кратера, подпрыгивая, словно кенгуру — так было удобней — и высматривая новые чудеса. Хотя, для Рика, интерес здесь представляло все. Он ходил по Луне! Каждый ее кусочек, от скалистой, покрытой кратерами поверхности под ногами, до резко очерченной, угловатой линии горизонта, напоминал, что он в ином мире. Рик смотрел на Землю, на две трети поднимающуюся над горизонтом, чуть больше половины залито солнцем. По спине астронавта пробежала легкая дрожь: еще недавно ему не верилось, что доведется увидеть ее такой въяве, а не только на фотографиях тридцатилетней давности.

Теперь же они снимали сами. Ведя телесъемку, Тесса на ходу давала комментарии. Григорий сообщил, что Россия целиком и остальная Европа смотрят на них, а Томиичи добавил, что Япония — тоже. И, что самое удивительное, по словам Лауры — в Штатах тоже наблюдали за их приключениями.

— Ради вас прервали даже «Дни Нашей Жизни», — добавила она.

— Что ж. Может, у нашей страны еще есть надежда.

— Следи за словами, — сказала Тесса, но объяснять свою мысль не стала, то ли, чтобы не обидеть зрителей, то ли, чтобы не позволить Рiku впасть в эйфорию.

Впрочем, ему было все равно. Он ощущал невероятную радость существования и совсем не заботился о том, вернутся ли они назад. Ведь вот она — Луна, и они с Тессой там, куда мечтали попасть поколения астронавтов. Большого и желать нельзя, по крайней мере, лучшей участи им бы не выпало при любом раскладе. Что бы ни ждало их на пути домой и ни встретило дома, они все равно сумели добраться до Луны. И ни с кем другим, кроме Тессы, делить бы эту радость не хотелось. Их имена будут вечно произносить на одном дыхании. Рик смотрел, как Тесса легко подпрыгивала над поверхностью, слушал ее восхищенные возгласы при каждом новом чуде, которое им открывалось, и улыбался. Мысль попасть в учебники истории на одну страницу с Тессой была ему вполне по душе.

Они отбирали пробы грунта и льда по всему маршруту. Спрессо-

вав пригоршню снега, Рик метнул снежок в Тессу, которая подпрыгнула вверх метра на два. Снежок, попав на освещенную солнцем сторону кратера, взорвался облачком пара.

— Ух ты, — сказала Тесса, остановившись, — видал? Кинь еще разок.

Рик послушно бросил еще один снежок, а Тесса проследила за ним камерой пока тот не взорвался на скале.

— Эй, там, дома, вы тоже видели? — спросила Тесса. — Почему они так взрываются?

— Должно быть из-за высокой температуры, — ответил Григорий. — И вакуума. Так как на Луне нет атмосферы, поглощающей солнечную радиацию, камни на полюсе накаляются не меньше, чем на экваторе, и едва снег прикасается к ним, то превращается в пар.

— А-а, наверно, так и есть. Выглядит потрясающе.

— Это позволит нам довольно точно определить газовый состав снега. Рик, не мог бы ты поместить образец на освещенную солнцем поверхность, чтобы мы наблюдали, как он будет испаряться?

Рик сделал, как его просили, собрав двойную пригоршню снега и положив ее на наклонную поверхность одной из скал. С нее тут же повалил пар. Снежок немного уменьшился, а потом выпустил еще одно облачко, и лишь еще через несколько секунд оставшийся снег превратился в кипящую лужицу.

— Ага! — сказал Григорий. — По крайней мере, три отдельные фракции. Я думаю: первая — метан, вторая — аммиак или углекислый газ, и наконец — вода. Здорово! Все очень пригодится колонии.

— Если только мы когда-нибудь соберемся ее основать, — сказал Рик, пытаясь подавить свою глупую ухмылку, чтобы не испугать Тессу своим оптимизмом, но от этого только еще пуще захохотал.

— Черт возьми, Рик, ты перепугал меня до смерти! — вскрикнула Тесса.

Они оба обернулись посмотреть на ЛО, блестевший, словно изваяние из золота и серебра на сером постаменте стенки кратера, но с кораблем ничего не случилось.

— Не волнуйся, — успокоил Тессу Рик, — может, я и веселюсь, но сам боюсь не меньше твоего.

— Вот и хорошо.

Еще час они продолжали исследования, но не пройдя и десятую часть периметра кратера, вынуждены были повернуть обратно. В костюмах оставалось кислорода еще на два часа, которые требовались для возвращения к ЛО, посадки в него и восстановления давления в кабине. На этом их пребывание на Луне завершится, и надо будет как можно быстрее возвращаться на «Надежду», чтобы отправиться к Земле прежде, чем траектория их полярной орбиты слишком отклонится от обратного пути. В двигателях ДСС было достаточно топлива для того, чтобы изменить траекторию на несколько градусов, но каждая секунда промедления будет стоить дополнительных затрат.

Они и так уже достаточно сделали. Открыли воду на Луне, и многое, что поможет подтвердить возможность существования колонии, если таковая будет послана. Все, что теперь оставалось — вернуться домой живыми, а это само по себе потребует много усилий.

И все же, ожидая пока Тесса поднимется по лестнице и собьет пыль с ботинок, Рик подумал, что может сделать еще кое-что. Сердце его подскочило при этой мысли, но — какое прекрасное выйдет завершение этого прекрасного дня. Если он правильно истолковал поведение Тессы.

Времени на раздумье не оставалось. Сейчас или никогда. Он пробормотал:

— Кто не рискует... — и отошел от ЛО.

— Что? — переспросила Тесса, поднявшаяся уже на площадку перед входом.

— Не заходи пока, — Рик отпрыгнул на пару метров и начал выводить ботинком в пыли пятифутовые буквы. Их было отлично видно в косых низких лучах солнца.

— Что ты делаешь? — спросила Тесса.

Он не ответил. Через минуту все станет понятно, только бы не ошибиться в правописании. Надеясь на выигрыш, он играл все же не на верняка; голова гудела, дыхание сбилось, но вовсе не от старания изобразить подошвами ботинок буквы на рыхлой поверхности. Результат изменит его жизнь даже больше, чем полет на Луну. Вероятно.

— О, Рик, — вымолвила Тесса, когда он закончил первую строчку, но смолкла, увидев, что он начал вторую. И продолжала хранить молчание, когда Рик дописал свой вопрос:

**Тесса, я люблю тебя.
Станешь ли ты моей женой?**

Рик все еще стоял на последней точке под вопросительным знаком. Он посмотрел вверх на Тессу, темный силуэт на фоне еще более темного неба, в отливавшем золотом стекле ее гермошлема отражалась и освещенная солнцем фигура Рика, и слова, написанные им. Выражения лица девушки за забралом различить было нельзя. Рик ждал ответа, но молчание длилось так долго, что Григорий забеспокоился:

— Рик? Тесса? Вы в порядке?

Тесса начала спускаться по лестнице.

— Подожди, Калининград, — ответил Рик.

Тесса вновь ступила на лунную поверхность и не спеша подошла к Рику. Даже вблизи Рик не видел ее лица, но смог расслышать вздох.

— Тесс?

Она не ответила, во всяком случае по рации. Но чуть кивнув головой и отступив в сторону, она нацарапала в пыли: **Да**.

Рик повторил вслух:

— Да!

Все опасения сразу улетучились. Рик подскочил к Тессе и заключил ее в объятия.

— Тесса, я люблю тебя!

— О, Рик.

— Опять чепухой занимаетесь? — поинтересовалась Йосико.

— Чепухой? — засмеялся Рик. — Черт поberi, мы свадьбу играем.

Радио разразилось неразборчивым гомоном голосов, заговоривших разом, затем прорезался Григорий:

— Мои искренние поздравления, — сказал он, — но быстро приближается ваше пусковое окно.

— Понял, — ответил Рик. — Мы возвращаемся в ЛО.

Он помог Тессе забраться обратно в аппарат, затем поднялся сам и постучав каблуком о каблук, постарался стряхнуть лунную пыль. Прежде, чем задрать люк, он посмотрел на крупно выведенные слова их признания, открытого всем. Эти слова могут оставаться там добрый миллиард лет, с учетом погодных условий на Луне. А то, может, лет через десять придут сюда люди и раз-

работают месторождение здешнего льда, тогда надпись может исчезнуть скорее. Это во многом зависело от того, что случится на пути домой.

Рик вновь прокрутил в голове список всех возможных неполадок. Сбои двигателей, ошибки при стыковке, сбой компьютера... — список казался бесконечным. Несмотря на предвкушение их с Тессой совместного будущего, Рiku будет несложно оставаться в достаточной мере пессимистом, чтобы не позволить призраку исчезнуть.

#

Число возможных неполадок уменьшалось с прохождением каждого очередного этапа полета: взлетный двигатель «Веры» благополучно вывел их на окололунную орбиту, Иосико мягко состыковалась с ЛО, а двигатели ДСС включились как раз вовремя, чтобы направить корабль домой; но по мнению Рика, бесконечности минус некая толика — все равно бесконечность. Еще куча чего могло случиться.

Включая, разумеется, исчезновение самого призрака. Еще дважды на обратном пути, оба раза после того, как Григорий сообщал, что «лунная лихорадка» вновь овладевает миром, стены корабля становились прозрачными, и оба раза они возвращались в нормальное состояние лишь после того, как Рик убеждал себя, что гибель экспедиции может погасить едва возродившийся космический энтузиазм человечества. Все говорило в пользу гипотезы Тессы и Иосико, что именно Рик вольно или невольно влияет на поведение призрака.

Григорий не пролил больше света на эту проблему, только велел Рiku прислушиваться к девушкам. Тесса восприняла его слова как карт-бланш на то, чтобы неусыпно следить за Риком, не давая и ему сомкнуть глаз. Тесса боялась, что ему начнет сниться новая эра исследования космоса, и все они погибнут в мгновение ока от резкого падения давления прежде, чем Рик проснется. Тесса запретила Григорию, Томиичи и Лауре рассказывать что-либо о ситуации на Земле, и постоянно перебирала всевозможные причины, которые могут помешать человечеству последовать их путем. К тому же теперь, после их с Тессой помолвки, девушка, похоже, решила, что

ей дозволено вторгаться в личное пространство Рика, как заблагорассудится. Едва Тессе казалось, что Рик дремлет, она принималась его щекотать или целовать, или соблазнительно прижималась к нему. Что Рик находил либо вполне приятным, либо несносным, смотря на какой стадии погружения в сон он находился.

Чтобы чем-то себя занять и отвлечься, Рик смастерил Тессе обручальное кольцо из круговой скобы, которая почти идеально подходила по размеру и форме. Скобу Рик снял с тумблера управления включением третьей ступени, которой больше не было, и с помощью язычка молнии загнул острые края, чтобы кольцо можно было надеть.

— Я сохраню его навсегда, — сказала Тесса, когда Рик надевал ей кольцо на палец, но Рик слишком устал от недосыпания, чтобы понять шутка это или нет.

Наконец, меньше чем в дне полета от Земли, Тесса тоже устала бодрствовать. Засыпая, она поручила Йосико продолжать бдение, но едва она сомкнула глаза, Йосико сказала Рiku:

— Давай, спи, если хочешь. Завтра от тебя будет больше проку, если ты сейчас отдохнешь.

Рик, у которого все плыло перед глазами от усталости, попытался сфокусировать взгляд на ее лице.

— Почему? — спросил он. — А что завтра?

Йосико дьявольски ухмыльнулась.

— Обратный вход. Двадцать пять тысяч миль в час, шмяк об атмосферу. Спи спокойно.

Рик заснул, но Йосико добилась, чего хотела: снились ему только горящая капсула «Аполлона», когда они входили в атмосферу слишком круто, либо безвозвратный путь в межпланетное пространство, когда заход получался слишком мелкий. Но и в случае успешного входа в атмосферу капсула все равно сгорала, оказавшись неспособной выдержать жар. Пороховой запах лунной пыли, попавшей внутрь скафандров, лишь усиливал предощущение гибели в огне.

Когда Рик проснулся, до Земли оставалось всего несколько часов полета. Она все еще выглядела меньше, чем с орбиты шаттла, но чувствовалась такой близкой и зовущей после долгих часов кошмаров, что Рик почувствовал себя уже почти дома.

При этой мысли очертания капсулы вновь расплылись.

— Рик! — завопила Тесса, ударив его в грудь. — Помни о последствиях!

Корабль снова стал нормальным, и Рик потер грудь, там где кольцо Тессы оставило отметину.

— О господи, не обязательно меня убивать, — сказал он. — Я и сам пугаюсь до смерти, когда это происходит.

— Ха, — усмехнулась Тесса. — Все равно, до моего тебе далеко, иначе корабль бы никогда не исчез.

— Что ж, прошу прощения, постараюсь впредь быть более напуганным. — Рик отвернулся от нее, но в капсуле «Аполлона» нигде было уединиться. Выдержав всего несколько минут молчания, Рик обернулся к Тессе и сказал:

— Ладно, я постараюсь строже контролировать свои мысли. Только в следующий раз не смотри на меня так осуждающе, хорошо? Я же не нарочно стремлюсь заставить корабль исчезнуть.

Тесса вздохнула.

— Знаю, что нет. Просто... Я ведь не могу ничего поделать, разве только немного повлиять на тебя. Моя жизнь в твоих руках. Да что там, сейчас вся программа освоения космоса в твоих руках. А стоит тебе теперь занестись — и все пропало.

— Не дави на меня, — сказал Рик.

— Нравится тебе или нет, — рассмеялась Йосико, — ты воплощаешь Дух Исследования. Когда мы вернемся, он возможно перейдет к кому-то еще, но пока он в тебе, и твоя задача — доставить его на Землю в целости и сохранности.

— Со всем должным уважением, — ответил Рик. — Только мне это напоминает измышления досужих журналистов.

— Нет, на самом деле, в этом отношении наш полет мало чем отличается от любого другого, — покачав головой, возразила Йосико. — Каждый раз, когда кто-то отправляется в космос, его сопровождает дух всего народа. После того, как «Аполлон 1» погубил свой экипаж, ваша страна два года колебалась прежде, чем возобновить программу, после же взрыва «Челленджера» прошло на целых три года больше. Когда советская лунная ракета взорвалась в 1969 году, они полностью свернули свою лунную программу и переключились на орбитальные станции. И так повсюду. Любой астронавт, посланный в космос, нес такую же ответственность, что и

ты, однако твою сделала для всех явной та неведомая сила, которая сотворила этот корабль.

Уставившись на серую приборную панель, Рик раздумывал над словами Йосико. Их правдивость, казалось, невозможно было отрицать, по крайней мере в принципе. О деталях еще можно поспорить, скажем — переоснащаться после произошедшей аварии все не значит отступать без оглядки — но действительно, исследование приостанавливалось после каждого несчастного случая, а потом шло по более осторожному пути.

— Что ж, — наконец вымолвил Рик, — постараюсь из всех сил передать эстафету, не споткнувшись. Нам осталось продержаться всего пару часов.

Время до входа в атмосферу астронавты провели надежно закрепляя по местам оборудование и разные мелочи, разбежавшиеся по кабине за неделю их пребывания в космосе. Тем временем Земля приближалась, разворачиваясь из бело-голубого шарика в свою полную ширь и теряя резкость очертаний по краям, — к этой картине они успели привыкнуть во время полетов на шаттле. Теперь до контакта с воздушным покровом Земли оставалось всего несколько минут, необходимых для отстрела цилиндрического служебного модуля с его отработавшим двигателем и топливными баками, а затем переориентации командного модуля для входа в атмосферу с основной частью капсулы вперед.

Шли последние секунды, все трое астронавтов тяжело дышали. Скафандры они не надели, чтобы на тело не давили добавочные центнеры веса, да и к тому же, случись что-нибудь с капсулой, все сгорят в мгновение ока, в скафандрах или без. Рик взял Тессу за руку, пытаясь уверить ее в успехе, но он знал, что фраза вроде «Не волнуйся», исходящая от него, только еще больше беспокоит ее. Так что Рик просто спросил:

— Кувшинки будем собирать?

— Не смешно, — ответила Тесса.

Хотя Йосико рассмеялась и сказала:

— Ну их, кувшинки, я уже купальник достала. Гавайи, вот и мы!

Место приводнения лежит в тысяче миль от островов, но именно на Гавайях нога астронавтов впервые коснется земли после того, как их подберет поисковый корабль. На самом деле, кораблей два: русский и американский, но русские уступили американцам право

подобрать капсулу. Что было теперь на руку НАСА, ведь тогда весь почет достанется ему, хотя ни Рик, ни Тесса не рвались воссоединиться с официальными лицами.

Но предвкушение неофициальной встречи стоило любого гнева НАСА. Основной целью присутствия русского корабля было транслировать приводнение на весь охваченный любопытством мир — теперь, со слов Григория, когда начался самый опасный и ответственный этап полета, люди совсем не отходили от телевизоров. История любви, развивавшаяся на борту, пошла на пользу популярности астронавтов.

Несмотря на некоторые сопутствующие популярности неудобства, Рик был рад вниманию: поддержка людей избавит их от серьезных неприятностей, и возможно даже послужит источником дохода — пока не начнется новая космическая программа, можно будет читать лекции. На шаттлах им больше не летать, тут их карьера лопнула, и лишь ореол героев мог дать им шанс вновь полететь в космос.

Контакт. Капсула бешено затряслась, и астронавтов с огромной силой придавило к сиденьям. Давление ослабло на мгновение, затем снова стало неуклонно возрастать. Раскалившийся добела вокруг обшивки воздух освещал и капсулу ярким неоновым светом. При этом ее стало бросать из стороны в сторону. Навигационный компьютер подправлял траекторию полета короткими импульсами ракет управления, но каждые несколько секунд капсулу встряхивало еще и при вхождении в более плотный слой атмосферы. Чем глубже корабль входил в нее, тем сильнее тормозил, при семикратной перегрузке у астронавтов едва хватало сил дышать.

Долгие минуты трое пилотов лежали как пришибленные, не в силах пошевелиться. Хотя тряска усиливалась и автоматическая система, казалось, перегрелась, Рик не взял управление на себя, только не отпуская руки от выносного пульта, расположенного на конце подлокотника. Рик доверял призраку больше, чем своим инстинктам. «Дух Надежды» не мог позволить им погибнуть теперь, когда завершение миссии так близко.

При этой мысли стены кабины на мгновение потеряли свои очертания, и Рик съёжился, ожидая, что пламя вот вот поглотит его, но это продолжалось лишь секунду. Тесса и Иосико обе судорожно вздохнули, но ничего не сказали. Ничего, правда, и нельзя было

сказать при таком невероятном давлении, прижимавшем их к лежентам.

Окруживший корабль ионизированный газ перекрыл радиосвязь с Землей. В наушниках у Рика лишь шипело, но резкий свист воздуха, обтекавшего оболочку капсулы, перекрывал и этот звук. В верхнем иллюминаторе виднелся извивающийся хвост огненно-белого пламени, растянувшийся на многие мили в небе, которое все больше голубело по мере падения корабля.

Наконец, минут через шесть, перегрузки начали спадать, и шлейф пламени исчез. Торможение прекратилось, скорость капсулы была еще довольно велика, но тепловой щит уже перестал гореть.

Рик взглянул на альтиметр. На двадцати пяти тысячах футов, как раз когда стрелочка миновала черный треугольник на табло, раскрылись, слегка встряхнув капсулу, малые парашюты. Рик наблюдал, как они развешаются вверх, стабилизируя корабль и еще немного снижая его скорость, затем на десяти тысячах распустились три основных оранжево-белых купола. Капсула так дернулась, словно ударилась о твердь земную, но затем выравнялась и повисла на концах прочных строп, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, продолжая спуск.

Солнце вошло всего пару часов назад, и волны блестели, отбрасывая свет его лучей, словно россыпи драгоценных камней. Рик глубоко вздохнул:

— Дом, милый дом, — сказал он.

— Не расслабляйся пока, — среагировала Тесса, поглядывая на альтиметр, — нам еще осталась пара миль.

— Хорошо, мамочка.

Новый голос послышался в эфире:

— «Аполлон», это корабль Соединенных Штатов «Нимиц». Вы находитесь в зоне нашей видимости.

— Понял, — ответил Рик. Он ослабил ремень безопасности и посмотрел в иллюминатор, но не смог разглядеть авианосец, русских тоже не было видно. Внизу расстилался лишь огромный океан.

Показания альтиметра равномерно падали, его стрелка двигалась справа налево, отсчитывая пять, четыре, три, две тысячи футов.

— Ну, все, — сказал Рик. — У нас получится.

— Рик! — Тесса бросила на него суровый взгляд. — Под нами еще целая тысяча футов.

Рик взглянул на океан, который, казалось, уже можно было потрогать рукой.

— Ну, и пусть. Я пытался всю дорогу, на Луну и обратно, обхитрить сверхъестественные силы — что ж, с меня хватит. Падение отсюда мы переживем, поэтому, если эта штуковина захочет исчезнуть прямо сию минуту, то будь они прокляты все предрассудки: мы дома в целости и сохранности.

Он стукнул по люку для убедительности. При ударе тот гулко отозвался, но через мгновение начал растворяться, словно мираж в пустыне.

— Прекрати Рик! — закричала Тесса, а следом и Йосико:

— Не сейчас, черт возьми, не сейчас!

— Беру свои слова назад! — заорал Рик, но на сей раз капсула не прекратила исчезать. Еще несколько секунд она еще поддерживала их вес. Панель управления расплылась; последним на ней, словно улыбка чеширского кота, исчез альтиметр, его стрелочка считала в пустоте последние деления, а затем и ложементы исчезли, выбросив троих астронавтов в воздух.

Рик дико замахал руками, будто пытаясь удержаться за что-то. Правой рукой он задел один из скафандров, который отлетел в сторону, раскинув рукава и штанины. Два других скафандра тоже нигде не исчезли, и на мгновение Рик задумался — почему, но вспомнил, что они земные.

Рик развернулся, в лихорадочных поисках еще одного предмета в капсуле, не имевшего связи с кораблем, и увидел его прямо под собой, падающим словно камень. Собственно это и были камни: образцы, собранные им с Тессой на поверхности Луны.

— Нет! — вскрикнул он, потянувшись за ними, но внезапно ему в лицо ударила жидкость, он поперхнулся и закашлялся. Контейнеры для образцов были частью корабля, поэтому исчезли одновременно с ним, выплеснув свое содержимое на Рика. Он уловил запах аммиака, и чего-то еще незнакомого, но ветер унес все запахи.

Все, что было собрано, все, что было сделано, исчезло в этот момент самонадеянности. Они возвращались на Землю, имея не больше, чем до полета.

Однако...

Весь мир знал, где они побывали и что видели; это никто не в силах был отобрать.

Тесса летела рядом в нескольких футах, но, чтобы замедлить свое падение, распростерла руки и ноги в стороны. Казалось в этот момент девушка устремилась вверх, ее волосы развевались за спиной. Рик крикнул:

— Только не входи так в воду!

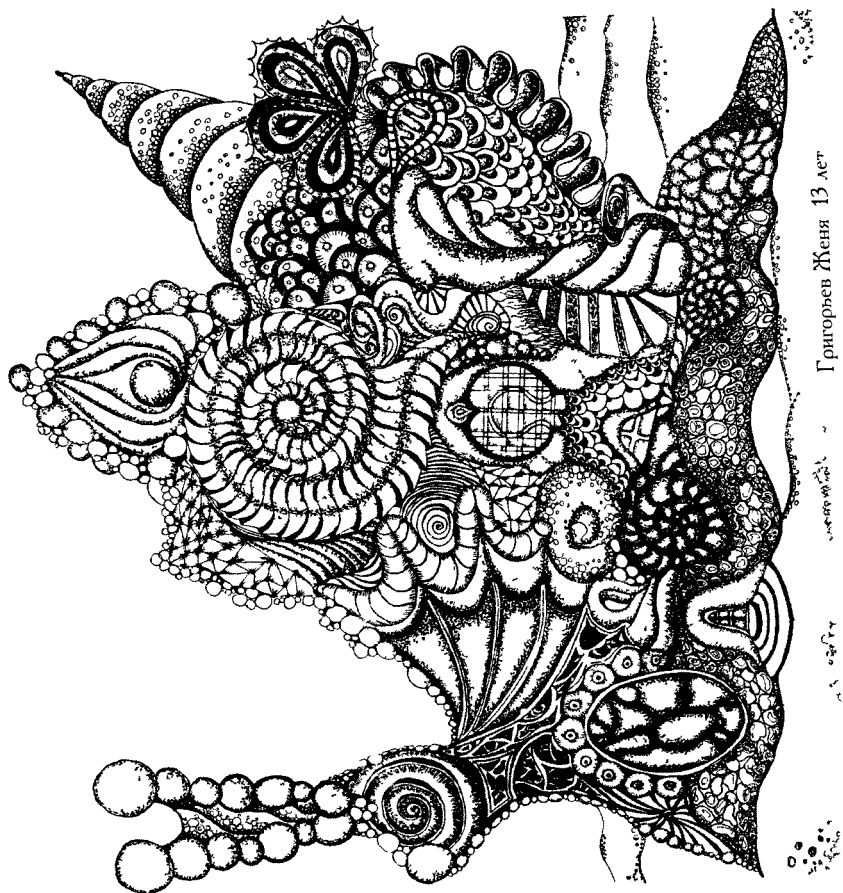
— Конечно, нет, — прокричала в ответ Тесса. — Я сгруппируюсь в последний момент.

Иосико отчаянно махала в воздухе руками, чтобы не нырнуть вниз головой, но падала слишком быстро.

— Солдатиком! — крикнул ей Рик, но не успел убедиться, поняла ли она. Ему самому едва хватило времени, чтобы перевернуться ногами вниз.

Океан неся навстречу. Глянув вбок, Рик увидел два огромных авианосца, шедших параллельным курсом. Палубы кораблей были забиты моряками. И репортерами. И учеными, и чиновниками, и бог знает, кем еще.

Рик зажмурился и приготовился к удару.

Григорьев Жени 13 лет

Кэролин Ив Гилмэн живет в Сент-Луисе, где работает редактором по выставкам и дизайну в Миссурийском историческом обществе. Ее, ставший заглавным для пятого номера «Сверхновой» за 1994 год, рассказ «Медовары» являлся финалистом на премию «Небьюла». «Вольные корабли Фэрни» также дал идею для обложки, уже седьмого номера за 1996 год. Действие этого рассказа разворачивается в том же мире — Хэвен.

ВОЛЬНЫЕ КОРАБЛИ ФЭРНИ

Кэролин Ив Гилмэн

— Выходи за меня-а!!! — прокричал Джамбер, как только его шхуна подошла к берегу достаточно близко, чтобы его можно было услышать. Ларкин покачала головой и отвернулась, продолжая конопатить щель в палубе «Киттиуэйк». Ларкин как раз начала заниматься шхуной, когда дядюшки заметили парус на горизонте. Было ясно, что это Джамбер. Никто другой не приплыл бы в Фэрни в это время года, когда море не сбросило ещё свою зимнюю меланхолию.

— Выходи за меня! — Снова крикнул Джамбер, решивший, наверное, что она не слышит его. Он стоял чуть ли не на бушприте и держался за носовые ограждения. Розовый вязаный свитер обтягивал мощный торс, а кепка с козырьком прикрывала пролысину в его черных волосах. У него были пышные усы и слегка прищуренные от частых взглядов на солнце глаза. Ларкин с легкой завистью заметила, что шхуна Джамбера была в ещё лучшем состоянии, чем в

прошлом году; покрашенная в зеленый и красный цвета, блестящая начищенной медью, она была самой яркой гостьей в заливе Фэрни Бэй за всю зиму. Ларкин решила попросить Джамбера привести в следующий раз немного краски для «Киттиуэйк», даже если бы это означало, что ей придется обойтись без новых сапожек.

— Ах ты, мучитель лодок! — прокричала она ему. — Рискнешь жизнью «Боббер», выводя ее в море так рано.

— Виной всему любовь. Можешь убить меня за это, — ответил Джамбер и добавил, обращаясь уже к своей команде, — пошевеливайтесь, бездельники чертовы! Где перлинь? Что я, ко зсему должен руки прикладывать?!

«Боббер» мягко пришвартовалась в полуразвалившийся док, где когда-то стоял на якоре великий флот Фэрни. В этом году Ларкин заметила у Джамбера уже двух матросов. Он явно преуспел. Там, в Сорисе, девушки, наверное, только и мечтали, чтобы он обратил на них внимание. Материковые женщины все такие.

Джамбер уже было прыгнул на просевшие доски пристани, как кто-то ещё появился на палубе «Боббер». Незнакомец, закутанный в меховое пальто, выглядел довольно странно. Его длинные черные волосы спадали на плечи, а короткая бородака ассирийского типа курчалась по щекам. Он осмотрел пустой залив, голые холмы, затем ряд серых покосившихся лачуг. Его брови нахмурились.

— Ты обмануть меня! — вскричал незнакомец.

— Нет, Ваша честь, это и есть Фэрни, — возразил Джамбер.

— Лживый торна, все врешь! — настаивал человек с акцентом. — Где коро'вли?

— Ну вот, опять, — беря себя в руки, пробормотал Джамбер. — Послушайте, я же предупреждал Вас, что их тут немного. Вы могли бы достать коров и поближе к Сорису — разве я не говорил Вам?

Чужеземец посмотрел вокруг.

— Тут вообще нет коро'вли!

— Они, наверное, на холмах, — предположил Джамбер.

— Что? — изумился чужеземец.

Джамбер протянул руку в сторону открытых травяных лугов, раскинувшихся за деревней.

— Пасутся. На пастбищах. Вон там коровы.

— Думать ты, что я совсем дурак? — уже раздраженно спросил незнакомец.

— Зачем ему коровы? — поинтересовалась Ларкин, опершись на планшир.

Внимание чужеземца переключилось. Он глубоко поклонился Ларкин.

— Меня прошу простить, глубокоуважаемая леди. Я рассеян. Я есть просто несчастная жертва обмана этот просоленный мошенник. Я приплыть в поисках Фэрни, где строить великие коро'вли.

— А, так Вы имели ввиду корабли! — воскликнула Ларкин.

— Да, да, — возбужденно подтвердил чужеземец. — Большие, которые ходить по воде. Бум-бум.

— Что? — Теперь пришла очередь Джамбера изумляться.

— Милая дама, можете ли Вы подсказать мне, где находится Фэрни — страна коро'влей?

— Это она и есть, — негромко вымолвила Ларкин.

— Я что, спать? Деревья нет, верфь нет.

— Вы опоздали на полвека, — Ларкин услышала в своем голосе свинцовую тяжесть, которая наваливалась на любого жителя Фэрни, когда заходила речь о кораблях.

— У нас больше нет кораблей. Ни на продажу, ни чтобы плавать. Они исчезли.

Незнакомец сначала был озадачен, но потом хитрая искорка блеснула в его глазах.

— Я думаю, Вы меня обманывать, — сказал он. — Вы думать я имею недостаточно денег.

— Нет, просто никаких кораблей нет. Теперь уже нет.

Ларкин отвернулась и вновь принялась за работу, больше ей не хотелось отвечать ни на какие вопросы. Она провела рукой по гладким доскам палубы «Киттиуэйк», приобретшим с годами под воздействием волн и ветра серебристый блеск стрекозиноного крылышка. «Киттиуэйк» была удобным, легким в управлении судном, очень проворным вблизи берегов и хорошо приспособленным к ловле мидий, но она лишь отдаленно напоминала легендарные каравеллы, прославившие когда-то Фэрни.

Эти корабли никто, увидев хоть раз, не мог забыть никогда. «Мист», на которой Геннадэй из Раска плавал в иные круги; великая «Хэвенмэйкер», которую сам Айзон Гаро водил против захватчиков из Торна. Их имена так часто поминались дядюшками зимними вечерами у камина. По всей тысяче островов Хэвен были из-

вестны они. В их времена люди правили землей, но Бескрайними Водами правили корабли Фэрни.

Ларкин родилась в Фэрни, но никогда не видела великих каравелл — наяву, по крайней мере. Они приходили к ней во снах. Такие прекрасные, что у нее перехватывало дух. Высокие и стройные, с парусами-крыльями, с оснасткой, поющей на ветру словно струны арфы, но и во снах они лишь едва показывались на горизонте. Теперь от них остались лишь вспышки воспоминаний.

Сквозь стук своего деревянного молотка Ларкин слышала спор на «Боббер» — громкий, негодующий голос чужеземца, и резкий, присущий всем жителям Торна, говор Джамбера. Ларкин подумала, что ей придется нелегко замужем за человеком, который так любил спорить.

Потом крики прекратились и послышались приближающиеся по доку шаги.

— Разрешите подняться на борт? — спросил Джамбер.

Ларкин присела на корточки и откинула назад упавшие ему на глаза черные локоны. Джамбер широко улыбнулся. Для Ларкин его смех был неотъемлемой частью весны, такой же, как распускающиеся цветы и выющие гнезда кайры. Поначалу этот смех коробил, потому что каждую осень, после отплытия торговцев, деревня погружалась в длительную тишину; по мере того, как укорачивались дни, Ларкин привыкала к общению односложными словами с людьми, которым уже больше нечего было сказать друг другу. А потом возвращался смех Джамбера, бесшабашно развеивая уютную монотонность серости и упадка.

— Я думала, что какая-нибудь материковая женщина уже успела тебя захомутать, — сказала Ларкин.

— Беспокоилась?

Она хмыкнула в ответ, но поняла, что и вправду беспокоилась, что шхуна Джамбера не придет снова, что весна не вернется.

— Зима была долгой, — переключилась она. — Старый папаша Горн умер как раз перед солнцестоянием, мама Байра сразу после.

— Каждую весну я узнаю лишь, кто умер.

— Больше здесь ничего не происходит.

— Тебе не стоит здесь оставаться, — решительно сказал Джамбер.

Ларкин пожала плечами — она все еще не научилась так ловко разговаривать. Она никогда не сможет говорить, как Джамбер. Он был торна; они все словно уже рождаются с хорошо подвешенным языком.

— Тетушки говорят, что я становлюсь женой моря.

— Кем?

— Понимаешь женщиной, обручившейся со своей шхуной. Наверное в твоих краях нету таких.

— Нет, нету, — он протянул ей руку. — Пошли-ка на «Боббер». Я кое-что привез для тебя.

Ларкин посмотрела на него с надеждой.

— Краску?

— Какую еще краску? — запротестовал Джамбер. — За кем по-твоему я ухаживаю?

— «Киттиуэйк» она нужна, — возразила Ларкин. — Только взгляни на нее. Вся серая, словно сплавной лес.

— Забудь ты про свою посудину, — возмутился Джамбер с притворным раздражением в голосе, но увидев, как Ларкин нахмурилась, он поднял руки и добавил.

— Ладно, хорошо, я привезу краску в следующий раз, только дай сначала подарить что-то тебе. В конце концов, я-то не на лодке хочу жениться.

Ларкин уже почти спустилась на причал, когда из трюма «Боббер» появились матросы Джамбера, несущие в руках огромный, обшитый медью дорожный сундук. Черноволосый иноземец следовал за ними, все еще изливая потоки непонятных ругательств и размахивая руками.

— А кто он? — поинтересовалась Ларкин.

— Да, один псих с материка, — ответил Джамбер и рассмеялся. — Можешь себе представить, все это время я думал, что он говорит о коровах.

Иноземец и матросы с его сундуком прошествовали вниз по причалу. Наверное, половина жителей глазела на них из-за приоткрытых дверей и окон.

— Пошли, — поторопил Джамбер.

Трюм «Боббер» был забит бочками, тюками и ящиками, пахнущими опилками и корицей. Он протискивался по узенькому проходу, пригибаясь под низкими перекрытиями, в маленькую каютку,

где только и оставалось место для людей. Там вытащил черный морской сундучок из-под койки.

— Готова? — спросил Джамбер.

Весь просияв, он протянул девушке пару кожаных сапожек. Ларкин поднесла их к иллюминатору, чтобы получше рассмотреть. Они были начищены и отливали снаружи вишневым блеском, а внутри — замша, мягкая, словно фетр. Ларкин с благоговением обвела их контур пальцем. Красивей у нее никогда ничего не было, на мгновение ненависть к собственной нищете ужалила ее.

— Они красивые, — сказала Ларкин. — Слишком красивые, чтобы выходить в них в море. Я их испорчу.

— Ты сможешь носить их в Сорисе, — ответил Джамбер. — Там ты сможешь носить все, что захочешь.

Ларкин хотела бы в это поверить, но не могла. В Сорисе ей придется постоянно следить за тем, как она выглядит в глазах окружающих. Все будут видеть в ней всего лишь деревенскую дикарку.

Ларкин приобняла Джамбера и поцеловала его в щеку, сжимая сапожки в руке. Он ждал, что будет дальше, ждал благодарности. Не плотской, это не уйдет. Джамбер ждал согласия. А это было как раз то, что Ларкин не готова была ему подарить.

Она кинулась к двери, по-прежнему прижимая к груди сапожки. По проходу через трюм, вверх по трапу на солнце и через причал к «Киттиуэйк». Она отвязала швартовы и забросила их вместе с сапожками на палубу. Запрыгнув следом, она схватила корабельный шест и оттолкнулась от причала, затем подбежала к гротмачте и потянула фал. Шкив на верхушке мачты недовольно заскрипел, но парус поднялся и поймал ветер. Ларкин поспешила на корму и встала у руля, одной рукой придерживая шкот. Затем, словно музыкант, извлекающий совершенную ноту из противоборства двух сил, она пустила «Киттиуэйк» по широкой дуге и вывела ее в залив.

Крутые волны подбрасывали шхуну, а Ларкин стояла на корме, стараясь думать только о натяжении шкота в одной руке и дрожи руля в другой. Она немного поиграла с управлением, чувствуя, как «Киттиуэйк» отвечает на каждое ее легчайшее движение. Ларкин почти представила себе, что шхуна просыпается в ее руках, освобожденная после долгой зимней спячки. Если бы только это было правдой.

На выходе из залива острый холод океанского ветра обдал их. «Киттиуэйк» накренилась, вода вспенилась у ее бортов. Лини

заскрипели, туго натянувшись. Фонтан брызг из под носа шхуны взвился в воздух, и Ларкин рассмеялась, чувствуя как ветер срывает и уносит прочь смех с ее губ. Она широко расставила ноги, оседлав раскачивающуюся палубу.

— Здесь мое место. Не в Сорисе, среди прикованных к суше людей. И не в Фэрни, где все потеряли волю к жизни с уходом кораблей.

В заливе Фэрни Бей море все еще как бы пребывало в нерешительности, волны просто сновали туда сюда, но на открытом просторе они все торопились на запад, словно им было что-то известно. Ларкин потянула носом воздух и искоса оглядела лишенный красок ландшафт, пытаясь угадать настрой моря. Это самое капризное время года. Море выглядело озабочено, как если бы что-то должно было произойти.

Ларкин накинула шкот на планку, закрепила хомутом румпель и спустилась вниз за своей коробочкой с волшебными травами. Она встала на фордек и принесла свой весенний дар рогатой пантере, чье царство лежало в глубине вод. Волна обнажила пенные зубы и проглотила подношение целиком.

Ларкин наклонилась и подобрала сапожки, которые так и лежали на палубе. Их уже обрызгало соленой водой, Ларкин поплевала на них и побробовала оттереть соль. Затем она перешла на корму и встала у руля, держа сапожки в руке.

Предложение Джембера было для Ларкин лучшей возможностью, чтобы покинуть этот заброшенный остров и деревню, которая начала умирать еще до рождения Ларкин. За зиму девушка составила себе в воображении полную картину своей жизни в Сорисе. Джембер бы преуспел — в этом трудно было сомневаться. Он скоро купил бы лодку побольше, а потом еще несколько, и под копейку заимел бы целый флот, как все знатные торговцы из Торна Бэй. Он располнел бы и стал солидней, да и она, наверное, тоже, ведь наверняка у них народятся дети, которые заполнят шумом и возней их веселый дом. Это была бы хорошая жизнь: устойчивая и счастливая. Настал бы день, когда они стали бы самыми преуспевающими гражданами Сориса. И она постепенно забыла бы жизнь на населенной призраками земле, всегда в тени минувшего.

Но ей больше никогда не выйти в море.

Ларкин поставила «Киттиуэйк» по ветру и пошла на нос, чтобы

поднять кливер. Когда большой парус набрал ветер, маленькая шхуна накренилась, едва не черпая воду подветренным бортом. Ларкин налегла на руль с радостным криком. И как будто разделяя ее настроение, «Киттиуэйк» рванулась вперед, вздымая свой нос высоко в воздух и в фонтане брызг обрушиваясь вниз.

Уже смеркалось, когда Ларкин вернулась в Фэрни Бей. Она немного успокоилась, но никакого решения так и не приняла. Как бы она ни поступила, ее ожидали перемены.

— Где тебя носило? — спросила тетушка Бролл, едва Ларкин, с перекинутыми через плечо сапожками и талями, вошла в свой маленький домик.

— В море, — ответила она.

— В этой твоей лодке?

— Ммм... — Ларкин подошла к печке, чтобы посмотреть, что готовится: она была голодна как волк.

— Не трогай тут ничего, — сказала тетушка; она готовила сладкие коренья, которые берегла всю зиму для совсем особых случаев.

— Джамбер придет? — спросила Ларкин. Тетушка боготворила Джамбера; он всегда пробуждал в ней остатки щедрости.

— Да, если мы сможем угостить его достойно.

— Будто ему есть нечего, — сказала Ларкин.

В теплом углу за печкой сидела Мама Кир, сгорбленная и хрупкая в своем ветхом кресле. Когда Ларкин зашла, лучезарная улыбка озарила лицо старушки и она протянула навстречу костлявую, покрытую пятнами руку.

— Как Вы сегодня, Мама? — спросила Ларкин.

— Весь день капризничала, — сказала тетушка Бролл.

Мама поджала губы и неодобрительно покачала головой.

— Вам лучше, Мама?

— Она уже будет сейчас с нами пить бульон, правда? — сказала тетушка.

Мама Кир схватила Ларкин за руку, и высоким скрипучим голосом почти прокричала:

— Джамбер придет.

— Да, я знаю.

— Вы еще не поженились? — спросила Мама Кир, словно запямятовала.

— Нет, ты узнаешь, если это случится.

Тетушка Бролл нарочито громко переставляла мебель.

— Надеюсь — ты поторопишься. Тогда тебе не придется всю зиму есть баранину и овсянку.

Ларкин отчетливо услышала произнесенные слова: «мою баранину», «мою овсянку».

— Твоя мать могла бы выйти за человека с материка, — сказала Мама Кир.

— Да, я знаю, — она слышала эту историю уже, по крайней мере, тысячу раз.

— Она его отвергла, — продолжала Мама Кир, и Ларкин повторила про себя давно заученный конец фразы, — и жалела об этом всю жизнь.

— Пойду умоюсь, а потом помогу вам, — сказала Ларкин.

Джамбер пришел вместе со своим иноземным пассажиром. Тетушка Бролл сделала вид, что польщена принимать гостя с самого материка, но жутко переживала за впечатление, которое производил ее стол. Она все время шипела в ухо Ларкин:

— Пусть думает, что хочет. Мы так живем. Я слишком стара, чтобы разыгрывать из себя кого-то.

К счастью, гость флиртовал и безудержно льстил ей на ужасном, ломаном языке, отчего она постепенно успокоилась. После ужина Ларкин доверху набила торфом железную печку, зажгла масляные лампы, и их домик стал на время уютным и теплым. Когда разговор стихал, было слышно, как о берег бьются волны, и ветер постукивает в ставни.

— Сегодня ночью эшвины летают в небе, — сказала Мама Кир.

Потом начали подходить дядюшки, желавшие поглядеть на чужеземца. Они расселись по сундукам, табуреткам и даже по подоконникам, но стулья по обе стороны гостя так и остались пустыми.

Комната была уже битком набита, когда Ларкин заметила в дверях своего брата Рунара. Она едва не окликнула его; прошло уже около месяца с тех пор, как они виделись в последний раз. Но желание поприветствовать его исчезло, как только она увидела, как свалились его черные волосы и измялась одежда, в которой он спал, наверное, уже много ночей подряд. Нависшие брови скрывали глаза; он смотрел по сторонам, словно чужой.

Иноземец снова принялся обсуждать своих «коро'влей». Было ясно, что он подозревал всех присутствующих в сговоре и пытался

выудить хоть крупицу того, что ему хотелось бы услышать. В какой-то мере он был прав: хотя дядюшки охотно рассказывали о кораблях своего детства, они были подозрительно скупы на действительно важную информацию. Некоторые вещи, слишком близкие сердцу, нельзя выразить словами.

— И «Хэвенмэйкер» была отсюда, из Фэрни, знаете ли, — сказал дядюшка Боск. — Величественный корабль. Настоящая плавающая крепость. С большими носовыми и кормовыми башнями, украшенными резными позолоченными фигурками тюленей. «Хэвенмэйкер» никогда не упускала случая ввязаться в бой и всегда побеждала. Торна одолели ее только с помощью пушек.

Джамбер добродушно пояснил чужеземцу:

— Тут все еще считают это нечестным приемом.

— Она несла восемнадцать парусов, — вставил дядюшка Стоул.

— Нет, семнадцать, — поправил его Боск. — Кому же, как не мне знать это, ведь мой пра-прадедущка привел ее.

— Ну а двоюродный брат моего прадедущки правил ею, — настаивал Стоул. — Она несла девять прямых парусов, семь стакселей, кливер...

— Правильно, сказал Боск, загибая пальцы. — Это и будет семнадцать.

— ... И шпритсель

— Да, про шпритсель я и забыл.

Они могли бы всю ночь напролет обсуждать мельчайшие подробности оснастки сотен кораблей прошлого и семьи, приведшие их. Но никто в комнате казалось не скучал, даже иноземец слушал внимательно. Ларкин разглядывала их лица, и взгляд ее все время возвращался к Рунару, стоявшему у двери, где пляшущий огонек одной из масляных ламп отбрасывал резкие тени на его выступающие скулы. Рунар не замечал Ларкин: он был слишком увлечен рассказами старших. В каждой черте его загорелого и обветренного лица проступал неуёмный интерес и неутолимая жажда. Тут Ларкин вспомнила, как уже покойный теперь муж тетушки Бролл говаривал:

— Этот парень должен был стать настоящим охотником на корабли.

Рунар родился в ночь Лысого Медведя, и злоеца тень этого рождения всегда довлела над ним. Ребенком он был мечтательным и малообщительным, Ларкин была его единственным настоящим

другом. Уже тогда он острее остальных ощущал всю несправедливость мира. В последнее же время брат впал в глубокую депрессию. Иногда он на целые недели уходил из деревни, словно медведь скитаясь по холмам в дождь и в бурю. С тяжестью в сердце Ларкин признавала, что ничего не может поделать с этим. Сейчас же, когда она смотрела, как Рунар слушает рассказы о кораблях, ее поразило, что он выглядел много счастливее, чем в последние месяцы.

— Я однажды помог моему брату довести бригантину до Торна Бэй, мне тогда сравнялось восемнадцать, — говорил отец Орч. — Сидела она низко и была стройная, как вяз, а гротмачта высилась прямо под облака. У нее было столько акров парусов, сколько у большинства крестьян акров полей. Под полными парусами она почти летела: в Проливе Ветров мы разогнались до двадцати узлов. Ей дали имя «Розалбин». Когда мы бросили якорь в Торна Бэй, комендант гавани попросил отвести ее подальше, потому что все в порту бросили работу. Просто стояли и любовались ею. Они никогда не видели корабля прекрасней.

Его глаза яснее слов говорили, как прекрасна была «Розалбин», за все долгие годы рана этой потери не заросла в душе.

— И сколько вы за нее получили? — поинтересовался чужеземец.

Отец Орч опустил глаза, все замолкли, ведь когда-то корабли были душой Фэрни.

— Да, мы продали ее, — сказал Орч и посмотрел в глаза иноземцу.

— Тогда Фэрни процветала, не то, что теперь. Тут жило около тысячи человек и бед не знали, а все благодаря кораблям. В домах водились и ковры, и зеркала, а всю долгую зиму мы ели говядину.

— И опять могли бы, — сказал чужеземец, — Я даю столько, сколько тогда получали вы. Больше даже. Вы мне — десять коро'влей, за каждый плачу столько же.

В ответ все только покачали головой.

— Вы думать, не можете больше делать коро'вли? — лукаво спросил иноземец. — Вы думать: «Глупый чужестранец, разве не понимает он, что коровли нельзя? Что мы срубили все деревья?»

Все непонимающе уставились на него. Он рассмеялся.

— Но я не такой глупый. Я знаю, вам нужно дерево для мачт и корпуса и вар, чтобы смолить. Думаете все, тут ничего нет. Но есть

много других мест. Я туда вас везу. А если нет, я везу лес сюда. И у вас снова будут коро'вли.

Если бы только все было так просто. Дядюшки молчали. Как объяснить чужестранцу с материка?

От дверей донесся чей-то хриплый голос.

— Ну скажите ему.

Это был Рунар. Он стоял, скрестив руки на груди, и осуждающе оглядывал собравшихся. Ларкин попыталась жестом остановить его, но было поздно.

— Давайте, скажите ему. Вы же в жизни корабля не построили.

— Ну и братец у тебя! — прошипела тетушка Бролл в ухо Ларкин.

Рунар заговорил громче.

— Корабли прежних дней не были мертвыми творениями человеческих рук, как те лодки, что у нас теперь. Они были настоящими. Большими стаями они летом мигрировали к северу. Каждую весну вы выходили ловить их, чтобы укротить, взять на буксир, привести сюда и обречь на служение людям. Их души умирали, едва оказавшись здесь, но это никого не останавливало. И в пустой скорлупе их корпусов вы гордо плавали.

Оглядев лица дядюшек, безмолвно повернутые к нему, Рунар помрачнел еще больше.

— Вы думали, их никогда не станет меньше, и их стаи никогда не иссякнут. Год от года ваша жадность росла, ловили все больше и больше кораблей, пока в один прекрасный день они не исчезли. Ради ковров и говядины вы вычерпали все до дна, не оставив детям ничего. А внуки ваши живого корабля вообще не видели и знают о них только по вашим рассказам.

На мгновение в комнате воцарилась полная тишина. Затем все вдруг заголосило. Дядюшка Боск встал с побагровевшим лицом и прокричал Рунару, перекрывая этот гвалт:

— Убирайся отсюда, недоделок, и не смей говорить о том, чего не знаешь!

Рунар попытался огрызнуться в ответ, но Ларкин схватила его за руку.

— Пойдем, — решительно сказала она.

Он позволил ей вытащить себя на улицу. Из-за двери доносились раздраженные голоса, а здесь, снаружи, дул холодный, резкий ветер.

— Чего ты хочешь? — спросил Рунар.

Ларкин лихорадочно соображала.

— Рунар, у меня есть идея.

— Я покажу этим старым дуракам, — порывался он вернуться в дом. Ларкин встала на пути.

— Рунар, а откуда нам знать, что все корабли исчезли?

Он уставился на нее с безумным блеском в глазах.

— Ведь все говорят...

— Вот именно. Кроме их слов у нас ничего нет. Прошло уже полвека.

— Ты бредишь, — ответил он.

— Я не хочу верить им на слово. Я хочу убедиться сама. Сейчас подходящее время года, Рунар: как раз в это время охотники отправлялись в море. Что скажешь?

— Нет там никаких кораблей.

— Тогда мы просто вернемся.

— И все будут смеяться над нами.

— Ну, и что?

— Нет! У меня и шхуны нет.

— У нас есть «Киттиуэйк».

— Она твоя. Я поведу только свою шхуну.

Ларкин было знакомо это состояние Рунара: необъяснимое упрямство управляло всеми его поступками. Оно стояло между ним и всем, чего он действительно хотел, что принесло бы ему пользу.

— Тогда я найду для тебя шхуну.

— Кто же расстанется со своей ради меня? — усмехнулся Рунар.

— Я отыщу.

Теперь у нее просто не было другого выхода. Затеявая этот разговор, она хотела лишь отвлечь брата, удержать его рядом с собой. Теперь она сама загорелась своей идеей. Ларкин хотела выйти в море, и чтобы Рунар пошел с ней, прежде чем они отдалятся навсегда. Они играли в охотников на корабли еще детьми. Теперь настала пора отправиться на охоту всерьез, чтобы доказать, что они не изменились, чтобы преемственность избежала всех перемен.

— Нужны команды, — сказал Рунар.

— Я знаю с полдюжины человек, готовых пойти с нами.

— Стариков не возьмем, — предупредил он.

— Нет, только наших сверстников.

Наконец, Рунар так же загорелся этой идеей, как и Ларкин. Он с жаром принялся обсуждать организацию охоты. Вдруг Рунар пристально посмотрел в глаза Ларкин, ветер развеивал гриву непричесанных волос.

— А что мы станем делать, если и впрямь найдем корабли?

— Ты что, спятил? Разве ты не слышал предложение чужеземца? Ты же сможешь купить дюжину лодок. Да, что там, всю деревню.

Он просветлел и улыбнулся.

— Интересно, что об этом подумает старичье?

— Здесь все вернется к жизни, — продолжала Ларкин, — будет настоящий город, а не кладбище.

А ее внутренний голос добавил: «И мне не придется уезжать отсюда.»

Последнее не вошло в перечень аргументов, которые Ларкин выдала Джамберу той ночью, когда они уютно устроились под грудой одеял на чердаке тетушки Бролл. Ларкин была очень осторожна со словами, но Джамбер все равно резко сел и спросил.

— Я что, похож на психа?

Она притянула его назад, потому что он пускал под одеяла холодный воздух чердака.

— Это займет всего лишь день или два. Рунар будет хорошо заботиться о ней.

— «Боббер» — моя жизнь, я не доверяю ее никому. Никому. Даже собственному брату.

— Рунар станет твоим братом, если, ну ты понимаешь, если, — Ларкин не договорила. — Она нужна ему, Джамбер. В последнее время ему нелегко пришлось. Это исцелит его. Я знаю.

— Не могу, — сопротивлялся Джамбер. — К тому же, она вся загружена.

— Тебе не придется все разгружать. Только, чтобы она была побыстрее; оставь остальное как балласт.

Джамбер снова сел.

— Ты уже все продумала, да? Ты и вправду считаешь меня сумасшедшим?

Когда Ларкин опять втянула его обратно, то вскарабкалась на него верхом, чтобы не дать ему встать.

— Я думала, ты поможешь нам как член семьи.

— Нет, — отрезал Джембер.

Она нагнулась, чтобы поцеловать его.

— Никогда.

Ларкин сдвинув брови наблюдала, как ее команда поднималась на борт, сбрасывая свои заплетные сумки на палубу; Ларкин следила, чтобы никто не пронес с собой ничего запрещенного. На охоту за кораблями нельзя было брать ни компас, ни хронометр, ни секстант, ни карту. Все дядюшки были согласны с этим: нельзя по-иному найти корабли, кроме, как пожившись на судьбу.

— Если знать, где находишься, никогда не окажешься в нужном месте, — говорили дядюшки.

На другой стороне причала Рунар подготавливал к отплытию «Боббер». Он был похож на дикаря с длинными, развевающимися на ветру черными волосами, но в той тщательности, с которой он, словно ремесленник за работой, проверял каждую деталь оснастки, была спокойная сосредоточенность. При виде его на душе у Ларкин потеплело, ведь это она все затеяла.

— Готов? — спросила Ларкин.

— Должен подойти еще один матрос, — ответил Рунар.

Они смогли подбить с собой девять человек. Пятеро — на «Киттиуэйк», потому что, хоть она и была меньше, но обладала большей скоростью, а значит и большими шансами догнать добычу.

Ларкин оглядела берег в поисках недостающего человека, но разглядела только одну крупную фигуру. Джембер стоял понурившись, с обвисшими усами. Ларкин приветливо помахала ему. Но Джембер лишь сунул руки в карманы. Взглянув еще раз на свою шхуну, чтобы убедиться, что все в порядке, Ларкин соскочила на причал и побежала к берегу.

— Я просто безумец, — пробурчал Джембер, когда она подбежала.

— С «Боббер» ничего не случится. Обещаю, мы вернемся через два дня. Максимум — через три. Рунар — хороший моряк, он позаботится о ней.

— Если бы я беспокоился только о «Боббер», — Джембер уставился себе под ноги.

Значит, он понял больше, чем Ларкин сказала ему. Торна увидел,

что она вдохнула свежий ветер свободы. Она заставила Джамбера помочь ей в безрассудной попытке убежать от всего, что он предлагал ей. В порыве нежности Ларкин поцеловала его круглую, колючую щеку.

— Я люблю тебя за это, — сказала она.

— Узнаю ли я когда-нибудь, где же соединит нас судьба?

Ларкин с радостью ответила бы, если б могла.

Вдали показался последний член команды Рунара.

— Пора. Может быть, я приведу тебе корабль, — она повернулась и поспешила назад к «Киттиуэйк».

— Приготовиться к отплытию! — крикнула Ларкин. — По местам стоять!

Было немного смешно раздавать приказы на такой маленькой лодке, но игра захватила Ларкин. Команда добродушно заулыбалась, и Ларкин поняла, что всем было так же хорошо, как и ей.

При выходе из залива им пришлось часто менять галс, так как дул юго-западный ветер. Как только мыс Кругген Хэд остался позади, ледяной шквал с полной силой обрушился на них, пронизывая до костей. Поднимая тучу брызг, шхуны взяли курс на острова Фаруэй. Гардуя на волнах, впереди шла «Киттиуэйк», круглая и тучная «Боббер» следовала за ней, — грузовой отсек в трюме придавал ей вид беременной. Она же вела на буксире маленький ялик, который охотники хотели использовать как приманку.

Ловили только самок, так как это их стаи в брачный сезон покрывали собой всю океанскую гладь. Самцы же одиноко скитались по бескрайним просторам, присоединяясь к самкам только весной и осенью. Можно было отловить и их во время ухаживания, но никто из Фэрни никогда не пробовал, ведь самцы были боевыми фрегатами, неподдававшимися приручению. Самок поймать и обучить гораздо проще, особенно в это время года, когда они растили свои ялики и гички. Поэтому-то обо всех настоящих каравеллах говорили в женском роде.

Под вечер на севере показались острова Фаруэй. Никому не хотелось причаливать там; это были просто голые скалы, на которых селились тюлени и птицы, да еще странное дикое племя, обитавшее в круглых каменных домах, закопанных в землю. Эти люди верили, что в их очагах горит то пламя, что шесть веков назад было принесено с затонувшей Альты. Новости с Фэрни ничего бы не значили для них.

Морякам было не по себе оттого, что их шхуна с закрепленным

рулем на полных парусах неслась прямо в ночь. Но, на самом деле, опасности не было: за Фаруэй острова заканчивались. Лишь открытое море лежало впереди.

Кори, парень из команды Ларкин, захватил с собой скрипку. После ужина все устроились внизу, в теплом свете лампы, напевая и притопывая под древние мотивы хороводных танцев, а «Киттиуэйк» вместе с ними танцевала на волнах. Довольная, Ларкин переводила взгляд с одного лица на другое. Кори улыбнулся ей поверх смычка, на его добродушной веснушчатой физиономии сверкнул ровный ряд крупных зубов. Брил вытянул длинные ноги поперек кубрика, не скрывая своего не особенно серьезного отношения ко всему предприятию, а Гимбл, самая молодая из всех, мерилась силой со своим гигантом-братом Гораном, упираясь пятками в ступни его мускулистых ног.

Ближе к вечеру Ларкин вышла на палубу, чтобы сменить на вахте всегда спокойную, надежную Бэдву. Вокруг стояла непроницаемая тьма — нельзя было различить, где кончалось море и начиналось небо, лишь изредка в свете фонарей на мачте и бушприте «Киттиуэйк» мерцала волна. Далеко за кормой огни «Боббер», словно желтые светлячки повисли в темоте. Ларкин сидела и прислушивалась к приглушенным звукам скрипки, доносившимся снизу, и к ровному и глубокому дыханию моря.

Жемчужно засветился горизонт, возвещая восход. «Киттиуэйк» по-прежнему шла на запад, вся команда поднялась на заиндеветую палубу, натянув варежки и вязаные шапки, дыхание стыло в воздухе. За кормой «Киттиуэйк» небо на востоке светлело — от розовато-лилового через лазоревое в чисто-голубое. Когда полностью рассвело, охотники застыли, пораженные: огромная туманная страна лежала впереди, обнимая все море. Уходившие вдаль туманные увалы, розовевшие под лучами восходящего солнца, походили на холмы и долины волшебного побережья.

Ларкин вдруг почувствовала тоску по дому. Она вглядывалась в очертания призрачной страны, лежавшей впереди, и инстинктивно ощущала, что это — граница. Едва она переступит ее, вернуться назад тем же путем будет невозможно, там все преобразится. Ларкин поежилась от холода и восторга одновременно, ведь чувство риска действует почти так же, как мороз. Лишь на мгновение она взгрустнула о Джамбере.

На «Киттиуэйк» спустили кливер, чтобы замедлить ход, и просигналили «Боббер» встать на параллельный курс. Когда они почти поровнялись, Ларкин крикнула Рунару:

— Нам надо держаться вместе. Вывесьте какие-нибудь огни.

Рунар кивнул и снова вперился в туман. Его лицо таило пламень.

Туманный берег проступал тем яснее, чем ближе они подплывали. Казалось, ступив на эти волнистые холмы, можно было по ним подняться в небо.

Но никакого берега не было, ступить было не на что. Ларкин стояла на фордеке, наблюдая за тем, как «Киттиуэйк» всплывает в туман, и на палубу наползает серая тень. Влажное крыло тумана коснулось лица. Еще некоторое время Ларкин могла различить дневной свет за кормой. Но по мере того, как они удалялись от кромки тумана, свет все тускнел, пока все цвета не слились в один, и совсем стало невозможно понять, куда движется шхуна.

Ларкин спустилась в кубрик к остальным. Говорить не хотелось: все звуки странно приглушались во влажном воздухе. Поначалу можно было различить выражение беспокойства на лицах, но вскоре и оно размылось. Все плотней и плотней окутывала людей серая фланель тумана, как если бы «Киттиуэйк» укладывали на хранение, заботливо обворачивая ватой.

Местоположение «Боббер» можно было угадать лишь по слабому мерцанию ее кормовых фонарей справа по носу. Ларкин послала Гимбл вперед, переключаться с рулевым «Боббер», опасаясь, что они могут потерять своих товарищей или, того хуже, врезаться в них. Ларкин ожидала, что здесь ветер уляжется, но «Киттиуэйк» продолжала ровно идти вперед, по крайней мере, так казалось по вибрации корпуса и напряжению руля в ее руках. Но, если верить глазам, шхуна могла и стоять на месте.

— Как долго, думаешь, это продлится? — пробормотал Горан.

— Ходим тут кругами, — ответил Брилл. — Взяли бы компас, уж знали бы, куда плыть.

Ларкин не стала отвечать, чувствовалось, что, действительно, прошло много времени, но в этом мире без солнца и неба определить было невозможно. Она было попробовала считать биения своего пульса, но он, похоже, очень замедлился. Ларкин так долго следила за светящимся пятнышком «Боббер», что ее напряженные глаза стали играть с ней шутки. Свет исчезал, снова появлялся немного

правее, потом огоньки начинали светиться повсюду. Она моргнула и потеряла глаза.

— Беги на нос и покричи им, — сказала она Кори. — Мы потеряемся, если не придумаем чего-нибудь.

Вскоре из тумана донесся крик Кори:

— Эй, на «Боббер»!

Потревоженная тишина немного подалась.

Ответ раздался очень издали по левому борту. После недолгого колебания Ларкин сменила курс; свет, за которым она следовала, исчез из вида.

— Крикни еще, — сказала Ларкин.

И вновь ответ донесся слева. Нахмурившись, Ларкин повернула руль еще дальше от прежнего курса. Откуда-то из тумана донеслись несколько приглушенных криков, а затем воцарилась тишина.

— Вот они! — вскрикнул кто-то.

Впереди в тумане охотники заметили серый изгиб паруса и очертания мачт. Через мгновение все исчезло.

— Мираж, — сказала Ларкин, — там ничего нет.

Но задумалась. Не ее ли собственная страсть порождает эти образы в серой дымке? Ведь она могла бы поклясться, что это был корабль, с большими прямыми парусами.

По левому борту «Киттиуэйк» кто-то сигнализировал — огонек взлетал вверх и опускался вниз по дуге. Ларкин хотела даже свернуть, чтобы плыть туда, и тут темный корпус «Боббер» вдруг вынырнул из тумана, она налегла на румпель, чтобы избежать столкновения.

— Эй, на «Киттиуэйк»!

Это был Рунар, размахивающий фонарем. Он поднял его повыше, увидев Ларкин.

— Куда вы подевались? Мы вроде видели вас сзади.

— Туман тут шутки шутит, — ответила Ларкин. — Мы уже было погнались за кем-то.

— Надо бы связать шхуны между собой.

Рунар отвязал ялик от «Боббер» и перекинул лямку Кори, который, на четвереньках перебравшись на корму, закрепил его там. Между тем Рунар бросил Ларкин тяжелую бухту каната, чтобы связать носы лодок. «Боббер» потащила за собой «Киттиуэйк» с убранными парусами и привязанным к ней яликом. Канат, натянувшийся до предела, негромко закрипел.

Послунявив палец и подняв его вверх, Ларкин не смогла определить ветер. Но пучок сон-травы, который она бросила за борт, медленно полетел к корме. Значит «Боббер» хватало ветра, чтобы тащить за собой шхуну с яликом.

Снова все обратилось в тишину. Теперь сырость проникла повсюду, с такелажа «Киттиуэйк» капала вода. Казалось, этим перенасыщенным влагой воздухом уже нельзя дышать.

Через некоторое время «Боббер» начала забирать вправо. Ларкин последовала за ней. Но «Боббер» продолжала поворот, так что Ларкин пришлось налечь на руль до предела.

— Они ходят кругами, — сказала она, но ей как-то не хотелось снова посылать Кори на нос и тревожить тишину.

Спокойствие полностью обьяло их, когда вдруг воздух наполнился глухим стоном. Казалось, он донесся откуда-то снизу, из трюма «Киттиуэйк». Постепенно стон стих, только по спине у Ларкин пробежал холодок.

— Что это? — испуганно спросила Гимбл.

— Кит, — вырвалось у Ларкин. — Корпус судна иногда может так отвечать на их песни.

Это объяснение, казалось, удовлетворило всех. Довольно скоро еще один зов, более высокий, раздался прямо из-под ног. Он вознесся и стих, будто уходя в резонирующее безмолвие, и тут же третий перекрыл его, словно в каком-то жутком псалмопении.

Хлопья тумана вокруг ожили и начали отступать. Ларкин казалось, что это происходит не с нею. Рука ее безвольно застыла на руле.

И тут появились паруса. Сотни парусов. Большие и малые, кливера и спинакеры, прямые и косые, — все влекомые ветром. Они выплывали из тумана круговертью белых крыльев.

«Киттиуэйк» вся задрожала от бушприта до ахтерштевня, будто попав в объятья сильнейшего течения. Это вернуло Ларкин с небес на землю.

— За ними! — крикнула она. — Поднять паруса! Избавься от буксира, Кори!

Охотники, загипнотизированно глазевшие на открывшееся чудо, очнулись. Грот «Киттиуэйк» взвился вверх, а освобожденный кливер в мгновение ока набрал ветер. Лини, связывавшие шхуну с «Боббер» и яликом полетели за борт. Крылья «Киттиуэйк», наполнившись ветром, понесли ее по волнам.

Они быстро обогнали «Боббер». Вода бурно пенилась у бортов «Киттиуэйк». Из груди Ларкин вырвался охотничий клич. Впереди она разглядела темный силуэт корабля, нырявшего в тумане, словно дельфин.

— Сколько мачт? — проорала она на фордек.

Горан поднял два пальца.

— Слишком мало, — пробормотала тогда Ларкин себе под нос.

С новым порывом ветра они очутились в самой гуще стаи. Дымка рассеивалась, и со всех сторон проступали гладкие дубовые борта, несущие высокие, как грозовые тучи, паруса. Маленькие ялики тянулись в кильватере у своих матерей, сбиваясь в тесные стайки, но не соприкасаясь.

Ларкин узнала свою добычу в тот момент, когда увидела в редеем тумане длинный корпус с низкими бортами, блестящими красным деревом. У этой каравеллы было три мачты с тремя белыми пирамидами парусов. Ларкин внезапно решила, что назовет ее «Уэллауэй».

— Приготовьте абордажные кошки, — приказала Ларкин. — И спрячьтесь.

Охотники нырнули под парусиновые накидки, и палуба «Киттиуэйк» опустела. Ларкин последней натянула на себя кусок парусины, присев на корточки у руля и высунув наружу одну лишь руку. Она напряженно всматривалась через дырочку, не обращая внимания на запах дегтя, пропитавшего парусину.

«Киттиуэйк» медленно подбиралась к намеченной жертве. Вдруг по невидимому сигналу вся стая изменила курс, синхронно, словно птицы в полете. Ларкин среагировала слишком поздно, но это оказалось к лучшему, так как «Уэллауэй» легла на траверз «Киттиуэйк», и теперь подобраться стало легче. Ларкин затаилась без движения, когда тень каравеллы упала на палубу ее шхуны. «Уэллауэй», должно быть, заметила их, — нет, не их, а саму «Киттиуэйк», одинокую малышку без матери.

Негромко скрипнув оснасткой, «Уэллауэй» повернулась против ветра, приспустив паруса, будто пытаясь принюхаться к незнакомому запаху «Киттиуэйк». Ларкин подвела свою шхуну ближе. Вскоре очертания «Уэллауэй» вырисовались прямо над ними, всего в нескольких ярдах. «Киттиуэйк» поравнялась с тем местом, где ванты грот-мачты каравеллы крепились к палубе.

— Вперед! — закричала Ларкин, скидывая с себя парусину.

Остальные тоже выскочили из засады. Двое крюками зацепились за «Уэллауэй» и подтянули свою шхуну ближе. Кошки взмыли в воздух и захватили леера корабля-добычи. И тогда, вопя, словно древние пираты, охотники полезли на борт «Уэллауэй».

Дрожь пробежала по телу каравеллы. Ларкин почувствовала себя мухой на боку породистой лошади. Она видела, как напрягаются все снасти «Уэллауэй», словно мускулы огромного организма. Тут паруса каравеллы надулись, и она понеслась на север.

Вначале люди на борту могли только держаться за то, что попадалось под руку. Корабль брыкался и подскакивал на волнах в отчаянной попытке стряхнуть их. Тучи брызг взметались к небу, когда «Уэллауэй» бросалась из стороны в сторону. Весь такелаж «Киттиуэйк», сцепленной с ней кошками и крюками натужно трещал при ударах о громадный корпус.

Ларкин видела, что ее люди в панике рассыпались по палубе, цепляясь за всё подряд.

— Рубите брасы! — закричала она. — Нужно обездвижить ее!

Ларкин выхватила из-за пояса свой палаш и взмахнула им в высоко над головой, чтобы все поняли, чего она от них хотела.

Подтягиваясь на руках, юная охотница добралась по планширу до полуюта, к брасу левого борта. Держась одной рукой за леер, Ларкин принялась рубить канат палашом.

Брас начал извиваться, пытаясь уйти из-под ударов. Его конец выскользнул из утки и он провис. Ларкин с ожесточением принялась рубить в другом месте. Палуба тотчас накренилась, отбросив ее на планшир с такой силой, что у нее перехватило дыхание.

Когда Ларкин смогла вздохнуть, то увидела, как Горан пытается справиться с главным брасом правого борта, как раз напротив нее. Он был вооружен небольшим абордажным топориком. Горан нанес удар по канату, наполовину перерубив его. В ту же секунду конец веревки хлестнул ему навстречу. Подняв левую руку, чтобы отклонить удар, Горан снова замахнулся топором. Но канат обвился вокруг тела охотника со злобной силой, опутав ноги и лишив равновесия. Горан рухнул на палубу, и канат полностью обмотал его.

Дико завопив, Ларкин побежала к Горану. Но каравелла в очередной раз встала на дыбы, палуба ушла из-под ног Ларкин, и она полетела назад. Охотница, подтягиваясь на руках, снова поползла вперед.

Там, у противоположного борта, Горана не было видно из-за полностью опутавших его канатов. И хотя Ларкин была почти рядом, поделаться ничего не могла.

Брилл первый добрался до Горана и отчаянно накинудся на канат. Ларкин рванулась вперед и с размаху ударила палашом по тому месту, где топор уже почти перерубил брас. Он разорвался и канат, обвившийся вокруг Горана мгновенно обмяк. Обрубленный же конец яростно извивался, не в силах ничего схватить. Парус, к которому он был прикреплен, обвис и затрепыхался беспомощно на ветру.

Ларкин махнула остальным рукой.

— Займитесь другими брасами, — крикнула она.

И принялась помогать распутывать Горана. Он был весь в синяках и почти без сознания, на шее багровел страшный рубец от каната, душившего его. Ларкин с отвращением дотронулась до обрубка браса, но он уже был мертв, как обычный кусок пеньки.

Крики с кватердека отвлекли ее внимание. Кори и Бэдва пытались справиться с рулем. Едва Ларкин открыла рот, чтобы предупредить их об опасности, как румпель дернулся в сторону, ударив Бэдва попереk туловища и отбросив ее на тафрель, где она застыла без движения, очевидно потеряв сознание. Ларкин схватила конец мертвого каната и стала карабкаться на корму. Какая-то веревка скользнула ей под ноги, но Ларкин ударила ее палашом и та отползла.

Когда Ларкин бросила канат Кори, охотник отпрянул, решив, что он живой.

— Сделай петлю в середине, — сказала Ларкин. — Надо захомутать этот руль.

Кори сразу понял ее и сделал на канате скользящий узел с большой петлей. Они взялись за разные концы; Ларкин отошла к правому борту и приготовилась тянуть. Кори с петлей в руке встал вне зоны досягаемости румпеля. Тот не двигался, словно наблюдая. Внезапно Кори набросил на него аркан и резко потянул. Потом он побежал к левому борту, чтобы захлестнуть канат за поручень.

— Давай! — крикнул Кори, и они с Ларкин одновременно потянули за канат, лишая румпель движения. Он неистово задержался, но узы каната крепко держали добычу.

— Выбирай свой конец, я приспущу, — крикнула Ларкин.

— Давай потихоньку, — откликнулся Кори.

— Привязывай канат к лееру.

Кори понял ее намерение и начал медленно отходить. Скоро руль уже был накрепко привязан к борту. Теперь судно лишилось маневра и могло только ходить кругами.

Но даже после этого «Уэллауэй» не сдалась, она боролась за свободу еще очень долго, даже когда стало окончательно ясно, что ее попытки безнадежны. Пришлось работать целый час, чтобы убрать все паруса и по-настоящему обездвигнуть ее. Когда же все кончилось и статные мачты каравеллы были обнажены, а покалеченные линии безвольно повисли, охотники в полном изнеможении свалились на кватердеке. У Бэдвы оказались сломанными несколько ребер, Горан все еще с трудом мог глотать, остальным досталось множество синяков и царапин. Но на душе у них царила радость, ведь им удалось поймать себе настоящий корабль.

— Она великолепна, правда? — сказала Ларкин, лежа на палубе без движения и глядя вверх на обнаженные, словно лес зимой, реи. Гладкая тиковая доска под ней вздрогнула от изнеможения.

— Как ты думаешь, сколько мы за нее получим? — спросил Брилл.

Все с укором посмотрели на него — никому не хотелось даже думать о том, что с этим кораблем придется расстаться.

— Нужно будет укротить ее, прежде чем вести домой, — сказала Ларкин.

— Да, на это понадобится кой-какое время, — удовлетворенно добавил Кори. — Она довольно буйная.

Ларкин старалась не думать о будущем. Оказавшись в мире людей, «Уэллауэй» перестанет быть тем вольным, живым существом, каким она родилась. Она потеряет свободу, и в конце концов от нее не останется ничего кроме дерева и пеньки, и не больше души, чем у «Киттиуэйк».

Тут раздался возглас:

— Эй, на «Киттиуэйк»!

Ларкин приподнялась.

— Это «Боббер». А я-то не могла понять, куда они подевались.

Вся команда собралась у борта, размахивая руками и приветствуя своих товарищей на «Боббер», подходившей справа. Очевидно шхуне не так повезло. Но когда охотники Ларкин принялись отпущать язвительные замечания, она строго оборвала их, заметив злость и осуждение на лицах людей Рунара.

— Мы тоже могли поймать одну, — оправдывался один из

охотников с «Боббер». — Мы уже почти нагнали её, — он хмуро посмотрел на Рунара, стоявшего у руля. Рунар ничего не сказал. Казалось, он даже не слышал. Все его внимание было приковано к «Уэллауэй».

Стоило морякам с «Боббер» взобраться на борт каравеллы, на них обрушилось с полдюжины различных вариантов истории о битве и пленении. Рунар поднялся на борт последним. Его глубоко посаженные глаза угрюмо осматривали палубу и оснастку «Уэллауэй».

— Поздравляю, — сухо сказал он Ларкин.

Конечно, он мог завидовать. Ведь Ларкин повезло, а ему — нет.

— Каждый сделал, что смог, — ответила она, пытаясь приуменьшить свою победу.

— Нет! — отрезал Рунар, в голосе его звучало отвращение. — Не хочу иметь к этому никакого отношения.

Он окинул взглядом обезволенный корабль, задерживаясь на каждой разрубленной веревке.

Ларкин поняла, что это не зависть. Понизив голос, она спросила:

— Что случилось?

— Ничего.

— Но вы же почти поймали одну.

— Да. Все шло нормально: мы подкрались к ней так ловко, что дядюшки остались бы довольны. И тут я взглянул на нее, и она показалась мне самым свободным, самым прекрасным созданием на Земле. Просто сердце разрывалось. Ну... и я отступил.

— Рунар! — воскликнула Ларкин с ужасом. Это было вовсе непохоже на него. — Нам ведь так нужно привести побольше каравелл в Фэрни.

— Зачем? — огрызнулся он. — Чтобы мы смогли купить больше барахла, чем наши соседи?

— Чтобы мы смогли выжить! Деревня умирает, корабли вернут её жизнь. Зачем же еще мы здесь?

— Не за этим, — ответил Рунар. — Не знаю — зачем, но не за этим.

Его взгляд вновь вернулся к грациозным обводам «Уэллауэй». Он опустил руку на деревянный резной поручень, и от легкости и нежности этого прикосновения по спине у Ларкин пробежали мурашки, словно кто-то так же любяще прикоснулся к ней самой.

— Ты сможешь опять поохотиться завтра.

— И поймать еще один корабль, для продажи в рабство? — с горечью в голосе сказал Рунар.

— Нельзя так думать! — резко сказала Ларкин. — Над этим ты не властен. Так устроен мир.

— Хорошенькое оправдание.

Его слова жестоким упреком ранили Ларкин в самое сердце. С холодным самообладанием она сказала:

— Очень жаль, что корабли должны терять свободу. Кто-то должен, чтобы спасти Фэрни.

— Фэрни того не стоит. — Рунар нервно обернулся. — Я больше не могу. Я возвращаюсь на «Боббер».

Перекинув ногу через поручень, он ухватился за один из обрубленных линий и застыл. Рунар с такой болью смотрел на этот линь, будто это его самого ранили.

— Боже мой, неужели вам нужно было ее калечить?

Ларкин ничего не ответила. Рунар прыгнул на палубу «Боббер», резко оттолкнулся длинным багром и поднял грот, чтобы поскорее оторваться от них.

— Куда он? — спросил кто-то.

— Не знаю, — бросила она.

— Ну, и скатертью дорога, — съязвил кто-то опять, но когда Ларкин резко обернулась, никто не подал виду.

Все вымотались, но она заставила их перенести припасы с «Киттиуэйк» и связать корабли буксиром. Тут в уплотняющемся тумане проступили очертания мачты. Охотники было приветственно замахали, решив, что это «Боббер», но потом поняли, что это просто ялик, который они раньше отпустили. Тогда его привязали к корме каравеллы.

Моряки приготовили себе обильный ужин и расположились на открытой палубе, передавая по кругу трубку с крепким самосадом. Ларкин пыталась присоединиться к разговору, но ее веселье было наигранным. Их голоса дребезжали в застывшей тишине. Той ночью все спали на открытом воздухе, не желая доверять каютам, где можно было легко угодить в ловушку. Лежа на кво-тердеке, Ларкин не могла уснуть, и по ее щеке одна за одной на гладкие доски палубы катились слезы.

На рассвете, сером и сырём, она проснулась; ей показалось, что откуда-то донесся звон колокольчика на буйке. Туман снова

сгустился, а такелаж «Уэллауэй» покрылся белым инеем, отчего она стала похожа на огромную резную игрушку из слоновой кости. Внезапно Ларкин опять услышала звук: глубокий, мелодичный зов, донесшийся из глубины вод. Сквозь доски палубы вибрация передалась телу Ларкин, и все ее существо пронизала необъяснимая острая тоска.

Этот звук походил на ноту, сыгранную гигантским музыкальным инструментом, звучащую из иного, более плотного времени. Будто «Уэллауэй» стала огромной резонирующей декой. Вслушиваясь, Ларкин представила, что погрузившись глубоко-глубоко в этот звук, она сможет достичь такого спокойствия, что будет безбрежнее света, — там, где в сумерках висят в воде крошечные песчинки. Быть может, эта песнь была единым словом, тем звуком, в котором вечно живет мгновение, недвижимое, но свободное.

Кто-то тряс ее за плечо и звал по имени. Но Ларкин погружалась все глубже, сдавливаемая весом воды. Она рвалась к поверхности вслед за пузырьками воздуха, вытесненными из ее легких. Когда же она наконец прорвалась туда, то очнулась, и сознание мгновенной болью пронзило ее погруженные в сон нервы.

Кори склонился над ней, стараясь перекричать песнь кораблей. Ларкин с трудом поднялась на ноги. Остальные лежали, словно за гипнотизированные, на палубе. Воздух звенел.

— Где твоя скрипка, Кори! — лоя ртом воздух, выдавила Ларкин. — Быстрее достань ее.

Первый удар смычка по струнам резанул по песне кораблей, как пила по шёлку. Не попадая в такт, Кори стал наяривать старый добрый хорнпайп¹.

— Прекратите! Что за кошмар?!

Все охотники просыпались недовольные, зажимая руками уши и болезненно морщась. Звуки скрипки становились громче, и, расстроенная их резкостью, медленная, подобная звону колокола, песня кораблей затихла.

Ларкин собрала всех вместе.

— Нам надо приниматься за работу. Пока мы не вернемся, нас все время будет подстерегать опасность. В первую очередь надо по-

¹Хорнпайп — шотландский народный хороводный танец.

чинить все канаты, чтобы мы могли управлять каравеллой. Работайте быстро, но будьте осторожны.

В двадцать рук они скоро сплеснули все веревки. Восстановленные канаты сложили безопасными бухтами и повесили на рангоут до той поры, пока они не понадобятся. Когда все было готово, Ларкин дала команду поставить нижний грот.

— Будем ставить паруса по одному, — решила Ларкин. — Как только она попытается вырваться, уберем тот, что поставили последним.

Потихоньку «Уэллауэй» училась подчиняться людям.

Когда грот-марсель набрал ветер, все ждали от каравеллы попытки освободиться, но ни одна часть оснастки так и не проявила активности.

День не подсказал дорогу домой: солнце все так же скрывалось в тумане. Ларкин переложила руль на правый галс, надеясь, что ветер не переменится со вчерашнего дня. Тогда он дул с юга, и если стать к нему кормой, повернув влево, они будут продвигаться к земле.

На одном парусе шли слишком медленно, поэтому в конце концов Ларкин приказала поднять грот-топсель. Но «Уэллауэй» по-прежнему не сопротивлялась, как будто вчерашняя битва сломила ее дух. Даже, когда отвязали румпель, она оказала лишь видимое сопротивление.

Вперед двигались еле-еле. Ларкин стояла у борта на кватердеке, потирая плечи и вглядываясь в туман. Время от времени ей казалось, что за движущейся дымкой мелькает парус, но он всегда растворялся в тумане, уносясь прочь влажным клубом. И каждый раз Ларкин испытывала странную боль разочарования.

Какое-то иррациональное чувство. Она получила, что хотела, даже больше того. И желать вновь увидеть те корабли было вовсе ни к чему.

А туман молча наблюдал за Ларкин, тая свои секреты. Перед глазами стояло лицо Рунара. Ларкин начинала беспокоиться, куда он пропал и сможет ли найти их в таком тумане. Эта мысль, пронзившая ее сердце невыразимой болью, заставила Ларкин признать, что боялась она именно того, что брат ее не захочет возвращаться ни сейчас, ни позже. Он растворился прямо в руках, ускользнул. Обрел другой дом.

Ларкин изо всех сил сжала поручень, обуреваемая желанием вернуть, заманить брата назад. Но какая сеть сможет удержать ускользающую дымку?

Саван тумана все плотнее окутывал ее, лишая воли. Как будто груз привычек, набранных за всю жизнь, гнал ее к будущему, которое она не выбирала, а лишь должна была принимать. Ларкин до боли жаждала увидеть паруса.

— Вижу корабль! — крикнул кто-то.

Ларкин мгновенно среагировала.

— Где?

— Справа по курсу.

Ларкин вперилась в туман. Да, там что-то было, но не корабль. Знакомые очертания «Боббер». Ларкин почувствовала облегчение.

— Рунар! — позвала она.

Тот не ответил. Теперь Ларкин хорошо его видела, но Рунар стоял не у руля, а прямо перед заиндевелой мачтой, и ветер развеивал его волосы. Ларкин наблюдала за приближающейся «Боббер». Ее паруса сами легли на изменившийся ветер — Рунар даже не дотронулся до них.

Осознание случившегося пронеслось в мозгу Ларкин. «Боббер» жила. Она больше не была несчастным деревянным созданием, сработанным руками человека, послушным и домашним. Каким-то образом туман наполнил ее неукротимой самостоятельной жизнью.

— Кори! Брилл! Готовьте ялик! — приказала Ларкин.

Курс «Боббер» лежал прямо между «Уэллауэй» и «Киттиуэйк».

— Рунар, сворачивай! — крикнула с кормы Ларкин, — Ты прорвешь буксировочный трос!

Брат взглянул вверх на сестру, и на губах его промелькнула зловещая улыбка, словно оскал дикого зверя или гримаса грозного бога. Тогда Ларкин поняла, что он не на ее стороне, он помогал «Боббер». Они были всего в нескольких ярдах от троса, когда шхуна встала на параллельный курс, хлопнув сменившими ветер парусами. Рунар ухватился за буксировочный канат, и в воздухе сверкнул его палаш.

— Остановись, Рунар! — закричала Ларкин. Он отпускал на волю «Киттиуэйк».

Рунар словно не слышал ее. Ларкин рванулась к Кори и Брилли, спустившим на воду ялик.

— Быстрее, за мной, — сказала она. — Надо поймать «Киттиуэйк» прежде чем... — Ларкин не договорила.

Кори сел на руль, пока Ларкин поднимала маленький парус. Когда ялик обогнул борт «Уэллауэй», «Боббер» уже шла вровень с «Киттиуэйк». Рунар перебрался на шхуну Ларкин и поднимал паруса.

— Будь ты проклят, предатель! — с отчаянием в голосе крикнула Ларкин.

Рунар перепрыгнул назад на «Боббер». В ту же секунду ее линии напряглись и она плавно отошла от «Киттиуэйк». В воздухе звенел смех Рунара.

«Киттиуэйк» застыла на волнах, ее паруса хлопали на ветру. Но был ли то просто ветер, или это вдруг обретенная свобода смутила ее, привела в нерешительность? Ларкин подалась вперед, словно пытаясь подогнать ялик. Она видела, как осторожно напрягся грот и пошевелился румпель ее шхуны.

— «Киттиуэйк»! — что есть силы закричала Ларкин.

В мире для Ларкин не было ничего ближе этой шхуны. Каждую досщечку, каждую скобу «Киттиуэйк» Ларкин знала наизусть. Потерять шхуну значило для нее потерять ту часть своей души, где жило стремление к свободе.

«Киттиуэйк» была всё ещё в нерешительности и словно приняхивалась. Порыв ветра внезапно разорвал окружавшее их полотнище тумана, будто марлю.

— Быстрее! Быстрее! — молила ялик Ларкин.

Солнечные лучи прорезались сквозь стены мглы и развеяли их, открыв взору охотников огромные паруса, окружавшие их со всех сторон и летевшие вперед одной стаей. Воздух пронзил трубный зов.

«Киттиуэйк» развернулась, в бурном порыве радости вскинула бушприт, навстречу свободе.

В мозгу Ларкин острой болью одиночества пронеслась мысль, что она вот-вот потеряет свою шхуну.

— «Киттиуэйк», не покидай меня! — крикнула она.

Шхуна вздрагивала, но не уплывала, захваченная силой призыва в голосе Ларкин. Этой паузы хватило ялику, чтобы поравняться. Но едва Ларкин приготовилась запрыгнуть на нее, «Киттиуэйк» отпрянула.

— Позволь мне подняться на борт, — взмолилась Ларкин, на-

гибаясь вперед. — Пожалуйста, я люблю тебя, «Киттиуэйк». Вспомни все то хорошее, что у нас было. Мы никогда не предавали друг друга, ни на каких поворотах.

С величайшей осторожностью подвел Кори ялик к борту шхуны. В этот раз она не отодвинулась. Ларкин забралась на палубу. Обхватила руками грот-мачту в порыве огромной признательности, прижавшись щекой к теплому дереву.

— Никогда не оставляй меня, — прошептала Ларкин. — Ты нужна мне.

Шхуна вздрогнула, когда на борт запрыгнул Брилл. Он потянулся к рулю, но Ларкин резко оборвала его:

— Не трогай! Ничего не трогай!

— Но...

— Она не предаст нас.

Над водой пронеслись тревожные крики. Кори тоже закричал:

— Глядите!

И они обернулись.

Прямо по курсу из тумана появились два огромных корабля и стали по бортам «Уэллауэй». Едва не касаясь, идя тем же ходом, не быстрее и не медленней. Измени хоть один из них свой курс даже на самую малость, столкновение было бы неизбежно, и вдруг каравеллы поменяли курс — все три одновременно, синхронно, как косяк рыб. Подул свежий ветер, легко и быстро пронесясь по волнам. Паруса «Уэллауэй» раздулись, отпущенные ослабшими узлами. Ларкин могла разглядеть, как по палубе в панике забегали маленькие фигурки людей. Каравелла вновь ожила.

— За ними! — крикнула Ларкин Кори.

Палуба под их ногами заходила, прямой парус заполоскал на ветру, но вскоре надулся: «Киттиуэйк» подчинилась команде.

— Хорошая моя, — прошептала Ларкин, одной рукой поглаживая мачту.

Все три каравеллы направились к северо-западу, в открытое море. Люди на борту «Уэллауэй» не могли изменить ее курс, не протаранив одного из сопровождающих. Ларкин не сумела сдержаться, чтобы не улыбнуться простоте и эффективности такой тактики. Это была превосходно отлаженная работа. Корабли кое-чему научились.

Маленькие паруса «Киттиуэйк» напрягались изо всех сил, но она

отставала. Впереди гладкие борта «Уэллауэй» мягко разрезали воду, ее кильватерная струя кипела белой пеной, паруса устремились в небо. Смотреть на все это было невыносимо и вместе с тем непонятно радостно.

В эти мгновения Ларкин поняла: ей нужен был не корабль. Не мертвое дерево и обвисшая парусина. Ей нужно было свободное существо, танцующее с ветром. То существо, что умрет в твоих руках, если попытаться удержать его.

— Ступай, «Уэллауэй» — прошептала Ларкин, и ветер сдул слезы с глаз.

Маленькие черные фигурки попрыгали с кормы, как блохи с собаки. Ларкин сделала знак Кори, чтобы он не упускал из виду пляшущие на волнах головы моряков. Он согласно кивнул.

— Труссы! — выругался Брилл. — Бросают корабль.

— Пусть, — откликнулась Ларкин со странным спокойствием в голосе.

«Уэллауэй» уходила, словно наполовину осуществленная мечта. Теперь ей никогда не придется перевозить грузы или стоять на приколе, или работать под ярмом человека. Ларкин снова взглянула на «Киттиуэйк», почувствовав укор совести.

— Я должна была освободить тебя тоже, — нежно сказала она.

Корпус шхуны дрогнул, а мачта как будто прижалась к уху Ларкин.

— Она сделала свой выбор, — сказал Брилл.

— Я знаю, просто чувствую себя эгоисткой. Она ведь тоже могла бы стать свободной.

— К счастью для нас, она любит тебя, — сказал Брилл.

«Она любит меня» — подумала Ларкин: «А я люблю ее. Узы ли это?»

К тому времени, когда подобрали всех из воды, море опустело.

Пришвартовались к полуразвалившейся пристани Фэрни в полной тишине. Никто не вышел их встречать: полный провал был очевиден. Выйдя в море на двух шхунах, они вернулись на одной. Впереди еще ждали долгие пересуды и догадки.

Ларкин отпустила остальных на берег, а сама осталась приводить в порядок судно, только чтобы не идти в деревню.

На пристани, она заметила Джамбера.

— Что случилось?

— Мы потеряли «Боббер». Рунар забрал ее.

— Как «забрал»? — остоленело переспросил Джамбер.

— Она взяла его. Я не смогу объяснить, Джамбер; ты не поверишь. Но она счастлива. Она свободна. Они оба свободны.

Джамбер стоял, как в воду опущенный. Потом отвернулся и побрел по пристани. Выпустив из рук ставший ненужным линь, Ларкин побежала за ним. Джамбер стоял и смотрел на умирающую деревню.

— Я разорён, — обреченно вымолвил он.

Его вид, конечно, растрогал ее. У нее и в мыслях никогда не было, что Джамбер разгневается или станет винить ее. Не в его это было характере. Ларкин положила руку на безвольно поникшее плечо и вдруг поняла, как сильно любит этого торна.

— Вовсе нет, — сказала Ларкин. — Я отдам тебе «Киттиуэйк».

Джамбер грустно усмехнулся.

— Она — не торговое судно.

— Все же лучше, чем ничего.

— Я не смогу забрать ее у тебя.

— И не надо. Бери и меня вместе с ней.

Джамберу потребовалась пара секунд, чтоб прийти в себя. Он обернулся и посмотрел на Ларкин, словно желая убедиться, что не ослышался. Ларкин крепко обняла его, положив голову ему на плечо. От него исходил уютный и успокаивающий запах овечьей шерсти.

— Ты решила? Серьезно?

— Серьезно, — повторила Ларкин.

Джамбер не пытался поцеловать ее. Он просто держал ее в своих объятьях, будто боялся упустить.

На мгновение Ларкин задумалась, где же на диких просторах моря была в те мгновения «Боббер».

— Ты уверена? — спросил Джамбер снова.

— Я уверена, — ответила Ларкин.

Если это и были узы, она готова была их нести.

Рэй Брэдбери

«ЛАФАЙЕТ», ПРОЩАЙ!

В дверь постучали, а не позвонили, поэтому не пришлось гадать, кто это. Прежде стук в дверь раздавался раз в неделю, но последние несколько недель я слышал его каждый день. Я закрыл глаза, молитвенно произнес несколько слов и открыл дверь.

Там стоял Билл Уэстерлей, смотрел на меня, и по щекам у него струились слезы.

— Это мой или твой дом? — промолвил он.

Теперь этот вопрос стал у них уже старой шуткой. Несколько раз в год он, этот восьмидесятилетний старик, начинал блуждать в нескольких кварталах от своего дома. Уже многие годы он не садился за руль автомобиля, потому что однажды заехал за тридцать миль от Лос-Анджелеса, вместо того, чтобы ехать в центр, где мы живем. Самое дальнее путешествие, которое он теперь себе позволял, начиналось у соседнего дома, где он жил со своей дивной, ласковой и все понимающей женой, и заканчивалось здесь, где он стучался в дверь, входил и плакал.

— Это твой дом или мой? — спросил он, изменив порядок слов.

— *Mi casa es su casa*¹, — ответил я старой испанской притчей.

— Благодарю тебя, Господи, за это.

Я проводил его в гостиную, где стояла бутылка шерри и налил два стакана, а Билл устроился в мягком кресле напротив меня. Он вытер глаза, высморкался в носовой платок, потом аккуратно сложил его и спрятал обратно в нагрудный карман.

© Ray Bradbury Lafayette Farewell F&SF, October 1988

¹Мой дом — твой дом (исп.).

— Твое здоровье, Бастер, — он широко повел рукой со стаканом. — Небо кишит ими. Надеюсь, ты вернешься. Если нет, мы сбросим черный венок там, где, скорее всего, шлепнулся твой драндулет.

Я выпил, тепло разлилось по всему телу, и долгим взглядом посмотрел на Билли.

— Опять не давала покоя эскадрилья? — спросил я.

— Каждую ночь, сразу после полуночи. Теперь каждое утро. А на прошлой неделе днём. Я стараюсь не надоедать тебе. Три дня держался.

— Знаю. Я скучал по тебе.

— Спасибо тебе, сынок. У тебя доброе сердце. Но я же знаю, что делаюсь надоедливym, когда в голове ясно. Вот и сейчас у меня в голове ясно, и я пью за твое гостеприимное здоровье.

Он допил стакан, я снова подлил ему.

— Хочешь выговориться?

— Ты, прямо, как мой друг-психиатр. Ну, это не значит, что я когда-нибудь лечился у психиатра, просто у меня был друг психиатр. Почему я люблю приходить сюда, так это потому, что за вход не берут и не надо платить за шерри. — Он задумчиво разглядывал содержимое своего стакана. — Ужасно, когда от тебя не отстают призраки.

— У всех нас есть призраки. В том-то и гениален Шекспир. Он сам этого не забывал, научил нас и подсказал психиатрам. Не делай зла, говорил он, не то за тебя возьмутся призраки. Всякие воспоминания о прошлом, совесть, которая заставляет трястись от страха и просыпаться в холодном поту среди ночи, — все они поднимутся на дыбы и во весь голос закричат: «Гамлет, помни обо мне! Макбет, ты обречен, и ты, леди Макбет, тоже! Ричард Третий, мы следуем за тобой неотступно по рассветному лагерю, и наши саваны задубели от пролитой крови».

— Боже, как красиво ты говоришь, — Билл покачал головой. — Хорошо жить по соседству с писателем. Захочешь получить порцию поэзии, далеко ходить не нужно.

— Это у меня дурная привычка читать лекции. Мои друзья выходят из себя.

— Только не я, дорогой Бастер, только не я. Но ты прав. Я имею в виду то, о чем мы говорили. Насчет призраков.

Он поставил стакан и ухватился за подлокотники кресла, как за края своей пилотской кабины.

— Я теперь все время в полете. Для меня сейчас больше 1918-й чем 1987-й. И чаще Франция, чем Соединенные Штаты Америки. Я там в воздухе со старым «Лафайетом». А на земле я там, под Парижем, с Рикенбакером. И, когда заходит солнце, там с нами Красный Барон. Богатая у меня была жизнь, правда, Сэм?

От полноты чувств он называл меня набором из шести или семи имен. Все они были мне по душе. Я кивнул:

— Когда-нибудь я напишу про тебя рассказ, — сказал я. — Не у всякого писателя сосед служил в легендарной эскадрилье, летал и дрался с самим фон Рихтхофеном.

— Ты бы не смог написать, дорогой Ральф, ты бы не знал, что сказать.

— А, может, я бы удивил тебя.

— Может, и удивил бы, Господи ты Боже мой, может, и удивил бы. Показывал я тебе когда-нибудь карточку, где я и вся эскадрилья Лафайет выстроилась у нашего старичка - биплана летом 1918?

— Нет, — солгал я, — дай посмотреть.

Он вытащил из бумажника маленькое фото и подтолкнул через стол ко мне. Я раз сто видел его, но все равно каждый раз получал удовольствие.

— Это я, в центре слева, коротышка с застывшей улыбкой, рядом с Рикенбакером, — Билл потянулся показать пальцем.

Я смотрел на всех этих людей, которых уже нет в живых — большинство из них к этому времени давно уже отдали Богу душу, — на Билла, двадцатилетнего и счастливого, как жаворонок, на всех других, молодых-молодых людей, Боже мой, таких молодых, позирующих в обнимку, некоторые со шлемами и летными очками в опущенной руке, за ними французский биплан 7-1, а еще дальше ровное поле аэродрома где-то недалеко от Западного фронта. С этого чертова фото доносился шум летящего самолета. Так было всякий раз, когда я брал в руки снимок. И еще шум ветра и щебетанье птиц. Фото становилось маленьким телевизионным экраном. Мне казалось, что вот-вот эскадрилья «Лафайет» рванется в бой, заревут моторы, машины разбегутся по взлетной полосе и взмоют в небо, в это абсолютно чистое, бескрайнее небо. В тот самый момент, когда снимали фото, Красный Барон еще был жив там, в облаках,

теперь он остался в тебе навеки и никогда не приземлится, и это правильно и замечательно, — пусть навечно останется в небесах — так думают все — и мальчишки, и взрослые мужчины.

— Господи, до чего же я люблю все тебе показывать, — вернул меня на землю Билл. — У тебя столько доброжелательности. Жаль, тебя не было у меня под боком, когда я снимал картины для МГМ.¹

Это была другая ипостась Уильяма (Билла) Уэстерлея. После боев и фотосъемок Западного фронта с высоты полумили, по возвращении в Штаты он поднялся на новые высоты. Из фотостудии «Истмен-лаб» в Нью-Йорке перебрался в какую-то маломощную киностудию, в фильмах которой один раз снималась кинозвезда Глория Суонсон, оттуда в Голливуд и МГМ. От МГМ он ездил в Африку снимать львов и ватузи² для картины «Копи царя Соломона». Не было в мире киностудии, где бы он не знал всех или где бы все не знали его. Он был главным оператором двухсот фильмов, и на каминной полке у двери в его доме стояли два сияющих золотых Оскара.

— Извини, что я опоздал родиться, — сказал я. — Где это фото, где вы с Рикенбакером вдвоем? И то, что подписал фон Рихтхофен?

— Ведь ты же не хочешь посмотреть их, Бастер?

— Черт побери, почему это не хочу?

Он раскрыл бумажник и осторожно вытянул снимок, где они снялись вдвоем, он и капитан Эдди, и одиночный, фон Рихтхофена в полной форме и с его чернильным росчерком внизу.

— Никого не осталось, — проговорил Билл. — Почти. Так, один-два, да еще я, живы. А скоро... — он помолчал, — и меня не станет.

И внезапно из глаз у него снова потекли и закапали с кончика носа слезы.

Я подлил ему шерри.

Он выпил и проговорил:

— Дело в том, что я не боюсь умереть. Просто, померев, я боюсь попасть в ад!

— Тебе там не место, Билл, — возразил я.

— Нет, именно туда я и уйду! — почти возмущенно восклик-

¹МГМ — киностудия «Метро-Голдвин-Майер» (США).

²Ватузи — африканское племя.

нул он, сверкая глазами, а слезы так и текли, обводя по морщинкам судорожно дышащий рот. — За то, что я сделал, за то, что мне *никогда* не простится.

Я помолчал.

— Так что же это такое было, Билл? — негромко спросил я.

— Все те молодые ребята, которых я убил, все те молодые ребята, которых я уничтожил, все те прекрасные люди, которых я хладнокровно лишил жизни.

— Ты этого не делал, Билл, — возразил я.

— Нет! Делал! В небе, черт побери, в воздухе над Францией, над Германией, это было так давно, но, Господи Иисусе, там они теперь каждую ночь, снова живые, летают, машут руками, орут, смеются, как мальчишки, пока я не нажму на гашетки пулеметов, затаившихся внутри пропеллера, — огонь охватывает крылья их аэропланов и они штопором падают вниз. Иногда, падая, они машут мне рукой: «О'кей!» Иногда матерятся. Но, Иисусе, за последний месяц каждую ночь, каждое утро теперь я вижу их. О, эти прекрасные мальчишки, эти красивые юноши, эти славные лица, огромные, сверкающие и любящие глаза, все они падают вниз. И это сделал я. И буду за это гореть в геенне огненной!

— Да не будешь ты, говорю тебе, гореть в геенне огненной, — пытался я успокоить его.

— Налей еще и заткнись, — сказал Билл. — Что *ты* знаешь о том, кто горит и кто нет? Ты католик? Нет. Баптист? Баптисты горят медленнее. Вот. Благодарю.

Я налил ему. Он отхлебнул, и вино во рту смешалось с влагой из глаз.

— Уильям, — я сел на место и налил себе. — За войну в аду не горят. Это же война, и ничего тут не поделаешь.

— Все мы будем гореть, — упорно твердил Билл.

— Билл, в этот вот самый момент в Германии сходит с ума от тех же слов человек твоего возраста и плачет над своим пивом от того, что ему слишком многое вспоминается.

— И они тоже! Они будут гореть, он тоже будет гореть, вспоминая моих друзей, такие были славные ребята, они тоже ввинтились в землю, когда их пропеллеры просверлили в ней для них место. Разве ты не видишь? Они не знали. Я не знал. Никто не сказал *им*, никто не сказал *нам*.

— Чего?

— Что такое война. Боже, нам в голову не приходило, что она придет за нами, найдет, когда прошло столько времени. Мы думали, что все давно уже кончилось, что обо всем можно забыть, все отбросить, сжечь. Офицеры же нам ничего не говорили. Может быть, они просто не знали. Ни один из нас не знал. Никто не догадывался, что на склоне лет придет день, и могилы разверзнутся, из них появятся все эти славные лица, а с ними и война! Могли ли мы догадываться об этом? Откуда нам было знать? Но вот пришло время, и в небе полно их, и самолеты не спускаются, пока их не подожгут. И в три часа ночи молодые ребята все машут мне рукой, пока я снова и снова не убиваю их, Иисусе. Это страшно. Это горько. Как мне спасти их? Что мне сделать, чтобы вернуться и сказать: «Иисусе, прости меня, этого не должно было произойти, кто-то должен был предупредить нас, тогдашних, счастливых. Война — это не только смерть, это память, память долгая и короткая. Я желаю им добра. Как мне сказать об этом? Как поступить?»

— Никак, — тихо сказал я. — Просто посиди здесь с другом, выпей еще стаканчик. Мне в голову не приходит, что можно сделать. Хотел бы я...

Билл крутил и крутил свой стакан в ладонях.

— Тогда, давай, я тебе скажу, — прошептал он.

— Ну?

— Сегодня, а, может быть, завтра ночью ты увидишь меня в последний раз.

— Билл... Билл...

— Нет. Выслушай меня.

Он наклонился вперед, всматриваясь в потолок над головой, потом перевел пристальный взгляд на окно, за которым ветер нагонял грозные тучи.

— Последние несколько ночей они приземлялись у нас на заднем дворе. Почти неслышно. Парашюты хлопают, как воздушные змеи, потом шелест шёлка, как будто кто-то тихо перешептывается. Парашюты падают на газоны за домом. В другие ночи тела, без парашютов. Хорошо, когда все тихо, и просто слышишь, как в облаках хлопает шёлк и стропы. Плохо, когда в траву грохаются тела в сто восемьдесят фунтов весом. Но самые лучшие ночи, это когда вообще ничего не слышишь. Тогда можно спать. Вчера ночью под окном моей спальни в кусты упало с дюжину тел. Сегодня вечером

я посмотрел на облака, в них полно аэропланов и дыма. Ты можешь заставить их остановиться?

Мы довольно долго помолчали.

— Значит, — проговорил он, — ты не можешь помочь мне? Ты мне не веришь?

— В том-то вся штука, что я тебе верю, *верю*.

Он вздохнул, вздохнул глубоко, освобождая душу от стеснявшей ее тяжести.

— Слава тебе, Господи! Но что же мне делать сейчас?

Я встал и подошел к окну.

— А ты не пробовал, — спросил я его, — поговорить с ними?

— Повтори-ка еще разок, — вдруг оживившись, он весь нетерпеливо подался вперед.

— Я хочу спросить, — пояснил я, — ты не просил у них прощения?

— А станут они слушать?

— Может, и станут.

— А простят?

— Во всяком случае, Билл, чего тебе стоит попробовать?

— Боже мой, — произнес он. — Ну, конечно. А почему бы и нет? Терять мне нечего, разве что разум. Пойдешь *со мной*? На твой задний дворик. Он побольше. И нет деревьев, они не запутаются. Господи, или к тебе на веранду...

— Думаю, на веранду.

Я подошел к высокой, до потолка, стеклянной двери из гостиной на веранду. Открыл ее и вышел на веранду. Вечер стоял тихий, ветер лениво перебирал листвой на деревьях и шевелил облаками.

Билл стоял у меня за спиной, он держался на ногах немного не твердо, по лицу блуждала улыбка, полная надежды и в то же время испуганная, в руке он держал стакан, который успел долить по дороге.

Я глянул на небо и проступающую на нем луну.

— Здесь нет ничего, — объявил я.

— Да нет же, Боже мой, есть, вон там. Посмотри, — сказал он. — Нет, погоди, послушай.

Я стоял, коченея, сам не зная, чего жду, и слушал.

— Почему ты меня терпишь? — вдруг спросил он.

— Потому что, — объяснил я, — знаю тебя и Герту двадцать два года и люблю вас. Наши действия дальше?

— Встань посредине своего садика, где они могут тебя видеть. Можешь этого не делать, если не хочется.

— Черт подери, — соврал я, — а чего мне бояться.

— Не боишься? — Он внимательно посмотрел мне в лицо. — Открой еще бутылку. Который час?

— Двадцать минут первого.

— Скорей!

Я забежал в комнату и тут же выскочил с бутылкой.

— За эскадрилью «Лафайет»? — предложил я.

— Нет, нет! — встревоженно запротестовал Билл. — Не сегодня. Им не нужно слышать *этого*. За *них*, Дуг. За *них*. — Он повел стаканом в сторону неба, в котором строем по звеньям летели облака и где надгробием белого вымершего мира висела луна.

Я мотнул головой в сторону облаков-призраков.

— Да, — сказал я, — за них.

— За Рихтхофена и прекрасных печальных юношей.

Я шепотом повторил его слова.

Потом мы выпили и, подняв пустые стаканы, показали их облакам, луне и молчаливому небу.

— Я готов, — сказал Билл, — если они хотят придти за мной сейчас. Лучше умереть здесь, на воздухе, чем забираться в дом и слушать, как они приземляются каждую ночь на своих парашютах, и не спать до рассвета, пока последний парашют, прощуршав шелком, не прильнет к земле и в бутылке не останется ни капли. Встань-ка вон там, сынок. Вот так. Наполовину в тени. Недалеко, чтобы придать мне уверенности. Но не близко, чтобы, если в кого-нибудь попадет, то пусть в меня, а не в тебя. Давай.

Я отступил назад, и мы стали ждать.

— Что я скажу им? — не выдержал он.

— Господи, Билл, — ответил я. — Почему я знаю. Это же не мои друзья.

— Они и моими не были. Хуже того, я думал, они мои враги. О, Господи, ну, что это за тупой, глупый, нелепый мир. Враги! Будто такое может быть. Ну, я понимаю, хулиган, гонявшийся за тобой по школьному двору и загнанный тебе салазки, так что искры из глаз посыпались, или парень, который увел у тебя девочку и еще поизмывался над тобой. Но они, они, эти красавцы, там, в облаках и летним днем, и осенним вечером. Нет, нет.

Он придвинулся к краю веранды.

— Ладно, — прошептал он. — Вот он я. Я заслужил все, что вы пожелаете сделать со мной.

И он высунулся наружу и широко раскинул руки, будто собираясь заключить в объятия ночной воздух.

— Ну, давайте же, чего вы ждете?

Он закрыл глаза. Я даже испугался, увидев, как далеко он высунулся. Я потянулся к нему, чтобы он не перевалился через перила и не упал, но Билл отстранился:

— Не нужно.

Я отодвинулся и стал ждать.

— Теперь ваша очередь, — крикнул он наконец. — Последний шанс. Бог мой, вы должны услышать, вы должны появиться. Я вам говорю, чудесные вы мои негодяи, вот я, здесь, перед вами!

Он запрокинул голову назад, словно подставляя лицо под темные струи дождя.

— Появились? — шепнул он в сторону, не открывая глаз.

— Нет, — пришлось мне сознаться.

Билл стоял, подняв к небу морщинистое лицо и уставившись вверх в страстном ожидании, что облака примут новые очертания и сделаются чем-то большим, чем просто облака. Он жаждал увидеть, как гигантским снегопадом падут на землю, драпируя крыши и завешивая живые изгороди, огромные тени-бутоны.

— Проклятье! — закричал он в конце концов. — Я здесь. Это я убил всех вас. Простите или придите и убейте меня.

И в последнем крике души:

— Простите меня, я так об этом жалею!

Заключавшейся в его голосе силы оказалось достаточным, чтобы я отпрянул и полностью скрылся в тени. Может быть, дело было в этом. Может быть, в том, что Билл стоял маленькой статуей посредине моего сада, но облака перестроились, и ветер подул на юг, а не на север. Оба мы услышали, как далеко-далеко прошелестел могучий шёпот.

— Да! — закричал Билл, потом — мне, в сторону, с закрытыми глазами, крепко сжав зубы:

— Ты, ты слышишь?

Облака снова пришли в движение, в них произошла еще одна

пертурбация, словно гигантский пропеллер-невидимка перевернул их лопастями.

Послышался другой звук, на этот раз ближе, как если бы на протянувшихся через все небо ветвях весенних деревьев стали открываться огромные бутоны.

— Там, — прошептал Билл.

Казалось, облака принимают очертания необъятного шелкового купола, который в мирном безмолвии начал опускаться на землю. Мне почудилось, хотя этого и не могло быть на самом деле, что это походило на самый большой парашют в истории человечества. Он опускался так тихо, что меня охватил ужас. От него падала тень, она наползла на город, накрыла дома и вот уже добралась до нашего садика: трава погрузилась во мрак, лунный свет померк, и под конец я перестал видеть Билла.

— Да! Вот они! — воскликнул Билл. — Чувствуешь их? Один, два, дюжина! О, Боже, да.

Мне подумалось, что я слышу, как во тьме со всех сторон падают с невидимых деревьев яблоки, сливы, персики, как о мой газон стучаются сапоги, как подушкой шлепаются на траву тела, как клубится белая шелковая ткань или дым, а, может быть, кто знает, вырванные из тел и вышвырнутые в возмущенную атмосферу человеческие души.

— Билл!

— Нет, — заговорил он. — Со мной все о'кей! Они повсюду вокруг меня. Не вмешивайся. Да!

В садике происходило какое-то движение. От живой изгороди подул, как от дюжины пропеллеров, — но ни одного я там не увидел. Трава припала к земле. Жестяную лейку прокатило через весь дворик. С деревьев сдуло птиц. Во всем квартале залаяли и заскулили собаки. В дюжине домов зажгли свет. За десять миль от дома завывала сирена, как из другой войны. Разразилась гроза — и что это? — раскаты грома или артиллерийская канонада?

И еще раз, в последний раз, я услышал, как Билл, теперь негромко, проговорил:

— Я просто не знал, Боже милостивый, я просто не знал, что делаю. — И едва слышно. — Пожалуйста, прошу вас...

И дождь пролился, брызнув только для того, чтобы смешаться со слезами у него на лице.

И прекратился, тучи унеслись прочь, потом утих и ветер.

Я ждал.

— Ну, ладно, — большим носовым платком он вытер глаза, высморкался и уставился на платок, будто это карта Франции, потом договорил. — Мне пора. Думаешь, я снова заблужусь?

— Если заблудишься, всегда можешь придти сюда.

— Мой дом совсем не там, где он есть, честное слово, — глядя на меня осмысленными глазами, он обошел мой дом сбоку. — Сколько с меня, Зигмунд!

— Ну, что же, за *тридцатиминутный* час.

— А со скидкой за полцены.

Я крепко обнял его. Он пошел вдоль по улице.

Когда он поровнялся с углом, то по-видимому, потерял дорогу.

Повернул направо, потом налево, но с места не двинулся. Я обождал секунду-другую и окликнул его, по возможности предупредительнее:

— Налево, Билл, налево!

— Благослови тебя Господь, Бастер! — откликнулся он и помахал рукой.

Повернув налево, он вошел в свой дом.

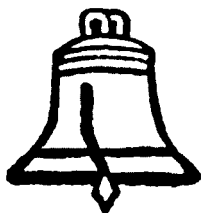
Через два месяца его обнаружили, когда он забрел за две мили от дома. А еще через месяц он очнулся в больнице: теперь он считал, что все время находится во Франции и Рикенбакер лежит на койке справа от него, а Рихтхофен — на койке слева.

На следующий день после похорон Билла его Оскар был у меня вместе с одной-единственной красной розой, — их принесла его жена, чтобы Оскар стоял у меня на камине рядом с карточкой фон Рихтхофена и другой, той, на которой вся компания выстроилась перед объективом летом 1918 года, и от фото веяло ветерком и доносилось гудение самолета. И еще смех молодых ребят, собравшихся жить вечно.

Порой в три часа ночи, когда меня мучает бессонница, я спускаюсь вниз, стою и смотрю на Билла и его друзей. Будучи по натуре сентиментальным телком, я наливаю стакан шерри и поднимаю за них тост.

— Прощай, «Лафайет»! — говорю я. — «Лафайет», прощай.

И они дружно хохочут, словно слышали самую великолепную шутку в жизни.

ИНВАРИАНТ

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находяще йся в центре дискуссий в современной Америке. Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл. I. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев, Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1 — 2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О политической юстиции в Соединенных Штатах. — № 3, 1995; Гл. VIII. О федеральной конституции. — № 4, 5-6 1995; Часть вторая. Гл. I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет народ. Гл. II. О партиях в Соединенных Штатах. Гл. III. О свободе печати в Соединенных Штатах. Гл. IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах. — N 1-2, 1996; Гл. V. О демократическом правительстве в Америке. — N 3-4, 1996; Гл. VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества. — N 5-6, 1996.

Алексис де Токвиль
(1805-1859)

Демократия в Америке

Глава VIII

О ВСЕВЛАСТИИ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И О ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Естественная сила большинства в демократических государствах. — Искусственное увеличение этой силы в большей части американских конституций. — Как это

делается. — Требования, предъявляемые избирателями своему депутату. — Моральная власть большинства. — Представление о его непогрешимости. — Уважение его прав. Их незыблемость в Соединенных Штатах.

Основой демократических форм правления является безраздельная власть большинства, так как, кроме него, в демократических государствах нет ничего постоянного.

В большей части американских конституций наблюдается стремление увеличить естественную силу большинства¹.

Из всех видов политической власти законодательная власть лучше всего поддается воле большинства. По воле американцев ее представители избираются непосредственно народом и на очень короткий срок. Это принуждает их выражать не только основополагающие взгляды своих избирателей, но также их преходящие страсти.

Членами обеих палат могут стать представители одних и тех же классов, процедура их избрания одинакова. В связи с этим весь законодательный корпус подвержен таким же быстрым и неотвратимым изменениям, как и одна отдельно взятая законодательная ассамблея.

Придав законодательной власти такую структуру, американцы отдали в ее руки почти все функции управления.

Закон укреплял те виды власти, которые были сильны сами по себе, и ослаблял те, которые были слабы. Представителям исполнительной власти он не обеспечивал ни стабильности, ни независимости, он полностью подчинял их капризам законодателей и таким образом лишал той незначительной силы, которой они могли бы располагать в демократическом государстве.

Во многих штатах формирование судебной власти также отдавалось на волю большинства, поскольку она избиралась, и во всех штатах судебная власть в каком-то смысле зависела от законодательной: народные представители имели право ежегодно назначать зарплату судьям,

¹ Анализируя федеральную конституцию, мы видели, что союзные законодатели постарались достичь противоположного эффекта. В результате в сфере своих полномочий федеральное правительство более независимо, чем правительства штатов. Но оно занимается только внешними делами, что же касается руководства внутренней жизнью общества, то его реально осуществляют правительства штатов.

Обычаи шли еще дальше, чем законы.

В Соединенных Штатах все больше и больше распространяется обыкновение, которое в конце концов может свести на нет возможности представительной формы правления. Очень часто избиратели, выбирая депутата, намечают ему план действий и дают некоторые конкретные поручения, которые он обязан выполнить. Это уже очень похоже на дебаты большинства на площади, только шуму меньше.

Есть также много других причин, в силу которых власть большинства в Америке не просто велика, но непреодолима.

Моральная власть большинства отчасти основана на представлении о том, что собрание, состоящее из множества людей, обладает большими знаниями и мудростью, чем один человек, на доверии количеству законодателей, а не их качеству. Это — теория равенства, распространенная на умственные способности человека, учение, которое наносит удар человеческой гордости в ее последнем убежище. Поэтому меньшинству нелегко принять его, и оно привыкает к нему лишь со временем. Как всякая власть: а может быть, больше, чем любая другая, власть большинства воспринимается как законная лишь после длительного существования. На первых порах она добивается подчинения принуждением. Люди начинают ее уважать только после того, как они долго жили по ее законам.

Мысль о том, что большинство имеет право управлять обществом в силу своей мудрости, была принесена в Соединенные Штаты первыми жителями этой страны. Одной этой идеи достаточно для того, чтобы народ стал свободным. В Соединенных Штатах она проникла в народные нравы и проявляется в мельчайших привычках.

Во времена старой монархии французы были убеждены в том, что король не может впасть в ошибку, и если ему случалось совершить какое-либо зло, то виноваты, по их мнению, были его советники. Это очень облегчало им повиновение. Появлялась возможность одновременно и роптать на закон, и любить и почитать законодателя. Именно так американцы относятся к большинству.

Моральная сила большинства основывается также на принципе, который гласит, что интересы большинства должны преобладать над интересами небольших групп людей. Однако совершенно ясно, что соблюдение этого права большинства естественным образом увеличивается или уменьшается в зависимости от единства или раз-

дробленности народа. Когда нацию раздирают непримиримые интересы, то об исключительном праве большинства часто забывают, поскольку подчиняться его воле слишком мучительно.

Если бы в Америке существовал класс, который законодатели стремились бы лишить каких-либо исключительных, существовавших веками преимуществ, с тем чтобы поставить его в такое же положение, какое занимает большинство граждан, то, возможно, было бы совсем не просто заставить это меньшинство подчиняться законам.

Но в Соединенных Штатах все равны между собой и у жителей еще нет естественного и постоянного различия в интересах.

Нередко по своему социальному положению меньшинство не может и надеяться оказаться когда-либо в большинстве. Для этого ему следовало бы просто-напросто прекратить борьбу, которую оно ведет против большинства. Аристократия, к примеру, не может стать большинством и сохранить при этом свои исключительные привилегии. Если же она от них откажется, она не будет больше аристократией.

Однако в Соединенных Штатах политическая борьба не может быть ни всеобщей, ни очень глубокой, и все группы населения готовы признавать права большинства, поскольку каждая из них надеется когда-либо воспользоваться ими в своих интересах.

Таким образом, большинство в Соединенных Штатах оказывает огромное влияние как на дела, так и на мысли. Когда оно выступает за что-либо, можно сказать, что никакая сила не в состоянии не только остановить его, но и замедлить его движение и дать ему возможность услышать тех, кого оно походя уничтожает.

Такое положение вещей может привести в будущем к пагубным и опасным последствиям.

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА В АМЕРИКЕ УСИЛИВАЕТ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ И УПРАВЛЕНИИ, СВОЙСТВЕННУЮ ВСЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ

Американцы, ежегодно избирая новых законодателей, обладающих почти неограниченной властью, обостряют законодательную нестабильность, свойственную демократии. — То же самое происходит в административной дея-

тельности, — В Америке усовершенствованию общественного устройства уделяется значительно больше внимания, чем в Европе, но делается это менее последовательно.

Я уже говорил о недостатках демократической формы правления. Следует отметить, что все они растут по мере усиления власти большинства.

Начнем с самого заметного из них.

Непоследовательность законодательной деятельности — это зло, присущее демократическому правлению, потому что для него естественна частая смена людей, облеченных властью. Этот недостаток может иметь большие или меньшие последствия в зависимости от того, насколько велика власть законодателей и каковы средства ее осуществления.

В Америке государственные органы, занимающиеся законодательством, обладают самой большой властью. Они формируются из представителей, избираемых на один год, которые могут быстро и не встречая никакого сопротивления проводить в жизнь все свои решения. Следовательно, структура законодательной власти такова, что она в наибольшей степени способствует развитию свойственной демократии нестабильности и может творить свою изменчивую демократическую волю в самых важных государственных делах.

Поэтому в современной Америке законы живут недолго. За тридцать лет своего существования американские конституции претерпели не одно изменение. Нет ни одного штата, который бы не внес изменений в свой основной закон в течение этого периода.

Что касается самих законов, то стоит лишь заглянуть в архивы различных штатов Союза, чтобы убедиться, что законодательная деятельность в Америке не прекращается ни на миг. Дело не в том, что американская демократия менее стабильна, чем какая-либо другая. Просто при разработке законов она имеет возможность следовать своему природному пристрастию к изменчивости².

² Законодательные акты одного только штата Массачусетс, принятые с 1780 года до наших дней, занимают три толстых тома. К тому же сборник, о котором я говорю, был пересмотрен в 1823 году и оттуда были выброшены многие устаревшие законы. А ведь штат Массачусетс, в котором проживает не больше народа, чем в каком-либо из наших департаментов, может считаться наиболее стабильным, последовательным и мудрым в ведении своих дел.

Всесилие большинства, а также немедленное и безоговорочное выполнение его решений в Соединенных Штатах ведет не только к частым изменениям законов, оно влияет также на применение законов и на деятельность государственной администрации.

Поскольку большинство — это единственная сила, которой нужно угождать, все горячо содействуют ее начинаниям. Но как только она переключает свое внимание на что-либо новое, старое лишается всякой поддержки. Что же касается свободных европейских государств, где исполнительная власть независима и прочна, решения законодательных органов власти исполняются и тогда, когда они заняты другими делами.

Американцы более усердны и активны, чем другие, народы, в усовершенствовании общественных институтов.

Европейское общество тратит на это значительно меньше сил, но действует более последовательно.

Несколько лет тому назад группа религиозных деятелей занялась улучшением состояния тюрем. Их речи взволновали людей, и перевоспитание преступников стало общенародным делом.

Появились новые тюрьмы. Впервые в отношении к людям, преступившим закон, наряду с идеей возмездия появилась идея исправления. Однако эта счастливая перемена, столь горячо поддержанная широкими массами и ставшая благодаря их усилиям необратимой, не могла свершиться в короткое время.

По воле большинства стало появляться все больше новых тюрем, но существовали еще и старые, в которых содержалось много преступников. В то время как в первых условия жизни заключенных постоянно улучшались, а возможности исправления увеличивались, вторые становились все более губительными для тела и духа. Объяснить это несложно: большинство, занятое мыслью о создании новых тюрем, забыло о тех, которые уже существовали. Поскольку ими перестало интересоваться большинство, они вообще лишились чьего-либо внимания. Это привело к ослаблению надзора. Благотворная для подобных учреждений дисциплина начала ослабла, а затем и вовсе разрушилась. В результате наряду с тюрьмами, на которых ярко отражались мягкость и просвещенность нашего времени, можно было встретить каменный мешок, напоминавший о средневековом варварстве.

ПРОИЗВОЛ БОЛЬШИНСТВА

В чем состоит смысл верховной власти народа. — Почему невозможно сформировать смешанное правительство. — В основе верховной власти должны лежать определенные принципы. — Необходимость мер, ограничивающих верховную власть. — В Соединенных Штатах такие меры не принимаются. — Последствия этого.

Мысль о том, что в области управления обществом большинство народа имеет неограниченные права, кажется мне кощунственной и отвратительной. В то же время я считаю, что источником любой власти должна быть воля большинства. Значит ли это, что я противоречу сам себе?

Существует общий закон, созданный или по крайней мере признанный не только большинством того или иного народа, но большинством всего человечества. Таким законом является справедливость.

Справедливость ограничивает права каждого народа.

Государство являет собой нечто вроде группы народных избранных, обязанных представлять интересы всего общества и осуществлять основной его закон — справедливость. Должны ли люди, представляющие общество, быть более могущественными, чем само общество, закон которого они проводят в жизнь?

Таким образом, отказываясь повиноваться несправедливому закону, я отнюдь не отрицаю право большинства управлять обществом, просто в этом случае я признаю верховенство общечеловеческих законов над законами какого-либо народа.

Некоторые люди не постеснялись заявить, что никакой народ не способен пойти против законов справедливости и разума в делах, касающихся только его самого. Поэтому, дескать, можно, ничего не опасаясь, отдать всю власть в руки представляющего его большинства. Но это — рабские рассуждения.

Что такое большинство, взятое в целом? Разве оно не похоже на индивидуума, имеющего убеждения и интересы, противоположные убеждениям и интересам другого индивидуума, именуемого меньшинством? Однако, если мы допускаем, что один человек, облеченный всей полнотой власти, может злоупотребить ею по отношению к своим противникам, почему мы не хотим согласиться, что то же

самое может сделать и большинство? Разве объединение людей меняет их характер? Разве люди, обретая больше власти, становятся более терпеливыми в преодолении препятствий? Что касается меня, то я не могу в это поверить и решительно протестую против вседозволенности как для одного человека, так и для многих.

Невозможно, по моему мнению построить правление на основе нескольких принципов, действительно противоречащих один другому.

Так называемое смешанное правление всегда казалось мне химерой. Действительно, смешанного правления (в том смысле, в котором обычно употребляют эти слова) не существует, поскольку в каждом обществе в конце концов какой-либо один принцип действия подчиняет себе все остальные.

В качестве примера такой формы правления особенно часто приводили Англию прошлого века, но она была по преимуществу аристократическим государством, хотя и обладала заметными демократическими чертами. Законы и нравы были там таковы, что в конце концов аристократия неизбежно торжествовала и единолично управляла государственными делами.

Причина этого заблуждения заключается в следующем, постоянная борьба интересов аристократии и народа настолько привлекала к себе внимание наблюдателей, что они не замечали ее результатов, а они-то и имели основное значение. Когда в обществе в самом деле устанавливается смешанное правление, то есть основанное на противоположных принципах, то оно либо распадается, либо в нем случаются революции.

Все это склоняет меня к мысли о том, что верховная власть в обществе всегда должна опираться на какие-либо определенные принципы, однако если при этом она не встречает на своем пути никаких препятствий, которые могли бы сдерживать ее действия и дать ей возможность самой умерить свои порывы, то свобода подвергается серьезной опасности.

Всевластие само по себе дурно и опасно. Оно не по силам ника-

Никто не станет утверждать, что какой-либо народ не может злоупотребить силой по отношению к другому народу. Но ведь отдельные части народа представляют собой не что иное, как небогатые нации, входящие в состав большой. Отношению между ними — это отношения разных народов.

Если мы признаем, что один народ может творить произвол по отношению к другому, то как можно отрицать, что одна часть народа может делать то же самое по отношению к другой его части?

кому человеку. Оно не опасно только Богу, поскольку его мудрость и справедливость не уступают его всемогуществу. На земле нет такой власти, как бы уважаема она ни была и каким бы священным правом ни обладала, которой можно было бы позволить действовать без всякого контроля или повелевать, не встречая никакого сопротивления. И когда я вижу, что кому-либо, будь то народ или монарх, демократия или аристократия, монархия или республика, предоставляется право и возможность делать все, что ему заблагорассудится, я говорю: так зарождается тирания — и стараюсь уехать жить туда, где царствуют иные законы.

Демократическая форма правления в том виде, в каком она существует в Соединенных Штатах, заслуживает самого серьезного упрека не за свою слабость, как считают многие в Европе, а, напротив, за свою непреодолимую силу. Что мне больше всего не нравится в Америке, так это отнюдь не крайняя степень царящей там свободы, а отсутствие гарантий против произвола.

К кому, в самом деле, может обратиться в Соединенных Штатах человек или группа людей, ставших жертвой несправедливости? К общественному мнению? Но оно отражает убеждения большинства. К законодательному корпусу? Но он представляет большинство и слепо ему повинует. К исполнительной власти? Но она назначается большинством и является пассивным инструментом в его руках. К силам порядка? Но силы порядка — это не что иное, как вооруженное большинство. К суду присяжных? Но суд присяжных — это большинство, обладающее правом выносить приговоры. Даже судьи в некоторых штатах избираются большинством. Таким образом, как бы несправедливо или неразумно с вами ни поступили, у вас есть только одна возможность — подчиниться.⁴

⁴ Во время войны 1812 года в Балтиморе произошел случай, который ярко показал, до каких крайностей может дойти деспотизм большинства. В это время война была очень популярна в Балтиморе, но одна газета высказывалась против нее и этим вызвала возмущение жителей. Собралась толпа, сломала печатные станки, напала на редакцию. Власти хотели вызвать милицию, но она отказалась явиться. Чтобы спасти несчастных журналистов, которым угрожала ярость толпы, было решено препроводить их в тюрьму, как преступников. Но и эта предосторожность их не спасла: ночью толпа собралась опять, и, поскольку и на этот раз собрать милицию не удалось, тюрьма была взята приступом, один из журналистов был убит на месте, остальные избиты до смерти. Виновные предстали перед судом присяжных, но были оправданы.

Однажды я спросил жителя Пенсильвании: «Объясните мне, пожалуйста, почему в штате, основанном квакерами и известном своей терпимостью, свободным неграм

Но ведь может существовать и такой законодательный корпус, который бы представлял большинство, не будучи рабом его страстей, такая исполнительная власть, которая располагала бы своими собственными силами, и, наконец, судебная власть, независимая от двух первых. И тогда правление будет также демократическим, но не будет почти никакой возможности для возникновения произвола.

Я не хочу сказать, что в современной Америке произвол — это часто встречающееся явление, но ничто не предохраняет американцев против него, а что касается мягкости правления, то ею они обязаны в первую очередь не законам, а обстоятельствам и нравам.

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ВЕДЕТ К ПРОИЗВОЛУ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Американский закон определяет границы деятельности государственных служащих, но внутри них предоставляет им свободу. — Власть государственных служащих.

Нужно отчетливо различать произвол и тиранию. Тирания может осуществляться посредством закона, и тогда это не произвол. Произвол может осуществляться в интересах граждан, и тогда его нельзя приравнять к тирании.

Тирания часто выражается в произволе, но при необходимости может обходиться и без него.

не позволяют пользоваться правами гражданина. Ведь они платят налоги, разве не было бы справедливо, чтобы они голосовали?» «Не оскорбляйте нас мыслью о том, что наши законодатели могли быть столь нетерпимы и совершить такую грубую несправедливость», — сказал он. «Значит, негры у вас имеют право голоса?» — «Несомненно». — «Тогда почему же среди выборщиков в законодательной ассамблее их совсем нет?» «Закон здесь ни при чем, — ответил мне американец. — Негры действительно имеют право участвовать в выборах, но они по своей воле воздерживаются от этого». — «Не слишком ли они скромны?» — «О! Дело не в том, что они не хотят принимать участия в выборах, просто они опасаются, что им придется плохо, если они попытаются это сделать. У нас иногда, если большинство не поддерживает закон, он бессилен. Что же касается негров, то против них большинство населения питает самые глубокие предрассудки, и власти не в состоянии гарантировать им права, предоставленные законом». — «Ах, вот как! Мало того, что большинство располагает преимущественным правом творить закон, оно хочет еще иметь право нарушать его?»

Всесилие большинства в Соединенных Штатах приводит как к деспотизму законодателей, так и к произволу государственных служащих. Только большинству принадлежит в этой стране право создавать законы и контролировать их исполнение, только в его власти находятся как правители, так и граждане. Поэтому оно смотрит на государственных служащих как на пассивных исполнителей своей воли, полностью полагается на них в претворении в жизнь своих замыслов и не дает себе труда заранее определять круг их прав и обязанностей. В его обращении с ними есть что-то от обращения хозяина со своими слугами: ведь они постоянно действуют под его надзором и он в любой момент может вмешаться и исправить их действия.

Как правило, по закону американские государственные служащие имеют значительно более широкий круг обязанностей, чем европейские. Иногда даже правящее большинство разрешает им выходить за его пределы. Поскольку убеждения большинства поддерживают и охраняют их, они подчас осмеливаются делать такие вещи, которые удивляют даже европейцев, привыкших к произволу. Таким образом в свободном обществе складываются привычки, которые со временем могут его погубить.

О ТОМ, КАК БОЛЬШИНСТВО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ВЛАСТВУЕТ НАД МЫСЛЬЮ

Когда большинство в Соединенных Штатах приходит к единому мнению по какому-либо вопросу, все споры прекращаются. — Почему это происходит. — Моральное воздействие большинства на мышление. — В демократических республиках деспотизм превращается в духовную силу.

Анализ духовной жизни Соединенных Штатов особенно ярко показывает, насколько влияние большинства превосходит любое другое влияние из тех, которые известны нам в Европе,

Мышление обладает невидимой и неуловимой силой, способной противостоять любой тирании. В наши дни монархи, располагающие самой неограниченной властью, не могут помешать распрост-

ранению в своих государствах и даже при своих дворах некоторых враждебных им идей. В Америке же дело обстоит иначе: до тех пор пока большинство не имеет единого мнения по какому-либо вопросу, он обсуждается. Но как только оно высказывает окончательное суждение, все замолкают и создается впечатление, что все, и сторонники и противники, разделяют его. Это легко объясняется: не существует монарха, обладающего достаточной властью для того, чтобы объединить все силы общества и побороть любое сопротивление, тогда как большинство, пользующееся правом создавать законы и приводить их в исполнение, легко может это сделать.

Кроме того, монарх обладает лишь материальной силой: он может не допустить каких-либо действий, но не имеет влияния на волю людей. Что касается большинства, то оно располагает как материальной, так и моральной силой, оно не только пресекает какие-то действия, но, воздействуя на волю, может лишить желания действовать.

Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке.

Нет такой религиозной или политической доктрины, которую нельзя было бы свободно исповедовать в конституционных государствах Европы и которая оттуда не распространялась бы в другие государства. Это происходит потому, что ни в одной европейской стране нет такой политической силы, которая властвовала бы безраздельно. Поэтому человек, который хочет там говорить правду, всегда найдет опору и защиту в случае, если его независимая позиция приведет к опасным для него последствиям. Если он имеет несчастье жить в стране, где у власти стоит абсолютный монарх, то на его сторону часто становится народ, если же он живет в конституционной стране, то при необходимости он может искать защиты у королевской власти. В демократических странах на его защиту может выступить аристократическая часть общества, а в других — демократическая. Но в такой стране, как Соединенные Штаты, где жизнь общества организована на демократических принципах, есть только одно условие силы и успеха, только одна власть, и все подчинено ей.

В Америке границы мыслительной деятельности, определенные большинством, чрезвычайно широки. В их пределах писатель сво-

боден в своем творчестве, но горе ему, если он осмеливается их преступить. Конечно, ему не грозит аутодафе, но он сталкивается с отвращением во всех его видах и с казждодневыми преследованиями. Политическая карьера для него закрыта, ведь он оскорбил единственную силу, способную открыть к ней доступ. Ему отказывают во всем, даже в славе. До того как он предал гласности свои убеждения, он думал, что у него есть сторонники. Теперь же, когда он выставил свои убеждения на всеобщий суд, ему кажется, что сторонников у него нет, потому что те, кто его осуждает, говорят громко, а те, кто разделяет его мысли, но не обладает его мужеством, молчат и отдаляются от него. Наконец, под градом ударов он уступает, сдается и замыкается в молчании, как если бы его мучали угрызения совести за то, что он сказал правду.

В прошлом тирания прибегала к грубым орудиям, таким, как цепи и палачи; современная цивилизация усовершенствовала даже деспотизм, хотя казалось, что он уже не способен ни к какому развитию.

Владыки прошлого превратили жестокость в материальную силу, а демократические республики наших дней сделали из него такую же духовную силу, как человеческая воля, которую оно стремится сломить. При абсолютной власти одного человека деспотизм, желая поразить душу, жестоко истязал тело, но душа ускользала от этих мучений и торжествовала над телом. Тирания демократических республик действует совершенно иначе. Ее не интересует тело, она обращается прямо к душе. Повелитель не говорит больше: «Ты будешь думать, как я, или умрешь». Он говорит: «Ты можешь не разделять моих мыслей, ты сохранишь свою жизнь и имущество, но отныне ты — чужак среди нас. За тобой останутся гражданские права, но они станут для тебя бесполезными. Если ты захочешь быть избранным своими согражданами, они тебе в этом откажут; если ты будешь добиваться их уважения, они сделают вид, что ты его не заслуживаешь. Ты останешься среди людей, но потеряешь право общаться с ними. И когда ты захочешь сблизиться с себе подобными, они будут избегать тебя как нечистого существа. Даже те, кто верит в твою невиновность, даже они отвернутся от тебя, так как в противном случае их постигла бы та же участь. Иди с миром, я сохраняю тебе жизнь, но она будет мучительнее, чем смерть».

Абсолютные монархии опорочили деспотизм. Будем же осторожны: демократические республики могут его реабилитировать и, сделав его особенно тягостным для немногих, лишит его в глазах большинства унизительных и гнусных свойств.

У самых гордых народов старого мира публиковались книги, описывавшие пороки и смешные стороны современников. Лабрюйер писал свою главу о вельможах, живя во дворце Людовика XIV, Мольер критиковал двор и разыгрывал свои пьесы перед придворными. Но сила, которая господствует в Соединенных Штатах, вовсе не желает, чтобы ее выставляли на смех. Ее оскорбляет самый мягкий упрек, пугает правда с малейшим оттенком колкости. Все должно восхваляться начиная от форм языка и кончая самыми устойчивыми добродетелями. Ни один писатель, как бы велика ни была его слава, не свободен от обязанности курить фимиам своим согражданам. Таким образом, большинство живет в самообожании, и только иностранцы или собственный опыт могут заставить американцев услышать некоторые истины.

Именно поэтому в Америке до сих пор нет великих писателей. Гениальным литераторам необходима свобода духа, а в Америке ее не существует.

Инквизиции никогда не удавалось полностью прекратить в Испании распространение книг, противоречащих религии, исповедуемой большинством народа. Власти большинства в Соединенных Штатах удалось достичь большего: она лишила людей самой мысли о возможности их публиковать. В Америке можно встретить неверующих, но неверие лишено возможности быть выраженным словесно.

Существуют правительства, которые, стремясь сохранить добрые нравы, привлекают к суду авторов непристойных книг. В Соединенных Штатах за такие книги никого не привлекают к суду, просто ни у кого не возникает желания их писать. Дело, конечно, не в том, что у всех граждан безукоризненные нравы, однако ими отличается большинство.

В данном случае власть большинства, безусловно, приносит пользу обществу, и, рассказывая об этом, я хочу лишь показать ее силу. Эта непреодолимая власть проявляется во всем, а приносимая ею польза представляет собой не что иное, как случай.

КАК БЕЗРАЗДЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ БОЛЬШИНСТВА ОТРАЖАЕТСЯ НА АМЕРИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ. О ПРИДВОРНОМ ДУХЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В настоящее время последствия безраздельной власти большинства больше сказываются на нравах, чем на управлении обществом. — Она мешает появлению великих людей. — В демократических республиках, организованных наподобие Соединенных Штатов, придворный дух распространяется среди значительного числа граждан. — Доказательства существования придворного духа в Соединенных Штатах. — Почему патриотические чувства более глубоки в народе, чем в людях, управляющих страной от его имени.

Тираническая власть большинства пока еще слабо отражается на политической жизни общества, но ее досадные последствия заметны в американском национальном характере. Думаю, что незначительное число крупных деятелей на политической арене современных Соединенных Штатов объясняется прежде всего постоянно растущим деспотизмом большинства.

Когда в Америке разразилась революция, там появилось множество крупных политиков. В то время общественное мнение направляло волю людей, но не подавляло ее. Прославленные люди той эпохи, свободно присоединявшиеся к тому или иному духовному течению, обладали собственным величием, и это величие не было ими заимствовано у народа, напротив, через них оно распространялось на народ.

В государствах с абсолютной монархией вельможи, окружающие трон, потакают страстям своего повелителя и охотно уступают его капризам. Но народные массы не раболепствуют. Они подчиняются абсолютной власти из слабости, по привычке или по невежеству, а иногда из любви к королевству или королю. В истории существовали народы, которые испытывали удовольствие и гордость, подчиняя свою волю воле монарха, и, таким образом, вносили и в подчинение своеобразную духовную независимость. Такие народы переживают несчастья, но они не подвержены разложению. Ведь де-

лать что-либо, не одобряя этого, далеко не то же самое, что притворно одобрять то, что делаешь. Первое свидетельствует о слабости человека, а второе — о лакейских привычках.

В свободных странах, где каждый так или иначе может высказать свое мнение о государственных делах, в демократических республиках, где общественная жизнь постоянно пересекается с частной, где народ, верховный владыка, внушает всем обожание, где для того, чтобы быть услышанным, достаточно просто заговорить, находясь немало людей, спекулирующих на слабостях народа и стремящихся нажиться за счет его страстей. В абсолютных монархиях таких людей значительно меньше. Дело не в том, что в демократических странах люди хуже по природе, чем в других местах, но они подвергаются более сильному и одновременно более массовому искушению, и это приводит к общему падению душевных качеств.

В демократических республиках придворный дух получает широкое распространение, он проникает во все классы общества. Это главное, в чем их можно упрекнуть.

Особенно ярко это видно в демократических государствах, имеющих такую же структуру, как американские республики, где большинство властвует так безраздельно и непреодолимо, что для того, чтобы отклониться от намеченного им пути, нужно в каком-то смысле отказаться от прав гражданина и человека.

Среди множества людей, которые в Соединенных Штатах занимаются политической деятельностью, совсем немногие отличаются мужественной искренностью и независимостью мышления, столь свойственной американцам прошлых времен и представляющей повсюду основную черту людей с сильным характером. На первый взгляд может показаться, что в интеллектуальном воспитании американцев нет никаких различий, настолько одинаково они мыслят. Правда, иногда иностранец может встретить в Америке людей, убеждения которых не совпадают в точности с общепринятыми. Они, случается, оплакивают изъяны законов, непостоянство демократии, свойственный ей низкий уровень просвещения. Они даже нередко замечают недостатки, оказывающие отрицательное воздействие на национальный характер, и указывают средства их исправления. Но никто, кроме иностранцев, их не слушает, а иностранцы, которым они доверяют свои тайные мысли, нигде не задерживаются надолго. Они охотно говорят об этих вещах с иностран-

цами, для которых все это не имеет большого значения, но среди своих соотечественников они держат совсем другие речи.

Если американцы когда-либо прочтут эти строки, то я уверен, что сначала все они единодушно осудят меня, а затем многие из них в глубине души меня простят.

Я слышал, как американцы говорят о своей родине, и встречал истинно патриотические чувства у американского народа. Однако я не обнаружил их у тех, кто им управляет. Это легко понять, если прибегнуть к аналогии: деспотизм значительно сильнее развращает подчиненных, нежели повелителей. В абсолютных монархиях король нередко обладает великими добродетелями, но придворные всегда отличаются низостью.

Конечно, в Америке придворные не говорят: «сир» и «ваше величество» — вот какая колоссальная разница. Но они без конца говорят о природной просвещенности своего владыки. Они не состязаются в попытках определить самую исключительную добродетель своего повелителя, а просто уверяют, что он, независимо от своей воли и не прикладывая к этому никаких усилий, обладает всеми добродетелями. Они не отдают ему своих жен и дочерей для того, чтобы он соблаговолит возвести их в ранг своих любовниц, но они приносят ему в жертву свои убеждения и продаются сами.

Американским моралистам и философам нет нужды скрывать свои мысли под покровом аллегории, но всякий раз, когда они отваживаются высказать какую-либо неприятную истину, они сначала заявляют: «Мы знаем, что мы говорим с народом, духовные качества которого настолько выше человеческих слабостей, что он никогда не может потерять самообладание. Мы бы не стали говорить подобные вещи, если бы не знали, что обращаемся к людям, которые благодаря своим добродетелям и просвещенности занимают исключительное место среди всех народов, достойных жить свободными».

Могли ли льстецы Людовика XIV придумать что-либо более изощренное?

По моему мнению, всегда и в любых формах правления низость и сила, лесть и власть будут находиться по соседству, и есть только один способ не допустить разложения людей: никто не должен обладать всей полнотой власти в обществе и тогда никто не будет достаточно силен для того, чтобы их унижать.

ВСЕСИЛИЕ БОЛЬШИНСТВА ТАИТ В СЕБЕ САМУЮ БОЛЬШУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ АМЕРИКАНСКИХ РЕСПУБЛИК

Демократическим республикам гибель грозит не от бессилия, а от злоупотребления силой. — Правительства американских республик более централизованы и более решительны в своих действиях, чем правительства европейских монархических государств. — Какую опасность это может представлять. — Мнения Мэдисона и Дефферсона по этому поводу.

Обычно причиной гибели какого-либо правительства бывает бессилие или тирания. В первом случае оно теряет власть, во втором — ее у него отнимают.

Поскольку демократические государства нередко кончают анархией, многие люди пришли к выводу, что их правительства слабы и беспомощны. Действительно, когда в демократических государствах вспыхивает борьба между партиями, влияние правительства на общество уменьшается. Однако нельзя сказать, что демократическая власть от природы лишена сил и возможностей, напротив, она почти всегда гибнет от злоупотребления силой и неудачного использования возможностей. Анархию почти всегда вызывает ее тирания или ее неискусность, а не ее бессилие.

Не следует пугать устойчивость и силу, величие чего-либо и долговечность. В демократических республиках власть, управляющая⁵ обществом, непостоянна, так как она часто переходит из рук в руки, часто меняются ее цели. Однако повсюду, где она существует, она обладает почти непреодолимой силой.

Правительства американских республик представляются мне не менее централизованными и более решительными, чем правительства европейских абсолютных монархий. Поэтому я не думаю, что их может погубить слабость.⁶

Если когда-либо Америка потеряет свободу, то винить за это надо

⁵ Власть может быть представлена ассамблеей, тогда она сильна, но непостоянна, она может быть сосредоточена в руках одного человека, в этом случае она менее сильна, но более постоянна.

⁶ Наверное, не нужно предупреждать читателя о том, что здесь, как и в остальной части главы, я говорю не о федеральном правительстве, а о правительствах штатов, где большинство властвует безраздельно.

будет всевластие большинства. Это может произойти в том случае, если большинство доведет меньшинство до отчаяния и толкнет его к применению грубой силы. Тогда может наступить анархия, но наступит она как следствие деспотизма.

Такие же мысли высказывал президент Джеймс Мэдисон (см. «Федералист», N 51).

«В республиках, — говорил он, — очень важно не только защищать общество от угнетения правителей, но также предохранять одну часть общества от несправедливости другой его части. Справедливость — вот цель, к которой должно стремиться любое правительство, именно ее ставят перед собой люди, объединяясь. Народы всегда делали и будут делать все для достижения этой цели до тех пор, пока им это не удастся или пока они не лишатся свободы.

Об обществе, в котором одна часть, наиболее могущественная, могла бы легко объединиться и подавить наиболее слабую часть, можно сказать, что в нем процветает анархия. Его можно было бы сравнить с положением вещей в природе, когда слабый беззащитен против сильного. Однако превратности судьбы, сопутствующие природному положению вещей, склоняют сильных к подчинению правительству, которое одинаково заботится и о них, и о слабых. По тем же причинам сильная часть общества, имеющего анархическое правление, со временем будет стремиться к такому правительству, которое в одинаковой степени будет охранять интересы всех его частей. Если бы штат Род-Айленд вышел из состава Федерации и имел народное правительство, которое бы осуществляло свою верховную власть на столь незначительной территории, то, несомненно, тирания большинства привела бы к полному бесправию. Дело закончилось бы тем, что люди потребовали бы установления власти, полностью независимой от народа. К такой власти призывали бы даже те группировки, которые и породили бесправие».

Джефферсон говорил: «Исполнительная власть в нашем государственном устройстве — это не единственная и даже не главная моя забота. Сейчас и еще в течение многих лет самую большую опасность будет представлять тирания законодателей. Исполнительная власть тоже может стать тиранической, но это случится позже».⁷

Говоря об этом, я всегда цитирую Джефферсона, а не кого-либо другого, так как считаю его самым крупным поборником демократии.

⁷ Письмо Джефферсона Мэдисону, 15 марта 1789 года.

Пол Андерсон — Ивану Ефремову

3 Лас Паломас
Оринда, Калифорния 94563
23 сентября 1969

Дорогой профессор Ефремов,

Снова, как и раньше, я должен извиниться, что не смог ответить на Ваше письмо сразу. Причина обычна — я был поглощен новой книгой, а Вы и сами знаете, что это оставляет немного сил на переписку. Помимо этого я немного путешествовал.

У нас здесь все хорошо и мы надеемся, что у всех Ваших друзей тоже все в порядке и Вы сами чувствуете себя лучше. Пожалуйста, передайте наши наилучшие пожелания профессору Кейлис-Бороку. Мы получили большое удовольствие от его посещений. Огромное спасибо за великолепные репродукции Чюрлёниса. Некоторые из них я отдам окантовать и повешу на стену. Я послал Вам большую коробку с книгами, но через некоторое время она вернулась ко мне обратно; по-видимому, инструкция не допускает отправку почтовых посылок таких размеров, по крайней мере — между нашими странами. Такое вполне может быть, однако теперь я посылаю книги заказными бандеролями. Отослать все книги за один раз было бы слишком дорого, и поэтому Вы, скорее всего, будете получать их постепенно на протяжении нескольких месяцев.

Этим летом я был загружен работой и поэтому мы никуда не уезжа-

ли из дому, как раньше. Помимо всего прочего, я заключил контракт с издательством, согласно которому я должен написать шесть романов за три года. Для некоторых писателей это безделица, но у меня работа продвигается намного медленнее. Ещё я редактировал сборник рассказов призёров премии «Небьюла» этого года, которая присуждается Американской Ассоциацией писателей-фантастов. Это не говоря о необходимости читать вёрстку прочих вещей, которые находятся в печати.

В начале июля мы ездили в район Лос-Анджелеса. К югу двигались по чудесной дороге вдоль океана, затем отвернули севернее, вглубь континента, тоже по живописной дороге через пустыню — на местный съезд любителей фантастики. Такого рода мероприятия похожи на вечеринки продолжительностью в несколько дней, на которых можно встретить своих старых друзей и приобрести новых. (Скажем, со своей женой я познакомился на подобной конференции в Чикаго, семнадцать лет назад). Изредка там отдельные писатели и издатели могут заключить небольшой контракт — из-за немногочисленности таких фактов плата за посещение конференции не облагается налогами, — но по большей мере это просто веселье.

Естественно, самым великим событием была за это время высадка людей на Луну. Мы взяли напрокат цветной телевизор и пригласили несколько друзей на просмотр. Сама Луна висела на небе, над холмами, до которых рукой подать, и иногда мы выходили наружу, чтобы взглянуть на нее. Я не надеюсь стать свидетелем другого столь же замечательного мига, если только не доживу до первой высадки людей на Марс (а там, вполне вероятно, первыми могут оказаться русские!). По телевидению показывали реакцию людей во всем мире на это событие, ну и, конечно же, нашлись такие — помню мужчину, кажется из Югославии — которые выражали недовольство: мол, таким образом с Луны снят романтический ореол. Лестер дель Рэй, который тоже видел этот репортаж, энергично возразил: «Да нет, черт возьми, они только что вернули Луне романтику!»

Было интересно, и до некоторой степени ободряюще, видеть реакцию Ральфа Абернати, известного лидера негритянского движения. Он повел делегацию на место запуска, чтобы протестовать против траты денег налогоплательщиков на космос, так как в стране полно бедных людей. Членов делегации пригласили наблюдать запуск из бункера для почетных гостей. Позже Абернати признал, что, увидев запуск

ракеты «Сатурн», на мгновение забыл обо всем и даже причину, по которой попал сюда. (На самом деле, он ошибался с самого начала, так как расходы на космос много ниже 10% от расходов на здравоохранение, образование и социальную помощь — и кто знает, чем измерить выгоду, которую полеты принесут в дальнейшем?) Повсюду люди почти ни о чем, кроме высадки людей на Луну, и не говорили.

Кстати, одна из книг, которую я Вам посылаю, написана мною об астронавтике — или как у Вас принято, космонавтике — для юных читателей. Частично книга уже устарела и вряд ли добавит что-либо новое к уже известному Вам, но, возможно, она все же покажется Вам любопытной. Я постарался включить в нее побольше советских материалов.

Одно омрачило высадку людей на Луну: Вилли Лей умер месяцем раньше этого события. Зачинатель и провозвестник космической эры в Америке был нашим другом и нам всегда будет его не хватать.

Так вот, продолжая рассказ о событиях этого года, в конце августа мы полетели в Сент-Луис (штат Миссури), на Всемирную конференцию по научной фантастике. Еще несколько дней шумного веселья, только большего масштаба, чем региональное — собралось около 1800 человек. Было много приятных моментов и для меня. На костюмированном балу жена и дочь получили приз за свой костюм — вампир и его жертва, полное облачение вкупе с машущими крыльями летучей мыши. Один испанец подарил мне великолепную шпагу в ножнах просто потому, что ему нравятся мои книги. И я получил еще третью премию «Хьюго» за лучший рассказ года. («Хьюго» в отличие от «Небьюлы», присуждается в основном читателями, а не профессионалами). Среди присутствующих были Гарри Гаррисон, Лестер дель Рэй, Бен Бова, Л.Спрэг де Кэмп, Филип Хозе Фармер, Дэниэл Галуи, Роберт Блох, Харлан Эллисон, Хэл Клемент, почетным гостем был художник Джек Гогэн.

Вскоре после возвращения домой мне пришлось одному ехать в Канаду для чтения лекций в планетарии города Калгари (провинция Альберта). Я был там как-то раз раньше, но только проездом, по дороге к Скалистым горам, которые расположены поблизости. Это оказался необыкновенно славный городок с чистым воздухом и улицами, чудесными парками и интересными музеями. В городе есть также зоосад с фигурами динозавров в натуральную величину. А еще там хорошая кухня, замечательное пиво и удивительная концентрация по-на-

стоящему красивых молодых женщин — последнее, полагаю, из-за того, что это единственный большой город в этой сельской местности. Я мог бы еще добавить, что люди там очень доброжелательны, однако мне никогда не случалось бывать в таком месте, где большинство людей было бы не дружелюбно и не выказывало бы желания помочь, даже в Нью-Йорке и Париже, которые имеют такую плохую репутацию на этот счет. По дороге домой я навесил семью Алана Нурса, ученого и писателя-фантаста. У них большой дом поблизости от Сиэтла и еще один за городом в горах. Та местность до сих пор еще не слишком перенаселена; от центра Сиэтла за час-два на машине можно попасть в нетронутую человеком глушь, а ходить там под парусом просто великолепно. Главный недостаток тех мест — дождливый климат.

Теперь я снова осяду и буду много работать. По плану, через пару недель, состоится новый турнир, последний в этом году и, возможно, последний, на который я поеду. Человек в свои сорок лет мало что может противопоставить юным двадцатилетним противникам, за исключением мастерства; теперь молодежь и сама обрела сноровку. Ну, будет что вспомнить. Я стану наведываться на соревнования в качестве зрителя. В дальнейшем, если все будет в порядке, я возглавлю группу, которая хочет обзавестись судном и поэкспериментировать со средневековой парусной техникой.

В следующем году съезд любителей фантастики будет проходить в Гейдельберге и, если все сложится хорошо, мы на него поедem. Нам бы хотелось провести лето в Европе. Так как мы собираемся навесить моих родственников в Дании, а жена очень хочет увидеть полнoчное солнце в северной Норвегии, то мы, вероятно, смогли бы, наконец, ненадолго заехать в Москву. Если здоровье и работа Вам позволят, то для меня было бы большим удовольствием встретиться с Вами лично. Кстати, почему бы российским любителям научной фантастики и некоторым писателям тоже не спланировать поездку в Гейдельберг?

Если вернуться к более серьезным вопросам, которые Вы затронули в прошлом письме, то в Америке мы все более проникаемся важностью проблемы загрязнения окружающей среды. По большей части это, скорее, проблема социальная, нежели технологическая; мы знаем, что должно быть сделано, но просто не можем добиться, чтобы люди это выполняли. Наносить вред могут равным образом и государственные учреждения, и коммерческие предприятия, и частные лица. Например, муниципальные учреждения, у которых система очистки не

отвечает современным требованиям, военно-инженерные части, которые строят ненужные дамбы, и тому подобное.

Однако, с осознанием происходящего активность людей возрастает. В штате Висконсин сейчас абсолютно запрещен инсектицид ДДТ; в Калифорнии подобная мера пока провалилась, но возможно в будущем году такой законопроект примут и там. Нам удалось провести закон и добиться создания особого комитета, который должен следить за тем, чтобы в залив Сан-Франциско не сливали отходы. Для новых автомобилей приняты более строгие стандарты по контролю за выхлопом. Серьёзно рассматриваются альтернативы двигателю внутреннего сгорания. Надеюсь, уже в следующем поколении профессия менеджера-эколога станет одной из важнейших.

Возможно, я слишком оптимистичен. Вы, наверное, тоже не считаете меня пессимистом, и поэтому я должен признать, что американцы были заведомо слишком оптимистично настроены, слишком верили в разум человека и неизбежность прогресса. Последние годы выдались трудные, а для некоторых из американцев даже мучительные; очевидно, что наши проблемы не исчезнут в одночасье. Но растёт ощущение, что в обозримом будущем все уляжется. Меня часто удивляло, что многие студенты-естественники вполне довольны положением вещей и уверены, что удастся найти практические способы исправления общественных зол, протестанты концентрируются в среде студентов-гуманитариев. И все-таки будущее за теми, кто владеет технологиями.

На этом я заканчиваю свое письмо, снова наилучшие пожелания всем.

Искренне Ваш,

A handwritten signature in cursive script that reads "Paul Anderson". The signature is fluid and extends to the right with a long, sweeping underline.

Пол Андерсон.

СП-1

АБОНЕМЕНТ

Техника молодежи

(индекс издания)

Количество
комплектов

На 1996 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

доставочная карточка

ПВ	место	ли- тер

(индекс издания)

Техника молодежи

Стои- мость	по каталогу	руб.	коп.	Количество комплек- тов
	за доставку	руб.	коп.	

На 1996 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

уда

(почтовый индекс)

(адрес)

ому

(фамилия, инициалы)

1. Откуда Вы узнали о «Сверхновой»?

из подписного каталога _____

от друзей _____

по радио _____

другое _____

2. Ваше мнение об этом номере: что понравилось и что нет?

Почему?

3. Чего Вы тут не увидели, но хотели бы увидеть в будущих выпусках?

4. Как этот номер попал к Вам в руки?

по подписке _____

купили в киоске _____

купили на лотке _____

другое _____

5. Если Вы читали «Сверхновую» раньше, пожалуйста, укажите, какие номера запомнились Вам больше всего:

1994 № 1 (Резник, Раш, Гарсия-и-Робертсон, Стержден)

2 (Гарсия-и-Робертсон, киберпанк, Интернет)

3 (женский: Вильхельм, Нагата, Имена Богинь)

4 (альтернативная история: Дентон, Атли, Токвиль)

5 (юбилейный: Гилмен, Уилсон, Азимов, Баллард)

6 (рождественский: Ричерсон, Пол, Толкиен)

1995 N 1 (белый: Шепард, Дентон)

2 (китайский: Ши, Уитлок, библиография)

3 (женский: Типтри, Шерман, Рожденные плавать)

4 (космический: Фрайрайх, солнечные парусники)

5-6 (киберпанк: Коуни, киберпространство, И-Жизнь)

1996 N 1-2 (языческий: конкурс Сверхновой, Каннингем)

3-4 (Ле Гуин, Брэдли, Гилмен, Джерролд)

5-6 (наука и фантастика: Брин, Желязны, Азимов)

7 (Дух Надежды: Олтиен, Гилмен, Брэдли)

Кстати, большинство номеров можно получить по почте наложенным платежом, если прислать открытку или позвонить в редакцию 932-90-69.

6. Какие еще фантастические издания Вы читаете?

7. Пожалуйста, несколько слов о себе:

имя и фамилия _____

возраст и профессия _____

читали ли фантастику прежде _____

Благодарим Вас за ответы, постараемся их учесть и сделать журнал еще интереснее, ориентируясь на Ваш вкус.

Ф. СП-1

Министерство связи России

АБОНЕМЕНТ на журнал

45467

(индекс издания по каталогу «Книга-сервис»)

«СВЕРХНОВАЯ. F & SF»

(наименование издания)	Количество комплектов	
------------------------	-----------------------	--

На 1997 год по ВЫПУСКАМ:

1	2	3	4	5	6	7	8

Куда		
	(почтовый индекс)	(адрес)

Кому	
	(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли-тер

на журнал

45467

(индекс издания по каталогу «Книга-сервис»)

«СВЕРХНОВАЯ. F & SF»

(наименование издания)

Стои-мость	подписки	Руб		Количество комплектов	
	пере-адресовки	Руб			

На 1997 год по выпускам:

1	2	3	4	5	6	7	8

Куда		
	(почтовый индекс)	(адрес)

Кому	
	(фамилия, инициалы)

ФАНТАСТИЧЕСКИ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В ЖУРНАЛЕ ФАНТАСТИКИ!

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction» — принимает заказы на размещение рекламы.

10-тысячный тираж «Сверхновой американской фантастики» ежемесячно распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира.

Мы особо приветствуем на своих страницах рекламу новых технологий, медицинской и вычислительной техники, средств связи, наукоёмких товаров и услуг, а также тех, кто финансирует развитие науки, вкладывает средства и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. Для этих рекламодателей предусмотрены специальные скидки.

Льготы предусмотрены и для КЛФ, и для книгоиздателей (возможен бартер).

Наши расценки на рекламу в одном номере журнала:

4-я страница обложки — 1.000 у. е. (цветная); 2-я и 3-я страницы обложки — 800 у. е.; 1 ч/б страница в журнале — 400 у. е.; 1/2 страницы — 250 у. е.

Для Вас — фантастическая реклама в журнале фантастики!

Подписной индекс «Сверхновой» — 45467 в каталоге «Книга сервис».

* * *

Подписку осуществляет Агентство

тел (095) 129-72-12

факс (095) 129-01-54

РФ 117168, г. Москва

Кржижановского, 14/1

Агентство "Книга-Сервис" обрабатывает
22% информационного потока России
на самых выгодных для Вас условиях!

научно-популярный журнал

ТЕРРА ИНКОГНИТА

Самые жгучие
тайны и загадки
в журнале
"ТЕРРА ИНКОГНИТА"

- анализ исторических событий
- археологические события
- рождения и гибель цивилизация
- катастрофы
- исследования аномальных явления

индекс журнала

70336

Техника молодежи

— ЗАГЛЯНИ

В ЗАВТРАШНИЙ

МИР!

ЖУРНАЛ ТМ

- Сенсации науки и техники.
- Открытия и патенты.
- Аудио-, видеотехника, компьютеры.
- Автомобили, моделизм.
- Оружие и военная техника.
- Антология таинственных случаев.
- Загадки забытых цивилизаций.
- Феномены. Фантастика.

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ

по каталогу Роспечати:

70973 — для населения;

72998 — для организации;

по каталогу АЛР:

72098 — общедоступный
выпуск для небогатых

В издательском доме «ТМ»
выпускается иллюстрированная

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТЕХНИКИ»

Изданы и продаются
отдельные томы:

- Пистолеты и револьверы.
- Викторки и автоматы.
- Униформа Красной Армии и вермахта.
- Армия Петра I.
- Оружие коллекции Петра I.
- Истребитель Р-63 «Кингкобра».
- Гостюшин А. Энциклопедия экстремальных ситуаций.

Готовятся к печати:

- Индийцы. Военные сообщества, оружие, воинская магия, сражения.
- История пиратства.
- От античности до наших дней.
- Парусники мира.

ПРИЛОЖЕНИЯ

к журналу ТМ

«АВИАмастер», «ТАНКОмастер», «ФЛОТОмастер»

- Модели и моделисты.
- История техники. Спорт.
- Уникалы.
- Каталоги новинок.

Подписка в редакции

ЖУРНАЛ

«Горные лыжи/Ski»

- Экип. Новинки горнолыжных фирм.
- Отдых в горах. Курорты.
- Советы «чайникам» и асам.
- Интересное на «закуску».

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ

по каталогу Роспечати:

73076 — для населения;

72778 — для организации